

НАЧАЛО

ВЕКА

2022

№1

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ
ЛИТЕРАТУРНОЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Первый номер журнала
вышел в январе 2007 года

НАЧАЛО ВЕКА 2022/1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
И КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Выходит с января 2007 года

ИЗДАНИЕ ТОМСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ

Главные редакторы:

Геннадий СКАРЛЫГИН
Оксана ЧАЙКОВСКАЯ

Редколлегия:

Геннадий АНКУДИНОВ
Дмитрий БАРЧУК
Александр КАЗАРКИН
Елена КИРИЛЛОВА
Елена КЛИМЕНКО
Галина КЛИМОВСКАЯ
Вениамин КОЛЫХАЛОВ
Николай СЕРЕБРЕННИКОВ

Адрес редакции:

634050, г. Томск, ул. Шишкова, д. 10.
Тел. 528-369.
E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

Электронные версии журнала:

<http://elib.tomsk.ru/page/25940/>
<http://tompisatel.ru/proektyi/nachalo-veka.html>
<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/nachalo-veka>

При перепечатке материалов
ссылка на журнал «Начало века»
обязательна.

Мнения авторов не обязательно
совпадают с мнением редакции.

Журнал выходит при поддержке
Администрации Томской области.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

Галина КЛИМОВСКАЯ

Переезд на новую квартиру
в 1981 году 2

Леонид ШЕЛУДЬКО

Алкаши 20

ПОЭЗИЯ

Геннадий СКАРЛЫГИН 54

Станислав ФЕДОТОВ 62

Елена КЛИМЕНКО 71

КРАЕВЕДЕНИЕ

Светлана РОДИКОВА

История хантыйской девочки 77

ПРОЗА

Иван КРИСКЕВИЧ

Размышления о природе
и человеке 93

ПОЭЗИЯ

Надежда ПОЧУЕВА 100

Александр РАЕВСКИЙ 106

Ольга ГЕЙН 114

ПРОЗА

Надежда МИТЯГИНА

Под крышей мира 117

ПОЭЗИЯ

Наталья БУКОВСКАЯ 138

Галина ОКСЁНОВА 141

ЧТО СМЕШНОГО?

Алексей НАЗАРОВ

Пародии 143

Степан КЛИМОВ

Ироническая проза 145

Олег КИСЛИЦКИЙ

Пародии 152

АВТОРЫ НОМЕРА 157

Галина Климовская

ПЕРЕЕЗД НА НОВУЮ КВАРТИРУ В 1981 ГОДУ

Былое и думы

Просто удивительно, сколько (в данном случае – четыре) событий, важных в плане жизни одного отдельного человека (в данном случае – меня) могут вместиться в короткий в историческом масштабе срок (в данном случае – в первые два месяца одного, именно 1981-го).

И что интересно, эти четыре события моей личной жизни тесно переплелись с двумя событиями большого общественного звучания. Первое из них имело прямое отношение к Томскому государственному университету, где я – в качестве доцента филологического факультета – работала в то время (и до 2018 года, до своего 85-летия). Второе событие имело уже общегосударственный масштаб, о чём чуть позже.

А начну с первого события, которое случилось в первый месяц того, 1981 года. Именно на его январь пришлось столетие со дня открытия нашего университета. И по причине и в ознаменование этой даты правительством нашей страны на университет было спущено сто (100!) правительственных наград – орденов и медалей разных степеней и достоинств.

И в это же самое время, в честь этого же события, университету была отдана в вечное пользование вся вторая половина только что достроенного огромного – девятиэтажного и десятиподъездного – дома (вблизи площади Южной). Этот дом и по сей день завершает улицу имени адмирала Нахимова, а двумя последними подъездами заворачивает на Красноармейскую. Если же учесть, что двумя первыми своими подъездами (сданными в эксплуатацию двумя годами раньше) этот дом завернул под прямым углом на улицу имени революционера Лыткина, то общая его (дома) конфигурация приобрела форму огромной и по углам ломаной буквы П. И скоро в народе он получил многозначительное имя собственное – Пентагон (что в переводе с латинского означает пятиугольник), с тонким намёком на здание военного министерства США. Впрочем, со временем это его, Пентагона, метафорическое название приобрело официальный статус: возник, например, ТСЖ «Пентагон», что бы это ни значило.

И вот подумать только, что оба эти события в жизни нашего университета (100 орденов и медалей и обретение Пентагона) стали обстоятельствами моей личной жизни и жизни моей семьи.

Ну, что касается орденов и медалей, то мне от правительственных щедрот перепала самая маленькая по достоинству медаль – «За трудовое отличие». Но надо учесть, что на весь наш филологический факультет было спущено только три награды: «Орден Дружбы народов» декану факультета и одновременно профессору (что ступенью выше, чем доцент), медаль «За трудовую доблесть»

– легендарной Фаине Зиновьевне Кануновой, профессору, заведующей кафедрой и лауреату государственной премии, и третья – «За трудовое отличие» – мне, с одного боку ещё зелёному доценту. Это вызвало на факультете, мягко говоря, всеобщее удивление. В конце концов, к этому времени на факультете был и ещё один профессор и вполне достойный награды человек, никак правительством в тот раз не отмеченный. Это уж потом хватились...

Но было вполне логичное объяснение этой якобы допущенной правительством промашки. Ведь вопрос в том, кого и как наградить, решался не непосредственно правительством, а по предварительным спискам, составляемым на местах, – в данном случае парткомом нашего университета. Но и со стороны нашего парткома в отношении меня была не промашка, а учёт мнения редактора тогдашней многотиражной газеты университета «За советскую науку» (сокращённо ЗСН, а интимно даже «зэсээнка») Галины Александровны Чалдышевой. Дело в том, что я к тому времени была уже в течение лет пяти активным и продуктивным сотрудником этой газеты. Основными жанрами моих выступлений на страницах ЗСН были очерки о выдающихся учёных университета и проблемные статьи, что очень ценилось.

Чтобы не быть голословной, назову три охваченные мною тогда проблемы. Во-первых, в большой, на целую полосу, статье «Куда исчезли тройки?» я попыталась теоретически осмыслить замеченную нами, преподавателями, особенность результатов нескольких последних экзаменационных сессий: из ведомостей и зачёток исчезли в общем-то популярные ранее тройки. Так, на ведомость в 20 фамилий теперь приходилось 18 пятёрок-четвёрок (в основном четвёрок) и один-два неуда или неявок на экзамен. А тройки – исчезли... В те времена в нашем обществе в государственном формате шло широкое обсуждение проблем школьного и высшего образования. Возникло несколько новационных авторских программ. И в Томске возникло несколько такого рода школ. Я со многим из этого ознакомилась и решила сделать вывод о том, что к этому времени в нашем обществе резко повысился авторитет высшего образования. Моя статья имела успех, обсуждалась на методсовете нашего и ещё двух факультетов – с моим участием.

Другим моим значительным выступлением на страницах ЗСН была большая статья (вышедшая впоследствии отдельной брошюрой) на тему «Методика и техника планирования учебного труда студентов». В ней я обобщила (и адаптировала к труду студентов) результаты нескольких практик рациональной организации труда вообще, сложившихся в самом конце XIX – начале XX века (прежде всего в Америке) и вновь ставших актуальными в 70-е годы. Так, там описывалась научно (медицински) обоснованная структура времени суток – с выявлением наиболее и наименее продуктивных отрезков – и с отрицанием теории о совах и жаворонках; предлагались несколько способов скорочтения и сокращённого письма, актуальных в практике многопишущих людей, к которым относятся студенты. Помню, что я даже предложила в своём спецсеминаре по социолингвистике тему по этой последней проблеме. Студентка, избравшая эту тему, выявила примерно 40 способов сокращения буквенной формы русских слов, извлечённых из пятидесяти комплектов студенческих лекционных конспектов. С этой темой я и она долго имели успех у всех

заинтересованных. К числу этих последних присоединился и методический кабинет научной библиотеки университета, и с его технической помощью (организация тематических стендов со списками литературы по этой проблеме) была проведена – в большом методическом зале библиотеки – конференция для студентов разных факультетов.

И, наконец, в третьей моей и самой проблемной статье для ЗСН я подвела итоги затеянной и проведённой мной конференции на политически очень остроу в то время тему «Что такое интеллигенция?». Эта тема была навеяна мне только что вышедшей в свет книгой московского (или ленинградского?) философа И. Кона именно с таким названием: «Что такое интеллигенция?». Тема эта и сегодня не утратила своей актуальности, что уж говорить о 1979 годе – времени издания этой книги!

Собственно, эта конференция была рассчитана мной как партторгом кафедры общего языкознания только на пять комсомольско-студенческих групп (с первого по пятый курс), прикреплённых к этой кафедре, и имела целью заменить чем-то более интересным обязательные в то время скучные еженедельные политинформации по материалам газет «Правда» и «Комсомольская правда» (на которые, кстати, мы, преподаватели, в особенности члены партии, обязаны были подписываться). Но неожиданно для меня и против моей воли эта моя конференция ещё в зародыше привлекла к себе внимание очень многих разных людей с разных факультетов: студентов, аспирантов. Помню, что на само её заседание пришли даже политехники, друзья моих студенточек: как с горы скатились – в прямом и переносном смысле.

Острота темы этой конференции объяснялась тем, что в то время официально полагалось, что интеллигенции как отдельного социального класса в нашей стране нет. А есть три категории трудящихся, различающихся по типу их общественно значимого производительного труда: рабочие, крестьяне и служащие. К этому третьему классу, помимо работников торговли, средств связи и т. п., относились и деятели науки, культуры и просвещения. (Вот вспомнила, что в документах моих родителей, преподавателей среднего звена народного просвещения, в графе «социальное положение» указывалось: «служащий» – в мужском роде даже в документе матери). Кроме того, нередко в слово «интеллигент» вкладывалось дополнительное значение нерешительности, склонности к сомнению, малодушия (см. толковые словари того времени). Вот как-то так.

В книге же И. Кона в моём сегодняшнем вольном пересказе интеллигенция трактовалась как зародившийся ещё в античные времена и отдельный от рабочих, крестьян и служащих социальный класс общества, отличающийся от других классов типом труда – именно умственным, интеллектуальным типом. Этот класс включает в себя деятелей науки, просвещения всех уровней – от школ до университетов – и культуры (писателей, художников, композиторов, деятелей театра, кино и средств массовой информации). Кроме того, этот класс вмещает в себя наиболее образованные и творческие слои (верхушки) трёх других классов. Как таковая интеллигенция является движущей силой прогресса человечества, дрожжевым ферментом в разного рода новационных процессах, назревающих в обществе, в том числе и политических, – и, как

следствие этого последнего, вечной головной болью разного рода правителей и правительств.

Для конца 70-х годов прошлого века эти мысли И. Кона были остры до полной их недопустимости. В политическом пространстве страны ещё не совсем умолкли голоса и отголоски политической Оттепели 60-х годов, а уже по углам и закоулкам начал бродить грозный призрак грядущей Перестройки 80-х – 90-х годов (катастрофы, как острили уже в 90-е годы).

А тут я со своей конференцией... Не из тучки гром... Но когда партийный комитет университета хватился, было уже поздно эту конференцию запрещать. По чьей-то (не моей) инициативе красочное объявление о ней (конференции) уже висело не только в нашем учебном корпусе (где в то время всё ещё толклись в тесноте самые взрывоопасные гуманитарные факультеты: исторический, филологический, экономический, юридический), но и в фойе научной библиотеки, где его могли видеть все – все – все. И тогда партком принял соломоново решение: не рубить на корню эту самозародившуюся конференцию, а представить её как реализацию своей собственной инициативы, и назначил ей (конференции) своего партийного куратора. В качестве такового был избран один славный человек: бывший офицер Советской Армии, а к тому моменту аспирант кафедры общественных наук. Это были годы, когда и в студенческие группы, и в аспирантуры пришло – хлынуло – большое число военнослужащих, не имевших ранее возможности получить высшее образование.

Но в парткоме не знали (и никогда не узнали), что этот действительно очень славный человек по совместительству со всем, что о нём уже сказано, был желанным завсегдатаем ежесубботних заседаний нашего (литературного по интересам и преподавательского по составу) клуба, согретого всё ещё не до конца остывшим теплом Оттепели. И даже милым другом одной из «клубничек» (то есть члена клуба женского пола. Клубничками нас называл именно он, славный человек).

Назначение куратора от парткома сильно сократило мои заботы и хлопоты по организации конференции. Под её заседание было зафрахтовано большое красивое помещение на первом этаже старого здания библиотеки. В день заседания оно было меблировано наподобие кафе, отдельными столиками, уставленными принадлежностями чаепития: чашечки-блюдца, печенье в вазочках, конфеты. Ни дать ни взять – собрание дружеского клуба по интересам. Филателистов или любителей художественного вышивания...

Однако у этого вольного собрания друзей был партийный куратор и президиум, в который, кроме меня и славного человека, были введены старый член партии и, как безусловный представитель интеллигенции, тогдашний директор городского драмтеатра.

И вот оно, заседание этой конференции. Вначале я как ведущая сделала небольшой доклад на тему, что такое интеллигенция, – со ссылкой на великих: Маркс, Энгельс, наш Плеханов. Затем я самые несвоевременные мысли И. Кона изложила – под дружескими, но со скрытым смыслом взглядами славного человека из президиума – в хорошо причёсанном виде. Дескать, интеллигенция – это социальный класс (всё-таки отдельный класс, а не приставка

к классу служащих) людей умственного труда (учёных, деятелей культуры и просвещения), генератор многих научных, социальных и культурных инициатив, носитель высокой нравственности. Довела до сведения собравшихся, что термин «интеллигенция» именно в этом значении ввёл в употребление русский писатель конца XIX – начала XX века П. Д. Боборыкин, и в этом значении этот термин стал употребляться и в других странах.

В последовавшем за моим выступлении директора драмтеатра причудливо сопряглись бурный кавказский темперамент (он был грузин по национальности), неважное знание русского языка и полное непонимание того, во что, собственно, его, всего-навсего директора драмтеатра, втянули. Старый член партии от выступления отказался. Зато наш милый друг пел соловьём – и на два разных голоса: отчасти в унисон. И. Коном (ему-то это было позволительно), отчасти в согласии с официальной точкой зрения: дескать, зачем нам второй, иноязычный по происхождению термин «интеллигенция» для обозначения расширительно понимаемого класса служащих (с включением учёных, писателей и т. п.), когда по существу это одно и то же.

В общем, вся моя амбициозная, с большим замахом затея с этой конференцией окончилась для меня относительно благополучно (одна-две бессонные ночи не в счёт). Мне даже было предложено – как бы в закрепление мысли о том, что конференция эта была мероприятием абсолютно лояльным, – написать о ней в ЗСН, на всей четвертой, самой всегда интересной полосе. Я, получив по ходу всех этих событий хороший урок политической осмотрительности, всю эту четвёртую полосу заполнила яркими высказываниями великих мира сего на тему интеллигенции, добавив к упоминаемым в моём докладе именам много других, взятых из книги И. Кона. А выводы, дескать, делайте сами...

Кстати, как выяснилось в ходе обсуждения результатов этой злополучной конференции с моими студентами, они из всего услышанного усвоили главное: интеллигент – это человек, которому не может быть хорошо, если кому-то рядом плохо. И не важно, к какому классу – рабочих, крестьян или служащих – он относится. Что ж, для первого раза было достаточно.

Боже мой, столько лет прошло с тех пор, столько воды – всякой – утекло, а я всё ещё оправдываюсь перед родным факультетом за ту медаль, которую мне вручили якобы в обход более достойных. Но ведь в ЗСН (да и как парторг) я действительно работала долго и с хорошей отдачей. Разве не так? Кроме того, я полагаю, включением меня в предварительный, посылаемый в правительство список рекомендованных к наградам старались как бы окончательно замять для ясности шум с этой интеллигенцией. Таким образом, в нём, в этом списке, я отсвечивала, как Бог Саваоф, одна в двух лицах: и как доцент своего факультета, и как корреспондент ЗСН и инициативный парторг. В наше деловое время это называется взаимный зачёт.

Чтобы окончательно закрыть эту «медальную» тему, скажу, что в апреле того же года, в очередную годовщину рождения В. И. Ленина, мне и остальным девяносто девяти удостоенным эти награды были вручены в конференц-зале обкома партии – с подношением каждому по большой алой розе – тогдашним секретарём нашего обкома партии, впоследствии легендарным Егором Кузьмичом Лигачёвым.

А второе событие начала 1981 года, напрямую связанное со столетием нашего университета и прямо-таки судьбоносное для меня и моей семьи (и многих других университетских семей), было совершенно иного рода. Вот теперь подробнее об этом втором событии – получении университетом второй половины Пентагона и его заселении. К этому времени лично моя семья, помимо меня, состояла из моей замужней дочери-студентки, её мужа, аспиранта-историка и пожарника в одном лице, их полуторагодовалого сыночка Ванечки (а его сестрёнка Анечка ожидалась к июню того года) и моей престарелой матери, которая по причине её нескольких заболеваний и их несовместимости в хрущёвской двушке со здоровьем Ванечки, находилась в моём родном городе – Новокузнецке, на попечении её младшей сестры, а моей дорогой тёти Веры, и её мужа. Кстати, в этой двухкомнатной хрущёвке, полученной мной от университета же двенадцатью годами ранее, мы прожили втроём с моей матерью и дочерью эти долгие двенадцать лет – в относительном благополучии и с благодарностью университету.

Но, как известно с давних пор, всё течёт, всё изменяется, и к началу 1981 года нам в описанном выше семейном составе в этой «двушке» стало, как бы выразились сегодня, конкретно тесно – особенно с учётом разных научно-учебных устремлений меня и моих дочери и зятя: три тематически разных потока книг и бумаг – литературоведения, лингвистики и истории – постоянно сталкивались и смешивались на единственном письменном столе. Так что я, даже в абсолютном отрыве от медали, была законным претендентом на новую квартиру в новом доме – и моя претензия в конце концов была удовлетворена. Но, боже мой, сколько событий и коллизий разного рода этому предшествовало!

И начать вот с чего. Я и мои две землячки-новокузнецчанки (в прошлом все три – золотые-серебряные медалистки своих школ, а к 1981 году – коллеги по нашему филологическому факультету), уже в течение нескольких лет стояли в, казалось бы, безнадежной профкомовской очереди на расширение наших жилых площадей. Но вот в самом конце января того года в связи с неожиданным – почти сказочным – вторжением в нашу жизнь Пентагона всё в этом деле стронулось с мёртвой точки. Наш профком достал со своих самых верхних запылённых полок наши почти истлевшие заявления и сопоставил наши запечатлённые там квартирные чаяния с количеством в новом доме двух-, трёх- и даже четырёхкомнатных (!) квартир. И всех претендентов на них выстроил по рангам: некандидаты наук; кандидаты, но ещё не доценты; кандидаты-доценты и профессора. И оказалось, что особенно остро встал вопрос о трёхкомнатных квартирах: на них претендовали не только кандидаты наук и при этом доценты, но и некоторые многодетные некандидаты: лаборанты, сотрудники административно-хозяйственной части университета. И вот нас троих, моих землячек – кандидатов и одновременно доцентов – вызвали в профком и в почти извинительном тоне спросили: «Вот у вас в заявлениях обозначены трёхкомнатные квартиры, но они уже все распределены, остались только четырёхкомнатные. Так не согласитесь ли вы на четырёхкомнатные?..» Мы, в некотором ошеломлении, согласились... А вы бы нет? Я до сих пор помню то чудесное ошеломление – чудес-то вообще на свете немного... Но, как

это ни странно, этот же вопрос – о моём согласии на четырёхкомнатную квартиру – был задан мне профкомом и ещё раз месяц спустя, но уже в совершенно экстраординарных обстоятельствах, о чём далее.

А пока что на первый план общественной жизни не только нашего университета, но и всей страны, выплыло ещё одно большое событие: очередной съезд КПСС – единственной в те времена её (страны) политической партии, её, как говорилось и писалось повсюду, руководящей и направляющей силы.

Вот сегодня я поспрашивала у своих близких, какой же по счёту был этот съезд КПСС. Никто не помнит. И я, бывший парторг своей кафедры, тоже забыла. А в феврале 1981 года об этом сообщалось (кричало) и из заголовков всех газет и журналов, и – гигантскими буквами – с крыш сколько-нибудь достойных того зданий. Съезд-то проходил в ещё более, чем в 1979 году, напряжённой политической обстановке. КПСС прямо на глазах теряла свой авторитет руководящей и направляющей силы страны. Так что подготовка к съезду КПСС 1981 года сопровождалась повышенным накалом организационной работы. Непосредственно в жизни нашего университета это приобрело, наряду со многим прочим, и такую – вовсе уж экстравагантную – форму: парторги всех подразделений университета обязаны были к пяти часам вечера всех съездовских дней предоставлять в партком письменные рапорты о том, как сотрудники всех этих подразделений (доценты, лаборанты, вахтёры) в эти судьбоносные дни трудятся на своих местах (читают лекции, ставят разные опыты, сторожат то, что им велено) с удвоенным, а то и утроенным напряжением сил и с небывалым подъёмом духа...

Признаюсь, создавая в силу необходимости эти рапорты, я отводила душу тем, что всюю напрягала освоенный мной к тому времени весь арсенал избытых уже в кровь цветисто-штампованных фраз и выражений, обязательных в первополосных статьях газет и журналов того времени. Моя надежда на то, что кто-нибудь из тех, кто был обязан читать эти наши рапорты, разгадает мой коварный тайный замысел и хотя бы про себя посмеётся, оказалась напрасной. Позднее из заземлённых источников мне стало известно, что мои рапорты рекомендовались в качестве образца для подражания другим парторгам, рапортам которых недоставало нужной цветистости.

Ну, первые два съездовских дня ничто не осложняло этих моих стилистических упражнений. А утром третьего дня я получила из Новокузнецка от тёти телеграмму: «Мама умерла приезжай»...

Поезд в Новокузнецк отправлялся в девять часов вечера. Так что я успела составить и принести в партком к пяти часам третий мой рапорт. Четвёртый и пятый остались несоставленными.

По приезде в Новокузнецк мне стало известно, что мама с последним осложнением своей многолетней гипертонии уже две недели лежала в больнице, а мне не сообщали, так как помочь я ничем не могла, а в Томске разрывалась на части от навалившихся на меня разных работ: лекции, семейная кухня, эти рапорты...

Вот теперь о том, как эта наша эпопея с предстоящим получением новых квартир настигла меня – трагикомическим образом – и в те дни в Новокузнецке. За день до похорон я получила из Томска, от нашего профкома, теле-

грамму такого содержания: «Срочно подтвердите официально заверенным уведомлением согласие на четырёхкомнатную квартиру»... Не верите? И я бы не поверила, если бы это относилось к кому-то другому, но это относилось ко мне, и мне пришлось поверить в реальность и серьёзность этой телеграммы по существу её содержания: не надумала ли я (сдуру? спьяну?) отказаться от свалившейся на меня с неба четырёхкомнатной квартиры. Несмотря на реальный трагизм моего тогдашнего положения где-то на самом краю сознания бликовало весёлое булгаковское: «Сижу, примус починяю, никого не трогаю...».

Даже и сегодня, когда система мировой сотовой связи позволяет позвонить по телефону откуда хотите куда хотите, я встала бы в тупик перед необходимостью подтвердить что угодно «официально заверенным уведомлением», тем более то, что я всё ещё в своём уме и от квартиры не отказываюсь (дают – бери...). Но тогда, сорок лет назад, в сложившейся ситуации для меня реальную, почти непреодолимую трудность представляло даже просто добраться до какого-либо почтового отделения с телеграфными возможностями. Ведь я уехала из родного Новокузнецка к тому времени двадцать лет назад – в заманивший нас своим университетом Томск, и на мой в тот момент растерянный взгляд, никого, кто помог бы мне в деле с этой телеграммой, в Новокузнецке у меня не было. Нет, конечно, в Новокузнецке жил мой брат, но именно в то время он в качестве инженера работал в строительной бригаде, строившей, по его словам, коровники и райкомы партии в сельских районах области.

Но вот уж воистину бог посылает нам испытания только по силам нашим, не более того, а если что – сам приходит на помощь или посылает кого-то вместо себя. Среди новокузнецких знакомых моего брата оказались две славные женщины: Зоя и Мария. Обе были знакомы с моей матерью, к обеим мать относилась очень хорошо, несмотря на их сложные отношения и с моим братом, и между собой. Вот им-то бог и поручил помочь нам и лично мне в той трудной ситуации – и с организацией похорон, и с официальным подтверждением моего согласия на квартиру. Вы только представьте себе, что на тот момент эта славная Зоя работала... начальником Новокузнецкого главпочтамта! И вот весь почтамт взялся за составление официального уведомления моего согласия на томскую квартиру. Уже потом, какое-то время спустя, мне рассказали, как весело хохотали Зоины подчинённые над профкомовской и моей ответной телеграммами («...официально уведомляю, что согласна на квартиру...»). Но эта моя телеграмма ушла в Томск с тем же железным (стальным!) уведомлением, с каким отправлялись в Кремль, в правительство все телеграммы от новокузнецких заводов, газет... Нет, пароходов в Новокузнецке не было, но были шахты...

В Томске же эта телеграмма в её запредельно официальной форме была воспринята на полном серьёзе, новокузнецкого телеграфного юмора никто не уловил! Зря старались славные почтовики! Ну хоть сами повеселились!

Что же касается второй хорошей знакомой моего брата, Марии, то её неопенимое участие в нашем тогдашнем трагическом раскладе дел заключалось вот в чём. Она была учительницей русского языка, но не в обычной школе, а в особой, внедрённой в огромный, размером в полгорода, больничный комплекс – занималась с долго болеющими детьми. Таким образом, она имела воз-

возможность посещать мою маму в этом комплексе в те дни, когда по причине карантина посещения родственников были запрещены. Это она, Маша, Машенька, приносила маме передачи и сведения о том, как обстоят наши томские дела. И это она находилась у постели мамы уже в реанимации и донесла до нас самые последние мамины слова, повторённые несколько раз: «Гале дали медаль... Гале дали квартиру...». Хорошие новости о нас, донесённые до неё Машей, были для мамы большим утешением в её последние дни. Вот за это, за последнее мамино утешение, я особенно ценю свою медаль и люблю нашу квартиру. И от всей души благодарю того, кому обязана этими милостями судьбы. Кого же? Да родной университет – с его, правда, невосприимчивыми к юмору жизни «комами» – парт. и проф., но собравший нас всех – гостей со всех волостей Сибири и Дальнего Востока – и давший нам многие возможности достичь в жизни всего, что нам оказалось по силам и способностям: научных степеней, хороших квартир... медалей...

Но не правда ли, несколько завис в воздухе и требует ответа вопрос о том, чем же, какими экстраординарными обстоятельствами профсоюзной жизни университета (или, может быть, случившимися в тот момент аномальными атмосферными явлениями) была спровоцирована и явила себя на свет та телеграмма, которая вызывала смех тех, кому о ней стало известно, и ставила под сомнение наличие у меня здравого смысла: о моём неотказе от новой квартиры.

А дело было вот в чём. Среди профкомовских реализаторов распределения пентагоновских квартир был (затесался) некто... Ему требуется псевдоним, так как вообще-то, по жизни, это был неплохой молодой человек – весёлый, компанейский, но как-то уж чересчур весёлый. И находчивый. Припишем ему проверенный временем псевдоним N. В текущей жизни этот N был запросто вхож во все стратегически важные локусы главного корпуса университета: в приёмные всех трёх проректоров, во все кабинеты отдела кадров и профкома. И почему-то, надо полагать, по зову весёлой и компанейской натуры, в редакцию ЗСН. Здесь его, этого N, избыточная весёлость и разговорчивость искупалась тем, что он регулярно транслировал в редакцию много полезной, часто полузакрытой, а чаще просто любопытной информации о жизни и деятельности всех руководящих и направляющих подразделений университета и отдельных их деятелей.

Вот там-то, в редакции ЗСН, мы с этим N познакомились и вроде как подружились (а в редакциях газет все всем друзья и приятели!) несмотря на разницу в возрасте (лет так в 20) и в социальном статусе и весе – и я упоминаю об этом только потому, что это важный сюжетобразующий момент в данном повествовании. Итак, я – доцент с семьёй в пять (считай, уже в шесть) человек, а он – техник одного из подразделений административно-хозяйственной части университета и молодой муж своей жены и отец своего единственного ребёнка. Соответственно этому в ходе квартирно-распределительной компании мне в конце концов была выделена четырёхкомнатная квартира, а ему – двухкомнатная. Да и то под некоторым вопросом.

Только много позже я поняла, почему в напряжённые дни и недели распределения квартир этот N при наших встречах, случайных или в той же ре-

дакции, как-то подчёркнуто дружелюбно поздравлял меня с выделением мне большой квартиры, как-то очень осведомлённо перечислял её преимущества перед другими, тоже четырёхкомнатными, но неторцевыми: большая, чем в неторцевых, полезная площадь самой квартиры и длина её лоджии. И ларчик этот открывался несколько сложнее, чем в одной из басен Крылова. Оказывается, в день окончательной полировки (на генеральном заседании профкома) пентагоновско-квартирного списка этот N, зная о моём отсутствии в этот момент в Томске (и зная о причине этого отсутствия!), со ссылкой на якобы достигнутую между ним и мной дружескую договорённость, поставил на обсуждение такой вариант нашего с ним обмена ещё не полученными квартирами. Мне предоставляют первоначально намеченную ему двухкомнатную квартиру, но с сохранением за мной моей прежней, тоже двухкомнатной, с тем, что на эти две двухкомнатные квартиры я, дескать, могу выменять любую четырёхкомнатную. А мою (пока ещё на бумаге) четырёхкомнатную предоставить ему... Ближайшее будущее (обстоятельства выезда из этой прежней нашей квартиры) показало полную невозможность нашего сохранения её за мной – о чём будет сказано далее. Но как (как?!) серьёзные (в чём мы уже убедились) профкомовские люди в тот судьбоносный для меня момент серьёз отнеслись к этому проекту N?! Как, если выразиться по-сегодняшнему, повелись на такую лажу?.. И сочинили и послали мне в Новокузнецк ту самую телеграмму?.. Вот опять вспомнилось, как над ней сдержанно, но посмеялись и Зоя, и Мария. А новокузнецкий главпочтамт смеялся открыто – над этими «томичанами» (по аналогии с новокузнецчанами).

И вы думаете, что потом, когда всё утряслось и улеглось, этот N смутился при очередной встрече со мной – уже по-соседски во дворе Пентагона? Ничуть не бывало! Поздравил меня с новосельем, снова завёл песню об исключительных достоинствах нашей квартиры, обретшей номер 306. Советовал оценить шаговую близость к нашему подъезду № 10 детского садика, укрывшегося в ивовой роще, а также открывавшиеся из наших окон и особенно из лоджии городские виды... Ну что тут скажешь?.. Вот именно.

Но прежде чем обратиться ко второй сюжетной линии этого повествования – нашему всеобщему переезду со всех концов и изо всех уголков Томска в Пентагон, я чувствую необходимость приобщить к этому повествованию некую биографическую справку. Она, эта справка, несколько запоздала по отношению к ситуации, когда висел в воздухе очень важный для моей семьи вопрос «давать – не давать нам большую квартиру». И остро необходима перед тем, как я далее собираюсь в деталях и тонкостях и в ностальгическом тоне описать несколько экстравагантные обстоятельства переезда моей семьи из хрущёвки в «пентагонку».

Вот эта справка. Когда я в 1933 году появилась на свет, моя семья из пяти человек плюс няня жила в полуподвале одного из многих полутораэтажных кирпичных особнячков, усеявших как пчелиные соты обратную сторону огромной горы, на лицевой стороне которой разместился со всеми своими цехами Кузнецкий металлургический комбинат. В бельэтажах особнячков проживали главные фигуранты строительства этого гиганта сталинских пятилеток 30-х годов, а в полуподвалах поселялись врачи, учителя и прочая ин-

теллигенция. А бедные рабочие теснились в таких жестоких бараках, что об этом мы сейчас вспоминать не будем.

Когда я, двухлетняя, всё никак не могла выздороветь от актуального в те времена менингита, моей семье на целые шесть блаженных лет был выделен деревянный – столыпинский – особнячок, с большим огородом, с огромным тополем рядом с крыльцом... Я описала эти годы в повести «Синий дым Китая».

Затем 12 лет наша семья, то в четыре, то в пять человек, прожила в двух смежных и до предела стиснутых друг с другом комнатках в квартире с перманентно сменяемым соседом (соседями) в третьей комнатке. Благо, что всё это были хорошие люди. Я всех их описала в повести «Согра».

Как бы сегодня выразились, огромным кэшбеком к этой нашей квартире был открывавшийся из наших окон огромный, кленовый и травянистый палисад, ограниченный с одной стороны огромным же – пятиэтажным и десятиэтажным – домом в архитектурном стиле первых десятилетий XX века – конструктивизме, с балконами и арками, а с другой двумя милыми особнячками – детскими яслями и детсадиком... Вот, ностальгирую по всему этому до сих пор.

Но потом... Потом начался томский этап моей жизни, занявший всю остальную жизнь. До сих пор не изжитый ужас начала этого этапа – 18 (!) лет житья в общежитиях. Все пять студенческих лет, все три года аспирантуры и ещё два года работы уже в должности преподавателя я прожила в комнатах «на общих основаниях», то есть по четыре, а то и по пять человек в комнате и со всеми удобствами на том конце длинного коридора.

Затем в результате улучшения моих жилищных условий я с мамой и маленькой дочкой прожила в отдельной комнате в общежитии на Никитина, 4, но в «юридическом» отсеке коридора четвёртого этажа. Каждую ночь, особенно с пятницы по воскресенье, будущие юристы, разумеется, «в состоянии алкогольного опьянения», дрались не на жизнь, а на смерть – в основном в коридоре. Мы с мамой в эти страшные ночи не спали, а дочка спала, но вздрагивала и как-то морщилась во сне. У неё начался ревмокардит нового тогда для медицины невралгического типа. Дело дошло до лежания в больнице. (Со стыдом вспоминаю записку, присланную мне дочкой из больницы: «Вэписывайте меня отсюда...»).

Вот после этого наши жилищные условия были в очередной раз улучшены. Мы поселились в так называемом преподавательском общежитии по адресу: проспект Ленина № 68 – напротив главпочтамта. (Не правда ли – главпочтамты красной линией проходят через всю мою жизнь!). Это была совсем другая жизнь: в коридорах чисто и тихо, соседи – исключительно доценты и научные сотрудники, на обоих уровнях – детском и взрослом – завязывались (и долго не рвались) дружеские связи.

Но – это была всё-таки одна комната на нас троих (пока не подселился четвёртый жилец – пианино: дочка начала учиться в музыкальной школе). И все удобства оставались в трудной досягаемости – в другом конце коридора. Каждую каплю нужной нам воды надо было сперва принести в комнату, а потом унести обратно. И большая часть этого ежедневного водоношения приходилась конечно же на маму: я – то на работе, а то так и в научной команди-

ровке – в Москве, Ленинграде, Самарканде... Как мне стыдно перед мамой за эти долгие годы жизни с нами в общежитиях!..

В свою первую настоящую квартиру, двухкомнатную хрущёвку, я уходила в статусе доцента университета с десятилетней дочерью.

Здесь мы втроём прожили двенадцать благополучных лет – в возмещение восемнадцати общежитских. Но – к концу этого периода оказались в этой квартире в другом составе: четверо взрослых, один младенец уже вот он, второй на подходе.

Вот теперь вернёмся ко второй сюжетной линии этого повествования – нашему всеобщему переезду в Пентагон. Восьмого марта, отодвинув в сторону свои обычные заботы и хлопоты, связанные с Международным женским днём, наш профком выдавал нам ордера на наши вожеленные квартиры, и выбрал для этого действия одну из самых больших и красивых аудиторий главного корпуса. Только позднее я оценила этот дополнительный шаг профкома в нашу сторону. А в тот день серьёзно тревожилась, даже до валерьянки дело дошло (нашлась у биологов). Ведь вместо маминого паспорта я предъявляла свидетельство о её смерти, то есть моё семейство сокращалось на одного жильца. А вдруг переиграют?.. Но обошлось.

Итак, ордера на квартиры были нами получены. Вставал как отдельный вопрос о ключах к ним. Вот, спрашивается, почему выдачу ключей к квартирам согласно логике вещей было не совместить во времени и пространстве с выдачей ордеров на них? Ответ был простой: потому что к началу дня выдачи ордеров ключи ещё не были доставлены – в материальном пространстве – к месту выдачи ордеров: сломался профкомовский грузовик. Поэтому на ходу, оперативно, профком принял решение о переносе переезда на следующий день, на 9 марта, и основная часть получивших ордера ушла домой с этой установкой. Но к двум часам того же дня – 8 марта – ключи были доставлены в профком, и было принято новое решение: о начале переезда уже во второй половине 8 марта. Но об этом решении знали немногие, только те, кто получал ордера в последнюю очередь, да я, задержавшаяся в кабинете сердобольных и всегда вооружённых валерьянкой биологов.

Тут ведь ещё нужно было учитывать как стратегически важный фактор, что в те времена жестокого квартирного дефицита сложилась такая народная практика. В ещё не заселённые новые квартиры вместо замешкавшихся законных новосёлов успевали вселиться жильцы незаконные – те, кто уже не мог больше ждать своей законной очереди на квартиру или даже не имел никаких перспектив в этом плане. Эти люди въезжали в пустые новые квартиры обычно по ночам, пользуясь тем, что подъезды домов в те времена не запирались, а подобрать подходящий ключ или отмычку к любому замку было парой пустяков. И что? Вот попробуй потом выдворить из своей законной новой квартиры несчастную, плачущую и кричащую женщину с её плачущими и кричащими детьми!.. Нет, в этом деле нельзя было терять ни минуты...

И я решила не терять. Ни минуты. Но именно восьмого марта реально осуществлять какие-либо акции нашего переезда могла только я. Дочь была по рукам и ногам связана маленьким Ванечкой, у зятя было неотменимое пожарное дежурство. И я взялась за дело одна.

И выглядело это так. В одной руке у меня было ведро с тряпками и моющими средствами (смыть хотя бы основную строительную грязь с больших поверхностей), наскоро изобретённый бутерброд (ночевать мне предстояло уже в новой квартире); а в другой руке – переноска с нашим тогдашним котом Абросимом – в соблюдение народной приметы, что первой в новое жильё надо выпускать кошку – в расчёте на грядущие успехи и удачи.

Вот в такой экипировке двинулась я, уже ближе к вечеру, со свеженьким ордером в кармане пальто, к нашему новому месту жительства. А надо сказать, что Пентагон отстоял от покидаемой нами елизаровской (потому что по улице имени Елизаровых – родственников Ленина) квартиры всего на одну трамвайную дистанцию. И ждать нашего нерасторопного трамвая на морозе... Это в южных краях в марте уже цветут первые цветы, а у нас в юго-западной Сибири... Словом, восьмого и девятого марта в Томске был мороз под тридцать градусов, и ждать на этом морозе трамвай да ещё с ведром и котом, чтобы сойти уже на следующей остановке, не было никакого резона. И я двинулась к Пентагону пешком.

Было очень трудно. Мороз помимо своего основного назначения – морозить меня и кота – ещё и покрывал густым инеем мои очки до полной невидимости. Приходилось то и дело ставить ведро и кота на снег, протирать очки замёрзшими руками...

Но вот, как бы то ни было, я заворачиваю за угол Пентагона, к теперь уже почти нашему подъезду № 10. И тут только осознаю, что для вселения в новую квартиру нужен не только ордер, но и ключ от неё. Такие проколы в практических делах со мной, доцентом и активным журналистом, увы, нередко случались, в чём я уже признавалась. Я протираю очки совсем уже отмерзающими руками, оглядываю пространство двора в поисках какого-то такого подходящего места, где мне выдадут этот ключ, и не нахожу такого места. Кот между тем начал издавать какие-то рвякающие звуки.

Положение становилось реально критическим. Что мне было делать? Возвращаться домой по морозу? Нет, конечно, можно было войти в любой подъезд, в тепло. И что, стоять там, в тепле, до скончания века? Это делу переезда никак не способствовало бы.

В моём филологическом сознании созрел уже яркий образ зигзага неудачи. Даже зизгага, как когда-то написал в своей газетной статье молодой, ещё не очень образованный Горький, до конца дней помнивший об этом своём зизгаге... но пока я размышляла таким непродуктивным образом, с той, уже заселённой части Пентагона, появился человек. Даже ещё издали и сквозь слепые очки я рассмотрела, что человек этот явно университетского типа и, возможно, сможет помочь мне в решении острой проблемы с ключами. Я двинулась ему навстречу, формулируя в уме точный и быстрый вопрос: не знает ли он, где здесь (в огромном пустом дворе) могут выдавать эти чёртовы ключи от квартир? Но в том состоянии полной растерянности и отчасти уже паники я спросила, не знает ли он, где «где-то здесь» выдают ордера на квартиры. Внимательно посмотрев на меня – с ведром и котом – секунды две, человек этот, словно что-то вспомнив, переспросил: «Может быть, ключи от квартир? В прошлый раз выдавали вон в той трансформаторной будке...»

Это был случай классического везения в трудном деле! Человек-то оказался не просто университетский, но и двоюродный: жилец одного из первых подъездов Пентагона, он тоже когда-то переезжал в него и потому обладал нужной мне информацией – про почти мистическую связь ключей от наших квартир и этой будкой.

Действительно, посередине огромного двора Пентагона полноправно разместилась (расселась!) огромная, двору под стать, трансформаторная будка, не намекающая своим видом ни на что другое, кроме своего прямого назначения. Ну кому пришло в голову выдавать нам наши ключи именно в этой будке, а не в одном из пока что пустых помещений будущего конторского назначения на первом этаже Пентагона, обязательно обозначив его объявлением на двери? Кто знает?..

Но, как бы то ни было, а ключ от нашей квартиры номер 306 вот он, уже у меня в руках. Я поднялась пешком на девятый этаж (лифты ещё долго не работали), открыла дверь ключом, впустила кота. А вот какие меня при этом обуревали мысли и эмоции, описывать в подробностях не стану: кто сам не побывал в сходной экстраординарной ситуации, не поймёт. Я долго ходила из одной блаженно пустой комнаты в другую, из кухни в отдельные туалет и ванную, пересекаясь на этих маршрутах с Абросимом.

До самой последней темноты я мыла подоконники и полы. А где-то часов уже в девять раздался стук в дверь – первый стук в нашу новую дверь... Оказалось, это моя дорогая сватья, мать моего зятя Володи, Александра Ивановна. Она принесла с собой старенькое ватное одеяло, две лампочки (как мы их ввинчивали без стула, об этом надо бы писать отдельно), бутерброды и чай в трехлитровой банке с крышкой. Теперь уже с ней вдвоём мы походили по квартире до полной усталости, поужинали и легли спать на этом одеяле – с Абросимом в ногах.

Наутро начался массовый заезд в Пентагон. Нам в этом радостном, но очень трудном деле помогали Володины друзья: два историка, один социолог и три пожарника – пожарная часть освободила их на целый день. Не имей сто рублей...

В нашем отдельном случае переезд выглядел так. Уже к девяти утра на выделенном Володе пожарном грузовике (ну что за славная пожарная часть!) к подъезду № 10 было подвезено и выгружалось самое тяжёлое: пианино, диван (диванище!), холодильник. Я поспешила на нашу теперь уже старую квартиру – заканчивать упаковку книг и начать упаковку кухонной утвари. Мы рассчитывали, что за два-три рейса пожарного грузовика к вечеру постепенно всё перевезём.

Но эти наши размеренные планы были внезапно и резко нарушены. Не успела я по прибытии на покидаемую квартиру вынести на улицу наши четыре стула и наволочки с книгами, как в квартиру ворвались пятеро добрых молодцев – оказалось, коллег по проблемной лаборатории нового жильца нашей квартиры, неотличимого от коллег. Обозрев картину наших неспешных сборов, эти мэнэсы (младшие научные сотрудники) издали дружный возмущённый рёв, в котором, слава богу, самые проблемные слова прозвучали неотчётливо (всё-таки в присутствии двух женщин), и принялись

десятикратно ускорять наш переезд. Под истошный рёв сдираемых со стен наших (в бежевых розах) обоев две наши кровати и складной (моментально сложенный) круглый стол как бы сами собой, словно по воздуху, выплыли из квартиры и растворились в подъезде. За ними последовал, не расставаясь со своими четырьмя набитыми книгами-бумагами тумбами, письменный стол (подаренный мне родителями на защиту ещё кандидатской диссертации). В подготовленный заранее диванный клетчатый плед под звон и грохот (Ванечка испугался и заплакал) была свалена без разборки и завязана большим узлом вся наша посуда и в сопровождении кухонных столика и шкафчика тоже исчезла в подъезде.

Когда мы с дочерью, постояв с минуту прощально в нашей опустевшей квартире, окончательно покинули её, привезённый мэнэсами их собственный мебельный груз – тоже без особого пиетета – был свален в палисаднике, а наш на их грузовике уже увезён к Пентагону.

Нет, эти замечательные друзья новосёла нашей прежней квартиры очень ускорили и облегчили наш переезд, за что им вдогонку большое спасибо. Острое желание поскорее водвориться в нашу старую – их новую – квартиру и бесперспективный в плане быстрого сбора вещей вид моей дочери с Ванечкой на руках подвигли их на это благое дело. Да и помимо этого они были славные ребята и хорошие друзья новосёла.

Вот вспомнилось – сорок лет спустя: когда мы с дочерью вышли в последний раз из нашего бывшего подъезда, я увидела на снегу выпавшую из посудного узла мельхиоровую чайную ложечку – из большого ложечно-вилочного гарнитура, подаренного мне когда-то, двадцатью годами ранее, сотрудниками газеты «Молодой ленинец» (где я два года работала в ожидании места в аспирантуру) на мою – в духе того времени – комсомольскую (тем не менее бесперспективную) свадьбу. Подарок жениху готовил шестой курс мединститута...

Так символически и ностальгически закончился ещё один большой отрезок моей жизни – долгих двенадцати елизаровских лет.

Довезя дочь и внука на трамвае до Пентагона, я поехала в отдалившийся теперь от нас на целую трамвайную остановку продуктовый магазин «Юбилейный» за горой хлеба и колбасы и двумя пол-литрами водки – для восполнения сил и поднятия духа наших помощников по окончании переезда. И сразу после этого поспешила в дом одного моего дорогого коллеги по кафедре, живущего – так удачно! – вплотную к первым подъездам Пентагона. У нас была договорённость, что в день переезда я в их с женой квартире сварю борщ из купленных заранее ингредиентов – в подмогу хлебу и колбасе.

Но оказалось, что милейшая жена моего коллеги, врач железнодорожной больницы, уже с утра сварила этот борщ – огромную, семилитровую кастрюлю. И в дополнение к борщу от себя лично в честь нашего новоселья напекла гору славных лепёшек. Однако помочь мне доставить всё это до нашего десятого подъезда эти люди не могли по причине их возраста и состояния здоровья. Так что я, повесив на плечи большой целлофановый пакет с лепёшками, взяла в руки эту неподъёмную кастрюлю с борщом и отправилась вдоль всего Пентагона к нашему десятому подъезду. И вдруг на полпути, на уровне шестого

подъезда, увидела поистине страшную картину. Дело в том, что это наши новые соседи втаскивали свои диваны-шифоньеры по лестницам на свои этажи. А нам всё та же пожарная часть предоставила специальные пожарницкие тросы, и наши вещи (но не пианино, конечно), перевязанные этими тросами наподобие конфетных коробок, взмывали с земли прямо по воздуху к нашей лоджии. Так вот, я увидела, что трос, которым был обвязан взмывающий в это время в воздух наш шифоньер, с одного угла опасно сместился в сторону, настолько, что ещё чуть-чуть – и шифоньер рухнет вниз. А внизу – вещи, люди... Люди...

Вот когда я на себе испытала, что значит потерять голос от ужаса. Да и кто бы услышал мой голос на таком расстоянии и в общем шуме многих переключаящихся голосов?

Однако, слава богу, обошлось – как и многие другие нестыковки и назревающие проколы в жизни. Шифоньер, как бы в унисон со мной вздохнув от облегчения, благополучно достиг лоджии, перевалил в неё и исчез в глубине квартиры...

Как бы то ни было, часам к семи вечера наш переезд был завершён. Я к этому времени успела на нашей новой электроплите марки «Лысьва»... Как много раз в течение последующих лет во время стояния на кухонной вахте и продолжилось до полуночи я почти вслух произносила, обращаясь к этой плите: «Что, тоже устала? Две мы с тобой лысьвы...». А в день нашего переезда я в первый раз разогрела на этой плите борщ, нарезала хлеб-колбасу, накипятила для чая-кофе кипятка в пятилитровом алюминиевом бидоне (в котором мы годами носили питьевую воду из каких-то чистых источников, не доверяя водопроводу), достала из клетчатого узла тарелки-ложки-чашки. В самой большой комнате нашей квартиры мужчины из табуретов и ящиков от чего-то сымпровизировали праздничный стол – и обмывание нашего новоселья началось и продолжилось до полуночи. Наши дорогие помощники ели-пили, обсуждали этапы и детали переезда, обменивались мнениями из их сходных жизненных опытов, жизни вообще. Моя дочь украшала собой их компанию, подливала-подрезала.

А мы с Александрой Ивановной, сидя в маленькой комнате на том же одеяле рядом с кроваткой, где спал тоже умаявшийся за этот долгий день Ванечка, по-тихому, сепаратно отметили мамин девятый день...

И начался новый, пентагоновский, этап нашей семейной жизни – длиной в сорок лет. За эти годы, в результате долгих стояний в нашей большой лоджии, мы убедились, что с неё открывается действительно замечательный вид. Под самыми ногами человека, стоящего в лоджии, раскинулся, как упоминалось, наш благословенно-большой двор, с годами всё более обустройстваемый. А стоящая посреди него та самая трансформаторная будка, как выяснилось позднее, спасла наш дом от того, чтобы в этом дворе, в интимной близости к нашему, возвели бы ещё один Пентагон.

Правда, сразу за нашим двором, в нешироком просвете между первыми подъездами Пентагона и обычным пятиэтажным домом (где жил тот самый мой университетский коллега, в квартире которого был сварен борщ в 1981 году, в день переезда в Пентагон), открывается удручающий вид на город-

скую тюрьму с её сторожевыми вышками (когда-то наш район был убедительной окраиной города). Но если абстрагироваться от тюрьмы с её сторожевыми вышками и от нескольких зданий неопределённого назначения, начинается широкая зелёная полоса Лагерного сада, круто обрывающаяся вниз, к Томи.

А затем, уже на том берегу, и влево и вправо и до самого горизонта, протянулся огромный кедрач – кедровый пояс области, как поэтически выразился один из томских журналистов. По ближнему к нам краю этого зелёного пояса пролегло новосибирское шоссе с его микроскопическими, но различимыми грузовыми фурами и легковушками. А в самом левом углу всего этого обзора просматривается село Кафтанчиково...

По многу раз за эти годы мы, от обычной ли дневной усталости, от неизбежных ли в жизни неурядиц, утешались этой перспективой, безотказно открываемой нам нашей замечательной лоджией.

А наш Ванечка, достигнув позднестуденческого возраста, заглянул из неё ещё дальше кедрового пояса области и увидел там что? Москву. Задержавшись в ней на несколько лет, многому научившись у неё, создав там начальный капитал своего малопонятного мне компьютерно-дизайнерского дела, он, уже из Москвы, увидел дальние страны – Японию там, Австралию. («Баба Галя, – говорил он мне. – Знаешь, какой самый лучший город в мире? Сидней». Ну, наверное).

А по Германии Ваня проехал на велосипеде в поисках – с близкого расстояния – подходящих сотрудников для своей компании. Затем, облетев-объехав обе Америки, он остановил свой выбор в качестве постоянного местожительства на Южной, конкретней – на Аргентине. Там, в Буэнос-Айресе, оказавшемся лучше даже Сиднея, на свежем воздухе (а Буэнос-Айрес в переводе на русский и обозначает «хороший воздух»), он успешно продвигает свой бизнес. Недавно по телевизору показали, как в Лос-Анджелесе Ване – ну и другим таким же – вручили большую медаль на ленте – для ношения на шее.

Но вот уже несколько лет подряд в летние месяцы он приезжает хоть на недельку в Томск и на два-три дня в Киреевск, на университетскую базу отдыха (для преподавателей и их семей), где он – в сосновом бору на берегу Оби – провёл с сестрой Анечкой и под моим бдящим оком всё своё детство – его лучшее, летнее, время...

А Ванина дочь, наша внучка и правнучка Полина, до своего школьного возраста проживавшая у нас, в Пентагоне и прилегающем к нему Лесопитомнике, теперь учится в Лондонском университете – на отделении компьютерного дизайна.

Поэтому нам – с дочерью и зятем так утешительно, что Ванина сестра, наша Анечка (родившаяся 1 июня того, 1981 года), тихо-мирно, но успешно окончила сперва ту же, что и Ваня, школу № 6, затем архитектурный факультет (по специальности архитектурный дизайн) нашего бывшего строительного института (обернувшегося в последние годы академией), вышла замуж за своего сокурсника, нашего дорогого Толю, архитектора, и проживает вместе с ним и их детьми, Машей и Мишей, в Томске, на вполне достижимой из Пентагона Степановке...

Почему я так много раз, говоря о внуках-правнуках, употребила слово «дизайн» – художественное конструирование? Да потому и затем, чтобы сказать – лучше поздно, чем никогда – своё спасибо нашей Художественной школе («художке»), расположившейся от нас, от Пентагона, чуть дальше, чем тот детсадик в ивовой роще. Это её (школы, а не рощи) славные преподаватели, Евгений Николаевич и милая Оленька, разгадали и пробудили в моих внуках художественные задатки.

Теперь вот в эту же «художку» (и в школу № 6) ездит со своей Степановки наша Маша. Что ли на очереди наш четырёхлетний Миша, пока что увлечённый – в духе времени – динозавриками и машинками? Что ж, поживём – увидим...

Как оно бежит – время-то! Как бежит!..

Леонид Шелудько

АЛКАШИ

Повесть

Глава 1. Первый блин

Алексей Петрович Корытин возвращался в город студенческой юности Таинск. Он брился в туалете подъезжавшего всё ближе к месту назначения поезда. Из мутноватого зеркала над раковиной на Алексея смотрел высокий крепкий мужчина чуть за пятьдесят без намёка на возрастное брюшко. Загорелое лицо человека, много времени проводившего на открытом воздухе, увенчано было как попало торчащими поредевшими седыми волосами, остатками красиво лежавшей на голове студента Лёшки густой рыжевато-русой волны. Их ещё предстояло, смочив водой, уложить от высокого лба назад. Рыжевато-русые, коротко подстриженные и пока не тронутые сединой усы, аккуратный, слегка асимметричный подбородок с едва заметной ложбинкой посередине, спокойные серовато-голубые глаза и правильный овал лица делали это лицо почти красивым. Если бы не слегка свёрнутый набок в студенческой заварухе нос, оттопыренные уши, блёклые, незаметные на загорелом, да и на зимне-весеннем, отошедшем от загара лице едва заметные брови и такие же блёклые короткие ресницы. Корытин добрился, смыл остатки пены, уложил волосы и открыл дверь туалета, которую уже нетерпеливо дёргали снаружи.

Тридцать лет, прошедших в иных краях, начинались для супругов Алексея и Ирины Корытиных временами надежд и сбывавшихся ожиданий. А потом рухнул Советский Союз. Корытины уехали на родину Алексея и там, потерявшие в бывшей союзной, а теперь независимой республике всё, кроме самих себя, заново встали на ноги. И захотели бóльшего, чем уют и достаток рабочего посёлка Заречный в лесах далеко за Байкалом. К тому времени их старшая, совсем взрослая дочь Анечка жила в центре Западной Сибири, в чистом, тихом, протянувшемся узкой лентой по высокому речному берегу городе Хвойном. С востока к этому городу вплотную подступала тайга, из неё слегка приподнимались корпуса химического комбината, где работало почти всё взрослое население Хвойного, потому днём был этот город и тих, и чист. С берега открывался вид на реку Таю и тайгу на её низком западном берегу. А всего в нескольких километрах выше по течению Таи привольно расположился тот самый, одинаково дорогой Алексею и Ирине Корытиным Таинск. И когда у их Анечки родилась дочь, Корытины приехали в Хвойный. Они гуляли по городу, иногда ездили в Таинск встретиться с оставшимися там друзьями и подругами, а то и просто побродить. Таинск украшал новенькой

плиткой тротуары и площади, ремонтировал фасады домов на Миллионной, в годы их студенчества именовавшейся проспектом Ленина, и Ирина говорила мужу:

– Как я хочу в город! В Заречном, конечно же, хорошо. И природа, и люди хорошие. Но мне нужны театры, витрины магазинов, лица городские, мелодия городских улиц, я ведь от рождения городская, Лёша!

– А помнишь, как мы на этом углу у церкви зимой апельсины купили? – толковал ей о своём Алексей. – Как по этой улице кровать из комиссионки пёрли на нашу первую квартиру?

– Помнить-то я помню, – возвращала Ира мужа к своему, – но я в город хочу....

Они вернулись к себе в Заречный. Ирина всё чаще говорила: «Я городская, Лёша, я в город хочу». Зарплата Корытиных теперь позволяла, и через два года они купили квартиру в областном центре по соседству. Там жила теперь заканчивавшая университет их младшая дочь Оленька. В свободное время Алексей с Ириной уезжали туда и приводили в порядок своё новое гнёздышко. И Ирина на какое-то время успокоилась. Но после рождения у Анечки второй дочери ближний областной центр как-то поплёк в её глазах. «Я в Таинск хочу, – твердила она теперь, – это настоящий город. И Аня с девочками совсем близко были бы. Мы им сейчас нужны, как никогда». «Там угля нет, – отвечал Алексей, – где я в Таинске работать буду?». «Где другие мужики работают, – уверенно заявляла Ира, – друзья твои институтские. Или нет у тебя друзей? Или тебе без угля твоего жизни нет?».

«Есть ли жизнь на Марсе, – вертелась в голове фраза из знаменитого кинофильма времён детства, – нет ли жизни на Марсе, это науке неизвестно». Он знал и любил своё дело, настолько мужскую работу, что не всем мужчинам оказывалась она по силам. И ему не было ни скучно, ни тесно в очерченном ею горизонте. Но едва Алексей подумал это, как обожгла следующая мысль: «А не трусишь ли ты заглянуть за горизонт? И узнать, есть ли для тебя жизнь без угля?». Эту мысль требовалось обдумать не спеша. Алексей носил её в голове, в свободное от других мыслей время поворачивая так и эдак, ругая себя за допущенное в душу искушение и всё больше поддаваясь его очарованию. Ленивым по натуре, Корытин более других благ ценил благо обустроенной жизни, комфорта физического и душевного. Мысль начинать на новом месте с нуля приводила его в трепет, и теперь, вполне взрослым, немало повидавшим человеком, он позволил себе честно сознаться в этом. Как и в том, что если струсит и откажется от возможности изменить их с Ирой судьбу, то вряд ли простит себе это.

– Я в Таинск хочу, – в очередной раз объявила Ира.

– Подойдёт лето, – согласился он, – и поедем. К Ане с девочками. Ну и, само собой, в Таинск съездим.

– Вот так каждый раз, только я о серьёзном начинаю, ты дураком прикидываешься, – вскипела жена, – я жить там хочу!

– А чтобы жить, – неожиданно для себя сказал он, – сначала квартира нужна. А для неё – деньги и терпение. Есть у нас для этого деньги прямо сейчас?

Корытин сошёл с поезда и, дожидаясь электрички на Таинск, бродил по вокзалу. Вокзальное здание, старое, построенное ещё во времена прокладки Транссиба, основательное, как всё, что делалось тогда, даже теперь не только внушало уважение, но и без труда вмещало проезжий люд. Корытин обошёл вокзал кругом, вошёл внутрь и вспомнил, как давным-давно, ещё семнадцатилетним, познакомился здесь с Костей Кольцовым. Тогда Лёшка просто так, для поднятия настроения перед рывком в незнакомый город, пробубнил себе под нос из Высоцкого: «Где мой верный пистолет? На Большом Каретном...», на что стоявший по соседству казавшийся угрюмым и безразличным ко всему окружающему парень цыганистой наружности вдруг проговорил: «Экскьюз, конечно, но только «где мой чёрный пистолет». Чёрный, а не верный. У Высоцкого так». «А почему экскьюз? – удивился Корытин. «Потому что «пardon» говорят все, кто стесняется «извините», а экскьюз – только я». Они оба ехали поступать в политехнический, и два часа в электричке до Таинска сблизили их на все оставшиеся годы. В электричке они сначала придумали игру «продолжи песню», вспоминая и обрывая строку из Высоцкого, а потом перешли на «Двенадцать стульев» и «Золотого телёнка». И не заметили, как мимо окон вагона потянулся Таинск. С первых дней Костя начал посещать литературное объединение при институтской многотиражке, и на её страницах появились стихи нового друга. Пару раз Корытин сходил с Костей на заседания любителей поэзии. И даже попробовал сочинять, рифмуя «любовь – кровь» и «всегда – никогда». Но почти сразу понял, что это не интересно даже ему, не говоря об окружающих. Витька Иванов, новый знакомый по литературному объединению, долговязый самоуверенный парень, заметил свысока: «Стихи пишутся душой, а не авторучкой». И Корытин прекратил ходить на собрания институтских поэтов. Костя и теперь жил в Таинске. Изредка они переписывались, а в один из приездов к дочери даже побывали в гостях у Кольцовых. Пять лет после окончания института Костя работал на кафедре, но главным в его жизни оказалось всё же литературное творчество, которому и в студенческие годы отдавал он больше времени, чем избранной первоначально радиационной химии. И, когда в Москве вышли две книги его стихов, Костя ушёл с кафедры, чтобы с головой окунуться в литературу. Он многого добился и даже перед развалом Советского Союза возглавил областную писательскую организацию. И за воспоминаниями о Косте, начале их молодости и тогдашнем Таинске Корытин не заметил, как потянулись навстречу электричке многоэтажные кварталы новых городских окраин.

Таинск мало изменился ко времени возвращения Корытиных, как вообще мало меняются старые города. Разве что нарастил за прежними своими границами новые жилые массивы да украсил центр. Дом, где Корытины купили квартиру, стоял в тихом районе неподалёку от остановок общественного транспорта, рынков и магазинов. Едва они обустроились в новых стенах, Алексей отправился на поиски работы. Как он понял, изучая газеты вакансий, горный инженер-механик не требовался никому. Совсем никому. Таинск оказался переполнен безработными инженерами с закрывшихся предприятий «оборонки», согласными на любую работу. Алексей ходил по отделам ка-

дров оставшихся на плаву заводов. Везде ему задавали вопрос: «Простите, а сколько вам лет?». И везде, услышав ответ, сообщали, кто сочувственно, кто равнодушно, а кто и свысока: «У нас ограничение по возрасту для кандидатов – сорок пять минус». «Забыл ты меня, Таинск, – думал он, наведываясь то в центр занятости, то в очередной отдел кадров, – забыл. Да и с какой радости помнить? Двадцать тысяч выпускников каждый год. Конвейер...». Ира, уже работавшая в школе по соседству с домом, успокаивала: «Найдёшь ты что-нибудь. Обязательно. Ищите и обрящете, стучите и откроют, как там дальше? Ты же сам это место из Евангелия цитировал». И он каждое утро уходил на поиски, а когда наткнулся на объявление, гласившее, что заводу пищевых продуктов нужен механик, сразу поехал туда.

Этот завод располагался на городской окраине, в закоулках прекратившего существование лесоперерабатывающего комбината, и единственным пищевым продуктом, который он выпускал, оказалась водка. Директор и хозяин завода, среднего роста коренастый коротконогий Георгий Давидович, сказал Алексею с лёгким грузинским акцентом: «Давай работай, через два месяца посмотрим», и Корытин начал ездить на окраину. Постоянного персонала на заводе оказалось немного: сам Георгий Давидович, пятеро его державшихся кучкой земляков, небольшая бригада слесарей, грузчики и охрана. Остальных нанимал директор подённо: пришёл, отработал, получи и до свидания. Дольше других работал на заводе слесарь Серёга, худощавый человек лет сорока, несуетливый и доброжелательный. Он начинал здесь с нуля вместе с хозяином, потому пользовался негласной привилегией: как только запускалась разливочная линия, Серёга подходил к ней, снимал и прятал в куртку бутылку водки, которую до обеда успевал выпить. Вторую он снимал сразу после обеда и до пяти управлялся с нею, оставаясь на ногах и в уме. А если слесарей оставляли до восьми, он снимал третью, и только тогда засыпал за столом в слесарке, уронив голову на руки.

– Я с Гоги тут с первых свай под фундамент, – толковал он Корытину, захмелев, – и он мне сказал: здесь пей сколько влезет, только не выноси. Узнаю, что выносишь – сразу выгоню.

Серёга был универсалом: слесарил, работал сваркой и газом, а в случае нужды вставал к небольшому токарному станку в углу слесарного помещения. Ещё один слесарь, Эдуард, которого Серёга называл Эдькой, высокий парень с торчащими в стороны рыжими бакенбардами и коротким вздёрнутым, казалось, из одних ноздрей состоящим носом, почти всё рабочее время проводил на линии у наклеивавшего этикетки на бутылки полуавтомата. Эдуард обладал умением менять этикетки, не останавливая линии. К нему подходили: «Эдик, хватит уже Сибирской, гони теперь Хвойную», и через пять секунд по линии шли бутылки с этикеткой «Хвойная особая». Прибегали от хозяина: «Срочно Таёжную!», и появлялся «Таёжный настой» в тех же бутылках и с тем же содержимым. Эдуард гордился этим своим умением, держал себя с подчёркнутым достоинством и в обед кушал принесённую из дома пищу не за большим столом с остальными, а за отдельным, собственноручно изготовленным столиком. Ещё двое, Витя и Виталя, никакими особыми способностями не

выделялись, а слесарями только назывались, хотя иногда и помогали Серёге или Эдуарду. В слесарке они размещались потому, что другого места им не нашлось, а работали в бригаде грузчиков.

– Заценил, какое старьё на линии? – сказал Корытину Серёга в первый день знакомства. – Мы его уже списанным ставили, и ничего, дышит маленько, хоть и ржавое. Тут половина всего, – обвёл он рукой заводское помещение, – или списанное, или которое мы с Гоги по ночам тырили.

– Экономный человек хозяин? – аккуратно спросил Корытин.

– Жмот, – ответил Серёга.

Подёнщики, а в основном подёнщицы, жители прилегавших к территории бывшего комбината кварталов частного сектора, ветхих двухэтажных бараков и хрущёвок, сразу после остановки разливочной линии, получив расчёт, уходили домой, а Корытин со слесарями готовил оборудование к завтрашнему дню, смазывал, регулировал, проверял и снова регулировал. Закончив работу, они шли через закоулки бывшего комбината к остановке общественного транспорта, конечной для нескольких троллейбусных и автобусных маршрутов. У выхода с территории, рядом с остановкой, стоял небольшой магазин, который Георгий Давидович именовал фирменным, а Серёга – «наша забегаловка». Они разъезжались по домам, чтобы утром снова сойтись у «забегаловки» и пройти через закоулки до проходной, где уже занимали очередь подёнщики и подёнщицы. Переодевались и начинали запускать оборудование на холостом ходу. Ближе к девяти кто-нибудь из хозяйских земляков выходил за проходную и отбирал людей на сегодняшний день, иногда по установленной ими очереди, но чаще по собственному усмотрению. Остальным говорил: «Приходите завтра», а мог и молча уйти на территорию. По линии начинала двигаться «Сибирская», «Хвойная особая», «Таёжный настой» или ещё что-нибудь, Корытин и Серёга ходили вдоль линии, готовые в любой момент отреагировать на её остановку, грузчики подкатывали штабеля пустых бутылок или загружали готовой продукцией «газели», а хозяйские земляки наблюдали за происходящим с окружающих разливочный цех антресолей.

Ирину притянули таинские театры, состязавшиеся в привлекательности репертуара. «Как хорошо, что мы снова здесь», – радовалась она, и её радость скрашивала Алексею будни у водочной линии. Корытины возобновили знакомство с Костей Кольцовым и его женой Ларисой, но дальше пары семейных встреч дело не продвинулось. То ли Ларисе показалось, что её Костя как-то особенно смотрит на Ирину, то ли Ирине показалось, что Лариса так решила, но Ира сказала мужу: «Ты с ним дружишь, ты и дружи». По выходным они ездили в Хвойный, или Анечка с мужем и дочерьми приезжали к ним. Всё было хорошо, и только оставшиеся после переезда и обустройства деньги подходили к концу. Шёл второй месяц работы Корытина на заводе, и однажды он поинтересовался у бухгалтера:

– Елена Васильевна, когда зарплату ждать?

– Спрашивайте у директора, – ответила та, – когда скажет, тогда и выдам.

– Денег пока нет, – ответил ему Георгий Давидович, – ждите.

– Как долго?

– Сколько понадобится, столько и будете ждать, – неожиданно жёстко ответил директор, – и вообще у вас ещё испытательный срок не кончился. И я не решил, сколько вам платить.

Корытин поинтересовался у Серёги:

– Давно здесь так?

– Года два.

– И что мне делать?

– Пили Гоги черепушку. Как пропилишь, может, тогда.

– Но он же подённым каждый день платит. На водке да денег не иметь?

– Им один день не заплати, на другой никто не придёт, вот и платит.

– А остальным?

– Кому как. Мне чуть не за год должен, за все годы накопилось. Я ж сказал: жмот.

Услышанное напрягло Корытина, но не так, чтобы немедленно уволиться. Однажды, возвращаясь домой, вспомнил он приглашение Кости: «Захочешь увидеть меня, заходи в писательскую, по вечерам я всегда там». У Иры была вторая смена, дома никто пока не ждал его, и он вышел из троллейбуса в центре города. На третьем этаже старинного здания светились окна писательской организации, и он вошёл. Костя увидел друга и помахал ему рукой, что могло значить только «садись, где найдёшь». За длинным дубовым столом в просторной, украшенной дубовыми панелями комнате свободных мест не было, и он присел на стул у окна. Костя главенствовал за этим столом, и Корытин поразился, как изменился его прежде замкнутый, погружённый в себя друг. Теперь он был центром притяжения. К нему, как металлические пылинки к магниту, летели реплики, мнения, вопросы, и Корытин понял, что Костя купается в этой волне общего интереса.

Иссяк поток мнений о стихах невысокого парня с хорошо поставленными дикцией и жестом. Как понял Корытин, театрального актёра по профессии. И Кольцов объявил:

– А сейчас у нас презентация. Евгения Ростиславовна, слово вам.

Евгения Ростиславовна, со вкусом одетая дама лет сорока, представляла свою первую книжку стихов. Конечно же, она волновалась. Но старалась держаться спокойно и уверенно, предваряя каждое стихотворение словами «очень хорошее» либо «просто блестящее». Об одном сказала, слегка покраснев, что считает его гениальным. Чувствовалось, что ей хочется использовать отведённое для презентации время как можно плотнее, и она зачитывала анонсированные таким образом стихотворения с пулемётной скоростью. Без интонационных изысков и пауз. Одинаково выстреливая в слушателей и «очень хорошие», и «просто блестящие». Даже для названного гениальным не сделала исключения. Кто-то из присутствовавших за столом заметил ляп в прозвучавшей строке. И сказал об этом, вклинившись в секундную передышку хозяйки презентации.

– Да что вы мне говорите?! – недобро сузила глаза Евгения Ростиславовна.

– У меня высшее филологическое образование!

И разразилась очередной стихотворной скороговоркой. Когда Корытину было двадцать два и он только-только окончил институт, Алексей гордился

полученным образованием и носил на лацкане пиджака институтский ромбик, в просторечии именуемый «поплавок». Но однажды человек постарше заметил ему: «Различают три степени деградации инженера. Первая – разучиться пользоваться логарифмической линейкой. Вторая – забыть таблицу умножения. И последняя, третья – «поплавок» нацепить». Корятин снял ромбик и больше не надевал никогда.

Заседание литературной студии закончилось, люди из-за большого стола потянулись к выходу, лишь некоторые пересели за стол поменьше в углу комнаты.

– Ну, здравствуй, Лёха, – протянул Костя руку, – как тебе у нас?

– Здо́рово, – искренне ответил Корятин, – только непонятно.

– А ты заходи почаще, – пригласил друг, – тогда и понятнее станет, и сам что-нибудь сказать сможешь. Знакомьтесь, – подтолкнул он гостя к усаживавшимся за стол людям, – это мой друг Алексей Корятин.

В десять, когда вахтёр обходил здание, готовясь запереть дверь изнутри, они вышли на улицу.

– Красивая у тебя фамилия, Костя, – промолвил Корятин, приходя в себя от обилия услышанных за столом стихов, – звучная, как и сам ты. Не то что моя.

– Ошибаешься, Лёха, – сказал неожиданно погрустневший друг, – Кольцовых в русской литературе столько, что обо мне вспоминают в последнюю очередь. Вот с твоей фамилией я бы точно не потерялся.

Прошёл ещё месяц на водочной линии. Всё оставалось по-прежнему. Гоги, как мысленно стал называть Корятин директора вслед за Серёгой, твердил, что денег нет. Наконец Алексей понял, что его дурят, и уволился в тот же день.

– Правильно, – сказал Серёга, увидев, как складывает Корятин принесённый из дома инструмент, – теперь он тебе заплатит, никуда не денется.

– А ты?

– У меня тут, сам видишь, кормушка. В смысле поилка.

«Первый блин, как и положено, комом», – решил Алексей, возобновляя походы по предприятиям и изучение газет с вакансиями. Накатили первые настоящие морозы, снега осыпали Таинск, бинтуя безнадёгу поздней осени, солнце вставало в радужной дуге ложных солнц, и город празднично искрился. В один из таких дней Корятин, скорее для очистки совести, чем надеясь на удачу, заглянул в отдел кадров большого машиностроительного завода. И от туда отправился на собеседование.

Глава 2. Алкаши

Ремонтный участок Петряева обслуживал несколько цехов. Сам Петряев собирался на повышение:

– Быков переводит меня главным механиком завода. Начальником участка станет Иван Прохоренко. Он сейчас в отпуске. Я ему дал возможность отдохнуть. А ты принимай его бригаду. И цех, который он обслуживает.

Корытин знал уже, что Быков – главный инженер завода. И что предыдущий главный механик уволился, не выдержав тяжёлого характера Быкова. Алексей с первой минуты знакомства пытался вспомнить, где он видел Петряева раньше, и теперь вспомнил. Они учились на одном курсе, жили в одном общежитии и даже какое-то время в комнатах по соседству. А ещё вспомнил, что Петряева в те годы изредка именовали Хитряевым за умение не упускать из вида свой интерес. Когда в учёбе наступала запарка, многие студенты, и Корытин тоже, навёрстывали отставание по ночам. И не раз случалось, что посреди ночи в комнату совывалась голова кого-нибудь из соседей: «У вас хлеб есть? А сахар? А рупь до стипендии?». Случалось и Лёшке ходить ночью по соседним комнатам, предварительно убедившись, что там горит свет: неписанный, но почти всеми соблюдавшийся закон запрещал лезть туда, где все уже уснули. Приходилось ему заглядывать и в комнату, где жил тогда Петряев. И если оказывалось, что единственным не спящим в этой комнате был он, Корытин продолжал поиски. А если кто-то ещё, то находились или полбулки хлеба, или ложка сахара, или рубль до стипендии. Впрочем, жмотом Саша Петряев не был, в складчинах не хитрил и взятые займы деньги возвращал без напоминаний.

- Я тебя вспомнил, – сказал Петряев, – ты у горняков учился.
- А ты у технологов.
- Вот и познакомились. Иди знакомься с бригадой.

Слесарное помещение бригады Прохоренко, а с этого дня бригады Корытина, пустовало, только парень в жёсткой брезентовой робе сварщика сидел за столом, опершись подбородком о поставленные один на другой кулаки, будто задумался или придремал. Он поднял голову на «здравствуйте» Корытина:

– Здравствуйте. Вы наш новый механик? Сан Сергеич говорил. А меня зовут Паша. Разин. Мужики старую линию на запчасти разбирают. Пойдём, покажу.

И Корытин начал вникать в деловитый стук машин, перекрестья транспортных линий и сумрак «минуса» – помещений ниже уровня цеха, где тоже работали механизмы. Узнавать своих новых подчинённых – десяток слесарей и сварщика. Познакомился он с начальником цеха Темниковым и его мастерами. Иногда видел Алексей главного инженера Быкова, высокого человека с руками и плечами спортсмена-штангиста, такими массивными, налитыми силой плечами, что из-за них Быков казался сгорбленным, и Корытин решил, что вполголоса брошенное кем-то из слесарей вслед Быкову «горбатый» вызвано именно этим. Прошла неделя, за нею другая, близилось время появления на работе Прохоренко, и тогда всё для Корытина должно было встать на свои места. С Петряевым у него сложились вполне рабочие отношения, да и тот в ожидании своего повышения особо не давил на подчинённых.

Утро началось обычно: повизгивал под подошвами снег, мороз щипал за уши, тусклые фонари едва освещали протоптанную в сугробах тропинку, по которой Корытин за пятнадцать минут быстрого хода добирался от дома до ярко освещённого изнутри стеклянного куба проходной. Вошедшая чуть раньше него женщина приложила сумочку с пропуском к окошку турникета,

за нею и он отметился своим пропуском, пересёк площадку перед воротами цеха и вошёл. Обычно в это время там было тихо, только слегка гудели плавильные печи. Сейчас молчали и они.

– Первая печка встала, – доложил ему рослый, со слегка одутловатым, меченым оспой лицом слесарь Шумилов, дежуривший у печей этой ночью, – чего-то плавильщики накосячили. Эх, щас начнётся!

– Сами плавильщики, а не техника? – уточнил Кoryтин.

– А кто ж ещё? Чего-то внутри рвануло, аж крышку сорвало. Еле успели отскочить. Ладно, я мыться пошёл.

Кoryтин давал своим задание на день и слушал, как за тонкой металлической стеной слесарного помещения примчавшийся на печи Быков сцепился с начальником цеха Темниковым. Как понял Кoryтин, они выясняли отношения достаточно давние и болезненные. И тут в спор двух голосов вступил третий. Голос Петряева.

– Здравствуйте, – только и успел произнести Петряев, как весь гнев главного инженера обрушился на него:

– А ты где шляешься?! И где твоя докладная?!

Кoryтинские слесари двинулись на выход, Кoryтин поспешил за ними: присутствовать при чужой ругани, даже незримо для ругающихся, ему не хотелось. Быков смолк, увидев посторонних, но едва они свернули за слесарку, до Кoryтина снова донеслось: «Я тебя спрашиваю, где твоя докладная? Дружка своего Темникова прикрываешь?!». Двое других механиков их участка, Степан Ильич и Артём, уже предупредили Кoryтина: любая оплошность, повлиявшая на работу оборудования, должна быть замечена и оформлена докладной. Такой порядок ввёл главный инженер. А вскоре из цехов пошли встречные докладные на механиков. Степан Ильич, кряжистый рослый человек предпенсионного возраста, назвал это «бумажной войной», а Артём сказал: «Дело, впрочем, твоё. Мы на свои цеха стараемся не стучать. По возможности. Но решать только тебе». «Неужели и мне в эту бумажную войну придётся лезть?» – подумал Кoryтин, спохватился, что оставил в слесарке блокнот, и повернул назад. Подходя к дверям, невольно попал он на последнюю фазу выяснения отношений между Быковым и Петряевым.

– А иди-ка ты... – взлетел, захлёбываясь, голос Петряева и последовал короткий злой адрес того места, куда надлежало идти Быкову. Красный, растрёпанный, едва не сбивший Кoryтина начальник участка выскочил из-за угла и скрылся в переходе. В тот же день он уволился, а утром следующего дня появился отозванный из отпуска Иван Иосифович Прохоренко, среднего роста человек с округлым лицом, округлой речью и цепкими глазами. И приступил к обязанностям начальника.

Недели складывались в месяцы. Старого знакомого Серёгу с водочной линии Алексей встретил уже ранней весной. У магазина по соседству с домом показавшийся знакомым Кoryтину человек разгружал «газель». Алексей подошёл, Серёга оглянулся:

– Привет. Давно не видались.

– Привет. Закрылась твоя кормушка, которая поилка, или сам ушёл?

– Закрылась. Повязали нашего Гоги, и он мне за долги газельку эту подарил. Так что с неё теперь и кормлюсь, и всё остальное. А Эдька до сих пор ни черта выдавить не может, так что вовремя ты ушёл, как чуял!

Весна начиналась и отступала, сугробы чернели, проседали, на них падал свежий снег, двадцатиградусный мороз превращал в каток успевшие слегка подтаять тропы, и Кoryтин скользил, разбивая колени, тратя двадцать минут на дорогу вместо прежних пятнадцати. Он освоился на новом месте и, присмотревшись к своим людям, с грустью понял, что половина из них в разной степени подвержена той же болезни, что и Серёга. Он отправил за ворота двух узбеков, Шавката и Фаруха, отца и сына. Трезвыми эти люди были и вменяемы, и управляемы. Когда один из них оставался трезвым, он мог проследить, чтобы второй не полез куда нельзя, не ввязался в ссору и не попал на глаза начальству. Но вдвоём в таком состоянии они становились напористыми до наглости, а младший ещё и забывал русский язык, и Кoryтин, попробовав повлиять на них, сдал обоих Ивану Иосифовичу: «Безнадёжные». Кoryтин не вдумывался, как эти люди, всегда старавшиеся устраиваться среди своих, оказались слесарями на производстве, где их земляков можно было сосчитать на пальцах в многотысячном коллективе. А Прохоренко сказал: «Видать, за эти дела их свои и выдавили отовсюду. А кушать хочется, вот и прибились к нам. Думаешь, кого пришлёт отдел кадров? Таких же. За путных везде держатся».

Начался рабочий день, и перед обедом отдел кадров прислал двоих: высокого молодого, стеснительного на вид, сильно заикавшегося парня и его приятеля, среднего роста подвижного мужика с юркими глазами и насыщенной лагерным жаргоном речью. Прежде оба работали на птицефабрике в пригороде. На вопрос «почему уволились?» ответил юркоглазый Тимоха: «ничё не платили, в натуре, а ездить далёко», а Антон только покивал согласно. Тимоха с Антохой, как называл старший своего приятеля, ушли оформляться, Кoryтин посмотрел им вслед и мысленно согласился с Прохоренко.

– Всю жизнь здесь работаю, в этих вот стенах, как с технаря пришёл, но чтоб столько пьяни кругом, – высказался на эту тему Степан Ильич, – сроду не видал. Как сбесились люди: алкаш на алкаше.

– Жить стало страшнее, – ответил ему Артём, – вот и заливают шары. Хоть сколько-нибудь, а передышка. А правда, Иван Иосифыч, что хозяева дальнюю площадку закрывают?

– Говорят, – отозвался Прохоренко, – что к лету полностью остановят.

– Значит, сразу две тыщи народу за ворота. Представляете, что там щас делается? Ночью через забор снутри наружу подшипники кидают, твёрдый сплав, медь. А оттуда под забор бутылки пропихивают.

Кoryтин молчал, затягиваясь сигаретой: «Вот и здесь социализм скончался. Остался ли он хоть где-нибудь?». Вечером, едва началась вторая смена, ему позвонил начальник цеха Темников:

– Петрович, извини, что беспокою. Мой сменный мастер докладывает, что слесаря вашего на работе нет. Который Гена Шумилов.

– Спасибо, что сразу мне звонишь, – ответил Кoryтин, – сейчас завтрашнего дневного к вам отправлю.

Они с Темниковым сразу сошлись характерами, и Корятин, когда не оставалось никакой возможности увернуться от «бумажной войны», прежде чем отправить бумагу Быкову, показывал её начальнику цеха, как и тот, если подставлялись люди Корятина. Темников и теперь мог бы сначала известить своё руководство об инциденте на смене. Известить и заработать очко в необъявленной, коварной «бумажной войне», но оба они с Корятиным были людьми оттуда, из прошлой, как им казалось, более справедливой жизни. Когда Иван Иосифович стал начальником участка, он заранее предупредил Корятина о Гене Шумилов:

– Слесарь он грамотный, надёжный. Но особенность имеет: месяца три или четыре – когда как – держится, а потом недели на две, когда и на три, в запой уходит. Так что будь готов.

– Когда последний раз? – напрягся, услышав это, Корятин.

– А вот перед самым как тебе устроиться.

«Середина апреля, – прикинул он теперь, – как раз четыре месяца». Гена Шумилов появился через три недели, похудевший, потемневший лицом, и молча принял положенное наказание.

– Чтoб ты в курсе был, Петрович, – пояснил он Корятину, – две недели я ни черта не соображаю, звонить и ездить ко мне даже не пытайся. А третью в себя прихожу, так что в конце уже можешь. Прохор, – по-свойски назвал он начальника, – так делал.

И Корятин понял, что до следующего запоя за Гену не стоит беспокоиться. Зато Игорь Литвинцев мог сорваться когда угодно. Молодой, не старше тридцати, симпатичный, даже интеллигентный с виду, он приходил на работу, до обеда держался, а после начинал прятаться от Корятина, уходя в один из соседних цехов и окольными путями пробираясь в душевые по окончании смены. Игорю пришлось побывать на чеченской войне, и давно знавший Литвинцева Гена Шумилов сказал Корятину: «Не суди его, Петрович, кто там был, через одного такие». Запой заканчивался, Игорь становился весёлым отзвучивым парнем со светлой головой и работающими руками. До следующего раза. И особым человеком в ряду этих людей стоял сварщик Паша Разин, тот самый, что первым встретил Корятина в слесарном помещении бригады. Однажды Корятин хватился сварщика.

– Мужики, кто Разина видел? – спросил он слесарей.

– На минусе Пашка, у пятой линии, – сказали ему.

– Что он там делает? – удивился механик.

– Спит, – был ответ.

Корятин спустился на полутёмный «минус». Видимо, Паша уснул сидя, привалившись к стенке в тупике у транспортной линии, и постепенно сполз на пол. От него пахло свежим алкоголем, но деваться Корятину было некуда, и он начал трясти спящего:

– Паша, вставай!

Тот не сразу, но открыл глаза:

– Чего тебе? – еле выговорил он.

– Пойдём, работа есть.

Они поднялись в цех. Разина пошатывало. Корятин довёл его до повисшей на одном шарнире, готовой вот-вот оторваться металлической двери:

– Срочно завари, пока никого не пришибло. Сможешь?

– Делать нечего, – глянул тот на дверь мутными глазами.

Они прикатили сварочный аппарат. Корытин выровнял дверь, и тут произошло удивительное: стоило Паше обернуть вокруг запястья правой руки провод сварочного держака, как лицо его прояснело, а движения сделались уверенными и точными. «Глаза!», – строго предупредил он Корытина и зажёл дугу.

С удивлением узнал Корытин, что его сварщика могли забрать из бригады в любое место завода, где требовалось выполнить особо сложную работу. Бывало, такая работа длилась и неделю, и две. И до самого последнего штриха в ней Разин оставался трезвым. Окончив дело, он неизменно расписывался где-нибудь поблизости сварочной дугой: «ПВР», что означало: «Павел Васильевич Разин». И выжигал рядом с инициалами месяц и год.

– Ты, Паша, подписываешься прямо как художник под картиной, – сказал Корытин, впервые увидев такой автограф.

– Петрович, – ответил на это Паша, – не всякая картина проживёт, как моя работа. Завод этот развалится, и то моей работе удивятся, кто придёт его на металлолом резать.

Несложные дела Разин не достаивал подписи. Однажды Корытин спросил своего сварщика:

– Знаешь, что меня особенно удивляет в тебе?

– Что, Петрович? – ухмыльнулся он, ожидая, наверное, комплимента.

– Как ты мгновенно трезвеешь, обернув провод вокруг руки.

– Знаешь, почему это? – глянул Паша глаза в глаза Корытину и сам ответил: – Потому что я свою работу люблю и уважаю.

«Выходит, – подумал о нём Алексей, – для тебя трудная, интересная работа и есть запой, в который ты прячешься от жизни. И чем труднее, интереснее, тем охотнее ты в неё бросаешься. А водка от одной настоящей работы до другой – просто время скоротать».

Набралась смелости и вступила в права весна. Лезла из-под сугробов бледно-зелёная трава, в натопанной к заводской проходной тропе обнажилась мокрая земля, возвращались утки, грачи и ласточки. Случалось, что по вечерам заглядывал Корытин на третий этаж старинного здания в центре города, в просторную комнату с длинным дубовым столом. Его интересовали приходившие к Косте Кольцову люди. Иногда их было двое-трое, иногда за столом не находилось свободного места. Там сталкивались клинки мнений, и искры этих столкновений взлетали под высокий потолок. Там одна прочитанная строка могла сделать людей друзьями или врагами. Там пользовались успехом пародии на только что прозвучавшие стихи. Там собирался пёстрый народ, от совсем юных парней и девчат до седоголовых сверстников Кольцова, и однажды Костя, когда немногие оставшиеся в комнате пересели за маленький стол, сказал:

– А я новое стихотворение вчера ночью написал. Называется: «Брага». – Говор за столом стих, все лица обернулись к нему, и он начал читать глуховатым голосом, короткими взмахами ладони отбивая ритм своих строк: – В бу-

тыли поэзии, выдержав сроки, дойдя в мутноватом стекле, стихами становятся странные строки с коронами рифм на челе. И брагою слова хмельного согреты, сбиваются ближе родни осколки небес: чудачки и поэты. И счастливы вместе они.

На следующее утро случился аврал. Кобытин со своими работал, чувствуя, как спину ему сверлит взгляд Быкова. «Боится, что мы сядем, едва уйдёт? – подумал Алексей. Однажды во время такого же аврала, когда дело близилось к концу, расслабившийся Быков сказал о себе, что бросил всё нажитое в той же, что и Кобытин, республике несколько лет назад. – А может, для него власть над нами – убежище от жизни. И за воротами завода он никто. И звать его там никак. Вот и прячется в эту власть, как его хозяйева в свои деньги, как мои алкаши в запои». Они закончили ремонт, и цех возобновил прерванную работу. Вечером Кобытин заметил: высокий, стеснительный из-за своего заикания Антон чуть не под руки ведёт в душевую едва переставляющего ноги Тимоху, прикрывая того от посторонних взглядов собой. Но реагировать на это сегодня уже не захотел: «Прошёл день, и ладно».

Глава 3. Капитан второго ранга

Все ворота стояли открытыми, майское солнце ломилось в грязноватые окна, от печей по монорельсам разбегались ковши с жидким металлом, и почти из-под потолка Паша Разин сыпал искры сварки с перекинутого от стены до стены мостового крана. Кобытин и Темников вместе обошли цех, и Темников подвёл итог:

– Так что сорок лет назад это было вполне современное оборудование.

– Вижу. Но Быков требует график. Ты-то что у себя самым проблемным считаешь?

– Да вот хоть эту машину. Половина брака с неё.

График лёг на стол главного инженера, и Быков сам постоял у этой машины, слушая пояснения Прохоренко. Быков обходил цеха завода утром, раздавая задания начальникам ремонтных участков, и вечером, проверяя выполнение. Негромкое, но отчётливо слышимое «Горбатый идёт» летело впереди него. Однажды хозяйева, все трое, что было редкостью, шли по заводским цехам: главный среди них, среднего роста, среднего телосложения и немного старше других возрастом Новошубин впереди, за ним, слева и справа, отставая на шаг, высокий худощавый, даже тощеватый Миркин и тоже высокий, крупный, как Быков, но без его чрезмерности, Коханский. И Быков, между Миркиным и Коханским, но ещё на полшага сзади.

– Не любят вас, Геннадий Ильич, – сказал ему Коханский, до чьего уха долетала уже прежде эта фраза о Быкове, и вот, кажется, долетала снова.

– Владимир Роленович, это хорошо или плохо? – вопросом ответил ему Быков. Тот промолчал, и главный инженер договорил: – Я не женщина, чтобы меня любили. Да и не для того работаю. И деньги не за их любовь получаю. Но заставлял, заставляю и буду заставлять работать.

Казалось, главный инженер ответил только Коханскому, но последняя фраза прозвучала отчётливее и громче, чем требовалось, чтобы услышал только он.

Быков распорядился начать ремонты в цехе Темникова с самой старой машины.

– Ты со своими к ней даже не подходи, – наставлял Корытина его начальник Прохоренко, – эту машину красная бригада делать будет, Быков сказал.

– Что за красная бригада? Чем от других отличается? – спросил тот.

– Платит он им в два раза больше, чем наши получают, а так слесаря как слесаря.

– Ладно, не подойду.

За полгода работы Корытин пригляделся к Прохоренко и понял, кого ему напоминает этот человек. Такими в кинофильмах советских времён изображали председателей колхозов. Внешне невзрачный, несуетливый, расчётливый, а когда надо, и прижимистый, Прохоренко разбирался не только в деле, которым занимался, но и в людях, работавших рядом с ним. И знал о них даже то, чего они сами о себе могли не знать, но предпочитал ни с кем не делиться этим знанием.

Через неделю к Корытину пришли, затребовали чертежи, полдня ходили вокруг машины и принялись за дело несколько слесарей.

– Приходилось с такой техникой работать? – спросил Корытин их старшего, симпатичного, высокого худощавого мужчину, своего тёзку по фамилии Огнивцев, о котором Иван Иосифович сказал, что ещё зимой этот Огнивцев работал ничем не примечательным слесарем на участке в другом конце завода.

– Разберёмся, – уверенно ответил тёзка, из чего Корытин заключил: не приходилось. И подумал: ничего страшного, всякий человек что-нибудь когда-нибудь делает в первый раз. «Красная» бригада работала на машине две недели. Корытин, как и советовал ему начальник, не подходил к ним, разве что бросал иногда взгляд, проходя мимо по своим делам. Потом Огнивцев сам пригласил начальника цеха Темникова: «Пробуйте!». Оператор включил машину. Выключил. Снова включил и тут же выключил.

– Что вы с ней сделали, парни? – спросил оператор Огнивцева. – Она же мёртвая.

– А до вашего ремонта хоть с браками, но работала, – бросил Темников стоявшему по другую сторону машины Быкову.

– Алексей! – рывкнул Быков Огнивцеву. – В чём дело?!

– Разберёмся, Геннадий Ильич, разберёмся, – пообещал тот уже в спину уходящему главному инженеру. И отправился искать Корытина.

Бросив другую работу, пришёл Корытин со своими:

– Я же тебя спрашивал. Не мог сразу сказать?

Через пару часов оператор включил машину и приступил к работе, а Корытин доложил Прохоренко:

– Они же, красная бригада эта, рабочий стол намертво к станине прикрутили. Не знал их Огнивцев, выходит, что стол двигаться должен.

После скандала с Петряевым место главного механика долго оставалось вакантным. Быков предлагал его начальнику попадавшего под сокращение участка дальней площадки, но тот сказал своим, а от них долетело и до Прохоренко: «Чем под Горбатого, лучше за ворота». Быков потому и мерил быстрыми шагами заводские цеха утром и вечером, что не мог пока найти себе помощника. И всё же однажды возвратившийся с общей планёрки Прохоренко сообщил своим:

– Быков представил нового главного механика.

– Кого? – поинтересовался Степан Ильич. – Свежего с улицы взял?

– Здесь нашёл, на заводе, – ответил Иван Иосифович. – Фамилия Огнивцев. Зовут Алексей Сергеевич. Вон Петрович, – кивнул начальник на Корытина, – с ним уже встречался.

– Тот слесарь, после которого мне машину доделывать пришлось? – удивился Корытин.

– Был слесарь, а с сегодняшнего дня над всей ремонтной службой начальник.

– Иван Иосифыч, – попросил Артём, – вы наверняка про него что-то уже знаете. Расскажите.

– Если коротко – на заводе пять лет. Слесарем.

– А как у него с образованием по специальности?

– Главный инженер сказал, что он имеет большой опыт, – обтекаемо ответил начальник.

– За что же его? – настаивал Артём. Всезнающий Прохоренко замаялся, и Корытин понял, что начальник держит в голове что-то, о чём лучше помолчать.

– Это если коротко, – сказал тоже почувствовавший это «что-то» Степан Ильич. – А если длинно, Иван? Мы не на собраньи профсоюзном. И нам с ним работать. Откуда он выпал в главные механики?

– Мужики, – понизил голос начальник, – говорю только вам. Не для передачи. Никому. Они с Быковым свояки. У них жёны – родные сёстры.

– Да, – подытожил Артём. – Выходит, больше никто не согласился.

На следующий день в помещение бригады Корытина зашёл Денис Локтев, мастер «водяных». Его бригада формально относилась к участку Прохоренко, но держалась особняком. Видимо, и Прохоренко, и Локтева такое положение дел устраивало. Время от времени Локтев, спускаясь с печей, где стояло его оборудование, заглядывал к Корытину покурить:

– Слышал, Петрович? Лёшка Огнивцев теперь главный механик.

– Слышал. А ты давно его знаешь?

– В одном дворе не жили, в школу вместе не ходили. Года три. Я тогда на том конце завода у водяных работал, а он слесарем. Зашёл к ним в закуток, он там один сидел, разговорились, то да сё, потом здороваться начали, а потом если не друзьями, то приятелями заделались. И вот он теперь над нами над всеми начальник, Лёшка Огнивцев. Разом.

Локтев удалился, а вскоре в настезь открытую из-за жары дверь стремительным, летящим шагом вошёл Огнивцев. «Лёгок на помине», – подумал Корытин, протягивая руку навстречу руке главного механика:

– Здравствуйте, Алексей Сергеевич.

– Здравствуйте, Алексей Петрович. – Широкая и твёрдая ладонь Огнивцева будто испытывала на прочность руку собеседника и, испытав, ослабила нажим. – Какое у вас воинское звание? – ошарашил он Корятина вопросом.

– Старший лейтенант-инженер запаса, – ответил тот, недоумевая.

– А я капитан второго ранга. Докладывайте обстановку по-военному, кратко и точно.

Огнивцев произнёс это так, что заурядное помещение по соседству с плавильными печами на мгновение показалось Корятину мостиком боевого корабля, прорывающегося сквозь ветер и солёные брызги. Всего на мгновение, но показалось. «Вот как, – подумал он, – капитан второго ранга. Это серьёзно».

Жара заливала город, тополиный пух осыпал улицы, влетая в окна и даже двери квартир. Он залетал и в заводские цеха, нелепый, наивный, ищущий себе пристанища среди камня и металла, жара и грохота, откуда даже ко всему привычные люди бежали, едва заканчивалась их смена. Гена Шумилов снова ушёл в запой, юркоглазого Тимоху с птицефабрики пришлось отправить вслед за узбеками, но приятель его, заикавшийся Антон, прижился, подружился с Игорем Литвинцевым, и теперь они прятались от Корятина вместе. У жены Корятина Ирины начался отпуск, она уехала с дочерью и внучками к морю. Алексея теперь никто не ждал в опустевшей квартире, и он чаще навещался в писательскую организацию к другу. Там тоже было затишье, и он пользовался возможностью побыть с Костей наедине или почти наедине, когда никто из трёх-четырёх людей в комнате не стремился перекричать остальных, чтобы обратить именно на себя внимание Кольцова. И звучали здесь в это время грустные стихи и грустные истории. Только однажды попал он на шумное сборище за дубовым столом, где Костя представлял очередной номер литературного альманаха. В альманахе этом был Кольцов всем: организатором, вдохновителем, главным редактором и главным добытчиком денег, а потому заслуженно принимал восторги авторов. Однако уже на следующий вечер, поднявшись на третий этаж старинного дома, застал Алексей друга одиноким и грустным. На столе перед Костей стояли початая бутылка и пустой стакан, скудноватая снедь из малосольных огурцов, пары ломтиков хлеба и нескольких кружков варёной колбасы лежала на двух тарелках. Костя достал из тумбы стола второй стакан, плеснул в оба из бутылки и глянул на Корятина исподлобья:

– Выручай. Видишь, никого.

Корятин взял предложенный стакан, молча чокнулся, быстро, одним большим глотком, выпил. Костя пил медленно, будто смаковал содержимое. Допил и сказал:

– Огурчиком вон закусывай. Сам растил, Лара солила. – Прожевал огуречный ломтик: – Ты думаешь, они мне вчера радовались? Или новому номеру альманаха? Себе, любимым. Тому, что их творения до читателя дошли, вот чему они радовались, Лёха.

– Что с тобой, Костя?

– Представляешь, один из вчерашних сегодня позвонил и поинтересовал-

ся, почему я не все его стихи напечатал. И не в том порядке, как он хотел. И не на первых страницах. Я им нужен, чтобы на моей спине в литературу въезжать. Чтобы их вирши редактировать. Рекомендации им в Союз писателей давать. А потом нагадят на голову, размажут и скажут, что так и было. Вот тебе вся правда о вчерашнем празднике, Лёха.

Костя хмелел: «Помнишь, был у меня в студенческие наши с тобой годы друг такой, по фамилии Иванов? Да, Витька. Он себе потом псевдонимом фамилию жены взял. И стал Зарада. Мы же один другому первые книжки составлять помогали, радовались им, как дети, обменивались, такие посвящения один другому на них писали! Почему, думаешь, он сюда не приходит? Нет, не уехал, в Таинске он! Потому что был друг, а стал враг». Топот ног проплыл по коридору и затих у дверей. В комнату вошли два поэта и поэтесса из студии Кольцова, весёлые и слегка хмельные. Поздравления и объятия плавно перешли в застолье, Костя начал улыбаться, и Корятин вздохнул с облегчением. Спустя несколько дней по дороге домой он зашёл в книжный магазин и заметил на стеллажах с поэзией сборник стихов Виктора Зарады. Купил. А дома, перелистывая страницы, прочёл стихотворение, которое называлось «Без друга»:

*Вот и всё. Неправы оба.
Ничего. Ничего.
Проживи теперь, попробуй,
без него. Без него.
Он уходит без оглядки,
деловит. Деловит.
Сделай вид, что всё в порядке,
сделай вид. Сделай вид.
Обходи его по кругу
за версту, за версту,
от бывшего пряча друга
пустоту. Пустоту.
Он ведь тоже улыбался,
как и ты. Как и ты.
Видно, вдоволь нахлебался
пустоты. Пустоты.*

Наступила осень. Ворота цехов закрылись, приточная вентиляция подавала теперь вместо охлаждённого воздуха подогретый, по утрам иней лежал на пожухлой траве, стекленели лужи, а с того ремонтного участка, где раньше работал слесарем Огнивцев, один за другим увольнялись мастера и механики. Взамен отдел кадров присылал новых. Последним ушёл начальник, и к декабрю там не осталось никого, кто помнил Огнивцева своим подчинённым. «Ай да капитан второго ранга, – подумал Корятин, услышав об этом от Ивана Юсифовича. – Да он, похоже, этими увольнениями хочет спрятаться от самого себя, от своего прошлого в работагах. Как его свояк Быков, властью упивается. За что моего тёзку с флота попёрли, интересно?» Однажды утром Корятин собирался подняться на печи для осмотра. Сверху по трапу спускались

Огнивцев и Денис Локтев. Шедший впереди Огнивцев ставил Локтеву задачу:

– А ещё, Денис, с сегодняшнего дня заведи журнал: дата, объект, выявленные замечания, мероприятия по устранению, ответственный. И отметка о выполнении.

– Сделаю, Лёша, – ответил тот, и Корытину показалось, как на мгновение напряглось при этих словах лицо главного механика.

– Зря ты его Лёшей назвал, – сказал Корытин приятелю немного погодя, – какой он теперь Лёша?

– А с чего бы его Алексеем Сергеевичем навеличивать, когда меня он как звал Денисом, а то и Дениской, так и зовёт. Потому Лёша он, а когда и Лёшка. Кому как, а мне так.

Прошло дней десять после встречи у ведущего к печам трапа, и Локтев зашёл к начальнику участка подписать обходной лист. Он увольнялся:

– Другую работу нашёл. Поближе к дому, а то сюда через весь город ездить.

– Огнивцев постарался? – спросил Корытин, выйдя следом за Денисом. Тот промолчал красноречивее любого ответа. – За что? Неужели за «Лёшу» на печках?

– Сказал: увольняйся, ты мне здесь не нужен. Сказал: не уволишься по-хорошему, найду способ уволить по-плохому. Выбирай, говорит, сам.

«Ай да «капитан второго ранга», – подумал Корытин, мысленно ставя кавычки вокруг этих слов, – там навёл порядок, теперь у нас». Неожиданно для него следующим собрался увольняться Прохоренко:

– Меня Петряев Александр Сергеевич к себе зовёт, – сказал тот Корытину. – Подумал я и решил согласиться.

– Только из-за того, что Петряев позвал, увольняешься? – на всякий случай не поверил Корытин.

– Знал бы я, – вздохнув, ответил начальник, – когда Быкову про осечку красной бригады на твоей машине докладывал, кем станет Огнивцев, лучше бы промолчал. Или соврал. Так что скоро за тебя возьмётся. – Прохоренко замолчал. По глазам его видно было, что Иван Иосифович сказал не всё, что хотел. – Ты Огнивцева капитаном второго ранга называешь, а он был просто капитан. Без ранга. У милицеевских капитанов рангов нет.

– А при чём тут милиция, Иван Иосифыч?

– Помнишь, Артём про его образование спрашивал? Теперь я знаю: образование у Огнивцева – школа милиции. Дали на минутку в отделе кадров личное дело глянуть. И работал он гаишником. У него там история некрасивая вышла. Гонял со своими парня-мотоциклиста. То ли за дело гонял, то ли просто так. Ну и парень по городу от них уходил, а уже за городом прижали. И слетел он с трассы на повороте. И шею себе свернул. А родня того парня – казаха – пообещала, что привезёт Огнивцева на то самое место и там ему тоже шею свернёт. Потому он оттуда к нам убежал. И прятался тут. Работы менял. То слесарем где-нибудь, то оператором в котельной. Грузчиком в магазине. Квартиры тоже менял. А теперь, получается, перестал прятаться. В люди вышел. Так что жди: твоя очередь.

Прохоренко уволился. Корытин внял его предостережению и старался не давать повода Огнивцеву: снова мотаться по городу в поисках работы не хо-

телось. Взамен Прохоренко пришёл тихий, будто пришибленный человек лет сорока с не соответствовавшей его облику фамилией Злобин. Он не делал перед новыми подчинёнными секрета из грустноватой своей биографии: учился, женился, работал, дорос до начальника цеха оборонного завода, после закрытия год нигде не мог устроиться, и семья из-за этого распалась. Теперь Злобин согласен был на всё ради работы. Со временем подчинённые заметили, что их начальник попивает, запершись в кабинете. Попался он в таком состоянии и Огнивцеву, но, как ни странно, работы за это не лишился. Тем временем на весах «бумажной войны» между Быковым и начальниками цехов где-то в сферах, вплотную приближенных к кабинетам Новошубина, Миркина или Коханского, а может, и в одном из этих кабинетов чаша Быкова перетянула ту, на которую складывал свои докладные Темников. И тот попрощался с цехом. А Корытин продержался до лета. Может, продержался бы и дольше, но вышло так, как вышло: собирался он в отпуск, даже заявление было подписано, но Корытина вызвал «капитан второго ранга»:

– С какого числа в отпуск идёте, Алексей Петрович? Два дня дам вам отдохнуть, а на третий выходите на работу.

– Мне будет сделан отзыв? – спросил Корытин в надежде: «Отпускные получу, да ещё и заработаю, раз отдохнуть не выйдет».

– Нет, формально вы будете отдыхать.

– Как мне будет оплачена эта работа?

– Никак, – отрезал «капитан».

– За что же я работать буду, Алексей Сергеевич?

– За то, чтобы не потерять рабочего места, Алексей Петрович. А если хотя бы на день дольше этих двух задержитесь, на работу можете больше не выходить. Совсем.

«Вот как он до меня добрался за тот свой конфуз у машины, – думал Корытин по дороге домой. – Совсем внаглую. А и чёрт с ним, надоело прятаться». На следующий день бывший заместитель Темникова, сменивший того на посту начальника цеха, сказал: «Плюнь и спокойно отдыхай. Я тебя возьму оператором». Они с Ирой и внучками уехали к морю. А когда вернулись, Корытину позвонил Прохоренко: «Петрович, можешь приехать к нам на фабрику? Сергей Александрович Петряев с тобой поговорить хочет. Механик ему нужен». И Алексей поехал к Петряеву на ту самую птицефабрику в пригороде, где когда-то работали алкаши Тимоха с Антохой.

Глава 4. Сибирский тракт

Улица Сибирский тракт вырвалась из городских окраин и стала просто трактом, уводящим через холмы и перелески на восток. За века его существования по тракту прошли в кандалах пугачёвцы и декабристы, народовольцы и петрашевцы, не одно поколение польских повстанцев, вольные и невольные страдальцы крестьянских бунтов, правдолюбы, воры, мошенники и убийцы. А без кандалов разве что высланные на окраины империи проститутки да жёны и матери кандалников, решившие разделить с любимыми людьми злую

их долю. Потом южнее этих мест загудел паровозами Транссиб, и со временем Сибирский тракт стал просто уводящей на восток дорогой.

В нескольких километрах от города маршрутный автобус свернул с тракта на север, и вскоре слева от дороги показалась россыпь едва различимых за высоким бетонным забором строений фабрики. Кобытин вышел на остановке и двинулся к обращённому фасадом на обширную автостоянку зданию в три этажа. Петряев встретил гостя в вестибюле, повёл в кабинет, оформил пропуск на территорию. Когда за турникетом проходной они остались одни, Кобытин спросил:

– Какие тут порядки? Хозяева?

– Хозяева, – ответил Петряев, – но порядки почти как при социализме. Тебе понравятся.

Поплутав немного среди невысоких зданий, они остановились у входа в особенно обшарпанную постройку. Из пробитого низко, на уровне земли, отверстия в стене постройки вытекал ручей дурно пахнущей жидкости кровавого цвета.

– Я в этот ручей вчера по неосторожности одной ногой соскользнул. Туфель промочил и брючину, – сказал Петряев. – От меня потом в фабричном автобусе люди шарахались, такой духан я занёс.

Он открыл дверь. В глубину помещения уходил узковатый коридор. От стены до стены коридора на полу лежала лужа мутной жидкости, отличавшейся по цвету и запаху от той, что вытекала из дыры. В лужу брошены были кирпичи. На них опирались уложенные одна за другой доски, служившие, видимо, трапом для преодоления водной преграды. По этому трапу навстречу гостям парень крючком тащил за собой через лужу стопку пластиковых ящиков. Он поздоровался с Петряевым, глянул на незнакомца рядом с ним, и выволок ящики наружу.

– Как дела? – спросил парня Петряев.

– Нормально, Сан Сергеич, – ответил парень. Он приставил стопку ящиков к штабелю таких же у стены и шагнул внутрь помещения.

– Пойдём и мы, – пригласил Петряев.

Вслед за парнем они дошли до конца коридора, свернули и через несколько шагов остановились у полуприкрытого железной дверью проёма. Пол, стены, даже потолок в коридоре показались Кобытину пропитанными густым, тяжёлым запахом грязи и чего-то ещё, пока не знакомого ему. Они перешагнули порог и вошли в помещение.

– Машинный зал, – сообщил Петряев.

Машинный зал оказался до потолка заполненным горячим туманом, и только в полуметре от пола этот туман немного редел. Шедший впереди парень привычно шагнул в белую мглу и пропал там. Откуда-то слева и сверху, где сквозь эту мглу едва пробивался свет потолочной лампы, послышалось протяжное: «Бо-о-о-йся!». Раздался свист, перешедший в шипение. Что-то полетело сквозь туман, и Петряев сказал с облегчением: «Передул». Они осторожно пошли через машинный зал, внимательно глядя под ноги, а скорее, нащупывая ими в тумане ровные участки пола. Тяжёлые горячие капли падали с потолка, и Петряев торопливо надел на голову принесённую с собой бейсбол-

ку. На голове у Корытина не было ничего, и ему пришлось терпеть эти капли. Справа из тумана слышался тяжёлый мерный шум работающих механизмов. «Котлы», – сказал его спутник. Они дошли до стены, в которой обнаружилась дверь. Петряев открыл её. Поваливший через дверь из машинного помещения в соседнее горячий туман поднялся к потолку. Они переступили порог, дверь хлопнула, притянутая пружиной, и комок размокшей от пара штукатурки, сорвавшись от хлопка со стены над дверью, разбился о горбатый грязный пол. Тот самый парень ворошил совковой лопатой кучу светло-жёлтого цвета на полу, от которой исходил запах, отдалённо похожий на хлебный.

– А здесь, – сказал Петряев, – отделение готовой продукции.

Они прошли между горячими и уже остывшими слегка пахнущими этим запахом кучами. Вышли через другую дверь на улицу, на показавшийся сладким после «ароматов» мрачного, туманного машинного помещения воздух летнего полудня.

– Ну как, согласишься здесь работать?

– Это смотря сколько ты мне платить станешь, – ответил Корытин, – я разное повидал, но такое впервые.

– А платить тебе будет начальник цеха. Пошли к нему.

«Везёт мне на работу, от которой другие отказываются, – думал Корытин по дороге домой в бегущем Сибирским трактом автобусе. – А Петряева не зря в студенческие годы Хитряевым звали. У себя в кабинете про грядущую реконструкцию пел, а про вонь несусветную ни слова». И принялся к успешней всего за минуту в машинном помещении пропитаться этой вонью рубашке. «Везёт. Кого работа любит, а такая в особенности? То-то и оно. И всё же это лучше, чем в поисках оной по Таинску болтаться или, упаси Боже, «капитану второго ранга» в ноги падать».

Он увольнялся с завода. Забрал в отделе кадров документы и вышел через центральную проходную на проспект. У выхода помещалась недавно возвращённая хозяевами из забвения заводская Доска Почёта. Среди токарей, сварщиков, водителей и мастеров поместился теперь на ней «Огневцев Алексей Сергеевич, главный механик завода», как гласил текст под фотографией симпатичного худощавого человека с умными внимательными глазами. «Перестал прятаться», – согласился Корытин с бывшим своим начальником.

Прошёл месяц. Выйдя вечером на улицу, директор птицефабрики втянул ноздрями воздух. Впервые за последние годы вместо тяжёлой, бьющей по желудку вони в этом воздухе пахло чем-то хлебным.

– Вот чтоб с этого дня всегда так было, – скомандовал он начальнику цеха Кандыбе.

Наутро Кандыба, среднего роста, плотно сбитый человек лет тридцати пяти, по-крестьянски основательный и красивый как раз этой крестьянской основательностью, вместе со своим заместителем Мурашовым, высоким, чуть повыше начальника, и заметно моложе возрастом, явился на участок Корытина.

– Алексей Петрович, – сообщил он, – ваш испытательный срок окончен раньше положенного. И вам установлена надбавка к окладу.

В машинном зале кипела работа. Оператор со своего места помахал Кандыбе и Мурашову. Его помощник, не разгибаясь, трудился спиной к вошедшим. Потолочные лампы освещали помещение с ободранными стенами и неровным, покрытым лужами после утренней уборки полом.

– В понедельник начнём ремонт, – объявил Корытину Кандыба. – Пора с этим свинюшником кончать.

Они ушли, и слесарь Володя Изюмов, давно знавший как начальника, так и его заместителя, сказал Корытину:

– Что-то Толя Мурашов не в себе. В глаза не смотрит, губы кусает. Будто злится на кого.

Лишь спустя время узнал тот причину злости Мурашова, злости, надолго испортившей их отношения: новый оклад Корытина оказался выше, чем у него, заместителя начальника цеха Анатолия Андреевича Мурашова.

Отгуляла своё осень, накатила зима. К наступлению настоящих холодов всё было закончено, и в чистые, светлые помещения, где чувствовался теперь лишь слабый, похожий на хлебный, запах, Петряев и другие руководители начали водить гостей. «Осталось тебе отшлифовать своё хозяйство до идеала, – толковал Корытину Кандыба, – и поддерживать в таком состоянии». Корытин кивал и думал: нет уж, нет. Если нужно сделать что-то надёжное, милости прошу ко мне. А если до идеала, ищите кого другого. Не моё это дело – идеал. К тому же из людей моих те ещё «шлифовальщики». Одного из них Корытин отправил за ворота всего через пару недель, застав невменяемо спящим на куче сырья. Другие правильно поняли это и подтянулись. Вот хотя бы Дима Воронов, тот самый парень, что первым встретил Корытина в дверях участка. Работал он, как и другие, сутки через двое. И работал хорошо. Но выпивать дома не мог – боялся жены. А выпить иногда хотелось, и он делал это на работе, уже нетрезвым доводил работу до конца, спал часа три-четыре, смотря по обстоятельствам, а в восемь утра покидал фабрику походкой усталого праведника.

Или Саша Дымов. Корытин любовался работой Саши. Тот всё делал будто просто так, мимоходом: мимоходом глянул на прибор, мимоходом тронул рукоятку ровно настолько, насколько позволяли показания прибора, мимоходом подтянул штурвал, и сразу прекратился тонкий противный свист. И ушёл пить чай. Возвращаясь, мимоходом нажал кнопку, снова тронул рукоятку, спустился по трапу, приоткрыл люк, проверил содержимое и снова закрыл. Стороннему наблюдателю могло показаться, что Саша Дымов слоняется меж работающих механизмов просто так, из любопытства. А знающий человек поражался, как выверен его маршрут и сколько внимания, собранности и точности в неторопливых движениях Дымова. И никто не знал, где прячет он посудину, к которой после ухода Корытина начнёт время от времени прикладываться. Одинокий Саша сошёлся с такой же одинокой, работавшей в котельной по соседству женщиной и, хотя не боялся пить при ней, старался этого не делать.

Особо выделялся среди участкового народа ровесник Корытина слесарь Володя Изюмов по прозвищу Изюм. «Какой ты Изюм, – заявил ему Корытин, узнав этого человека поближе, – ты горький перец. Стручковый». Володя Изю-

мов, половину жизни проведший в лагерях и тюрьмах, считал себя конченным алкоголиком. Года за три до появления Корытина на фабрике Изюмов был в очередной раз уволен с неё именно за это. Где он пытался работать в эти годы и пытался ли, Корытина не интересовало. Когда он поставил начальнику цеха Кандыбе условие: «Будет у меня толковый слесарь – возьмусь за этот бардак, а нет, ищите другого дурака», Кандыба ответил: «Есть подходящий человек». И через неделю привёл на участок в очередной раз принятого на работу Изюмова. «Я бы сроду не вернулся, – говорил Володя позднее, – да дочка Зина набрала кредитов в банке. А дошло до отдавать – нечем. Муж её Павлик то ли не может на работу приличную устроиться, то ли не хочет. Сидят оба в этом своём магазине, который сдуру на кредит затеяли, и даже на налоги еле-еле наскребают. А по кредиту штрафные проценты поёрли. Вот и пришлось закодироваться – и сюда. Семь лет теперь из-за них пить не буду, если вытерплю». Он рассказывал Корытину о своём детстве:

– Бабушка у меня на станции Тайга жила. Я летом к ней на велике из города гонял.

– За восемьдесят километров, – недоверчиво переспрашивал Корытин, – по тайге да ещё без дороги?

– Ну, дороги там, в смысле асфальта или даже грунтовки такой, чтоб все знали, нету. А для меня была. Присмотрю заранее велик чей-нибудь, утром украду и сразу туда. Часов пять-шесть – и в Тайге. Там велик продам, неделю у бабушки поживу, пригляжу у какого раззявы другой – и домой, к маме.

Сначала Володя попробовал поставить себя выше начальника и даже пошёл однажды на него с кувалдой в поднятой руке, но споткнулся о спокойный, строгий взгляд. Швырнул кувалду на захохотавший от удара металлический настил между ними, длинно и замысловато выругался, снял этой руганью муть с души и всё же сделал то, что требовал от него Корытин.

Другие люди, опытный, но ленивый и медлительный Вася, умный, стремительный Коля – «ты будешь хохотать, Петрович, я ведь на пятом курсе в институте учился и бросил, женился потому что!», приведённый на участок Изюмовым его зять Паша и ещё пара ничем не примечательных людей выпивкой не грешили, по крайней мере на работе. Корытин смывал под душем усталость и Сибирским трактом возвращался домой. По утрам тракт снова уносил его через поля и перелески к тем же людям, тем же проблемам, и он понимал уже, что и люди те, и проблемы, и сам Сибирский тракт – его судьба на ближайшие годы.

В середине зимы Корытин встретил коллегу по прежней работе Артёма, и тот первой новостью сообщил, что главный механик Огнивцев куда-то исчез с завода. А уже весной тело Огнивцева случайно обнаружили в подтаявшем сугробе, шагах в десяти от крутого, почти петлёй изогнутого поворота лесной дороги под Таинском. С переломленной шеей.

В кругу тянувшихся к Косте Кольцову людей появился новый человек, высокий, седобородый, по виду ровесник Кольцова, несколько настороженно оглядывавший отделанную дубовыми панелями комнату и заполнявший её народ.

– Знакомьтесь, – представил новичка Кольцов, – это мой друг со студенческих лет Савелий Горюнов. Сава. Савушка. Вместе занимались в лито. Потом он ушёл в журналистику, оттуда в бизнес. Но в душе остался поэтом.

Несколько прочитанных Горюновым стихотворений не впечатлили ни Корицина, ни других сидевших за длинным столом людей, однако появились на страницах очередного номера альманаха «Сибирское слово». Горюнов умел слушать, умел выделять в услышанном главное и отсеивать противоречащие этому главному мелочи. «Журналистский стиль работы, – сказал он однажды Корицину. – Въедается навсегда». Круг знакомых Горюнова в журналистских кругах, бизнес-сообществе и городской администрации впечатлял, и однажды Савелий сказал Кольцову:

– Костя, почему ты не хочешь преобразовать «Слово» из альманаха в полноценный журнал?

– Иной объём, Савушка, иные деньги, – ответил Костя.

– А если ты возьмёшь на себя только отбор материала? А поиском денег займусь я? Как думаешь, получится?

И в «Сибирском слове» появилась большая подборка стихов Савелия Горюнова. Сам же Савелий вошёл в редколлегия. Горюнов много сочинял: «Я утром сажусь за стол и, пока не напишу новое стихотворение, не встаю». «Стихи, как пирожки, штампует», – говорили за дубовым столом, да и за маленьким тоже, когда обидчивого Горюнова не было рядом. «Ничего-ничего, – обычно отвечал в защиту приятеля Костя, – пена сойдёт, суть останется». И помогал Савелию составлять первую книжку стихов.

– А ты, Лёха, когда писать начнёшь? – спросил он Корицина. – Сколько уже к нам ходишь, и ни строчки.

– Не Пушкин я, Костя.

– Тоже мне, нашёл авторитет – Пушкина. Я не Пушкин. И никто не Пушкин. И что теперь: заплакать? И никого, кроме Пушкина, не читать? Будь самим собой. Помнишь, ты рассказывал, как в детстве из нор вокруг вашего посёлка суслики вылезали чёрные, как шахтёры? Как ты во сне от бабы-яги прятался? Вот об этом и расскажи для начала. Прозой. О детстве. Если не боишься, конечно, – добавил Костя, чтобы вернее зацепить друга за живое.

Прошла зима, жаркое июньское солнце заливало писательское помещение в дубовых панелях, Костя Кольцов радовался: «Теперь у нас настоящий журнал. Все бы так помогали, как Савелий!». А Горюнов издал первую книжку стихов, в которой Костя был и редактором, и составителем. Савелий с такой же скоростью – одно стихотворение в день – двигался ко второй, и Корицин спросил Костю:

– Как думаешь, будет он к вам вступать?

– Скорее будет, чем нет, – ответил Кольцов.

– Примете?

– Человек он нужный. Видел, какую работу провернул? И проворачивает. Такими людьми бросаться грех. Да, кстати, – резко сменил Костя тему разговора и протянул другу тонкую, схваченную степлером пачечку листов, – прочитал я твой рассказ о детстве. Пометил те места, которые, на мой взгляд,

доработать надо. И над названием подумай. «Старая шахта» как название – ни о чём.

– За нужность примете или за стихи? – не удержавшись, вернул его Алексей к отброшенной Костей теме и тут же пожалел, получив в ответ тяжёлый, исподлобья взгляд друга. «Неужели я никогда не научусь язык на привязи держать? – думал он, глядя в спину уходящему Косте. – Оглянись, оглянись, оглянись...». Костя оглянулся:

– Эхскьюз, конечно, Лёха, но ты дурак.

Как-то Корятин увидел в городском интернете объявление о вечере поэзии в Доме учёных. Среди других участников значился там поэт Виктор Зарада. Любительнице хорошей поэзии Ире тоже показалось интересным глянуть на человека, чья книжка стихов имела в доме. Виктор вспомнил Корятина и его неуклюжие попытки сочинять стихи, их знакомство возобновилось и перешло со временем в приятельство.

– Да, мы были друзьями с Костей, – ответил Зарада, когда их отношения обрели доверительный характер, на аккуратный вопрос Корятина о причине вражды, – пока не подошли очередные перевыборы у нас в писательской. К тому времени некоторые наши уже конфликтовали с Костей и приходили туда только на собрания. Для выборов ему нужна была альтернатива, как я потом понял, и он предложил мне выставить свою кандидатуру тоже. Чтобы не было разговоров о выборах без выбора. А я всерьёз его предложение принял. Приготовил программу, выступил, на вопросы ответил. А ведь я мог потянуть эту работу! – с грустной улыбкой промолвил Виктор. – По крайней мере, тогда я так думал.

– И как всё прошло, Витя?

– Плохо. Костя, я думаю, настраивался на почти единогласную, триумфальную победу. А победил с перевесом в два голоса. Я его поздравил, а он мне говорит наедине уже: ты сюда дорогу забудь, нечего тебе здесь делать.

– Надо же, я ведь его совсем не таким помнил, – растерянно сказал Корятин.

– Все мы не такими раньше были, Лёша. Ладно. Я это я, – вздохнул Виктор, – а Люда моя тогда в писательской бухгалтером работала. Он и её после этого попреками да придирками уйти вынудил. Всё бы я понял, но этого не смог. И наговорил ему. Сам понимаешь, что говорят в таких случаях. Опомился я, да поздно. А его уже несло. Говорил он тебе, что на «психе» побывал?

– Говорил, – вспомнил Корятин грустное признание Кости в их первую, ещё когда Корятины гостили у Анечки в Хвойном, встречу: «Я ведь, Лёха, на «психе» лечился...».

– Я себя в этом винил, Лёша...

Костя Кольцов отмечал день рождения, и по этому поводу в большой комнате писательской организации накрыт был длинный стол, но Корятина за этим столом не было. У него случился очередной аврал, в город он вернулся ближе к полуночи, и тёмные окна писательской укоризненно глянули на него. Алексей всё же позвонил Косте.

– Нормально прошло, – отозвался грустный голос друга.

– Что-то радости не слышу, раз нормально, Костик.

– А чему радоваться, Лёха, скажи?

– Судьбе твоей сложившейся. Два десятка книг, альманах, а теперь уже и журнал. Студия. Куча народа учителем и наставником считает. Москва признаёт, за границей публикуешься, в Париж вон съездил. Если не это сложившаяся судьба, тогда что?

– Что ты в моей судьбе понимать можешь, Лёха? Студия, журнал, публикации, Москва... Разве я об этом мечтал? Это называется известностью. Как мы говорили в студенческие годы, широкой известностью в узких кругах. Хочешь услышать стихи, которые я почти никому не читал и никогда не опубликую?

– Да, – сказал Коротин и внутренне напрягся.

– Ну так слушай. – Усталый, хрипловатый голос будто через силу начал выталкивать слова: – Весёлым, оглохшим от счастья паяцем кричал я, что славы не стану бояться. Что я из того же – особого! – сплава. Да только меня не услышала слава. – Глубокий, тяжёлый то ли вдох, то ли вздох явственно прозвучал в трубке, а за ним: – С тех пор постарел я и сгорбился грустно. Зато повторяю в печати и устно, что мне наплевать, с кем шатается слава, базарная девка, дешёвка, шалава. Слава... – Две секунды тишины, и усталое: – Ну, как тебе такой Костя Кольцов, которого в глаза дорогим Константином Иннокентьевичем, учителем и наставником, величают?

– Честно – не ожидал такое услышать от тебя.

– Однако услышал. И забудь.

Противно защёлкали гудки отбоя, Коротин выпил на полутёмной кухне кружку чая и осторожно, стараясь не разбудить Иру, лёг. Иру он всё же разбудил, и она пробормотала спросонья: «Ну как, управился? Спи давай». «Да, хорошо было бы прямо сейчас уснуть, – думал он, осторожно ворочаясь со спины на бок и обратно, – хорошо бы». Но уснуть не получалось: «Витя Зарада сказал недавно, что книжки его – двери в создаваемый им мир. И в этом мире он прячется от Мира-За-Окнами, так примерно Витя выразился. И в нём легче и понятнее. Вот и Костя прячется от жизни, от славы своей несостоявшейся в писательство, в журнал, в студию. А я куда прячусь, когда туго приходится? – И ответил себе, нисколько не кривя душой: – В Иру мою. В дочерей. Во внушек подрастающих. Все мы алкаши, только каждый на свой лад. А в работу вряд ли. Работа – просто работа, и всё. Чем это моё убежище хуже их писательства? Нет, не «хуже». Нельзя о таком говорить и даже думать: «лучше» оно или «хуже». Чем отличается, вот так. Только тем, что меньше следов на земле оставляет». Кое-как он всё-таки уснул. В половине шестого пропел будильник, и через час Алексей вышел на пустую по раннему времени улицу. Третий от дома фонарь уже несколько ночей работал в мигающем режиме, будто безответно слал кому-то сигналы бедствия. В тридцатиградусный мороз снег под ногами не скрипел, а визжал, и пальцы в сапогах ещё на подходе к остановке заныли от холода. Но в это время суток все городские маршруты, только-только разбежавшиеся из расположенного чуть выше по проспекту троллейбусного парка, были попутными, и первый из них распахнул перед Алексеем двери. У драмтеатра в центре города он пересел на фабричный автобус, и вскоре Коротин привычно обнял Сибирский тракт.

Глава 5. Колесо обозрения

Подошёл день рождения Корытина, и на летучем корпоративе в обеденный перерыв прозвучало:

– Алексей Петрович, оставайтесь таким, какой вы есть!

Хорошее пожелание, решил Корытин. Приятное. Подразумевающее наличие в человеке, к которому обращено, духовного совершенства, при коем любое изменение пойдёт только во вред. Идеального совершенства. Недостижимого даже теоретически, ибо тогда нужно стать бессмертным. И вот тут из-за спины первого взгляда на это пожелание Корытину ехидно подмигнул второй. Просолившуюся капусту убирают на холод, сказал ему этот хитрый второй взгляд, чтобы не потеряла ни вкуса, ни хруста и осталась такой, как есть, когда её захочется съесть. Так же поступают с пельменями, голубцами и прочим. Холод – лучший консервант. «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!», но именно после этих слов Мефистофель становился хозяином души доктора Фауста. «Остынь, душа, и залюбуйся собой» – вот что вылезло вдруг, как вата из протёртой подкладки очень старого пальто, из этой порядком поношенной на корпоративах и юбилеях, но как бы приятной на первый взгляд фразы.

А потому не дай мне, Господи, думал ошарашенный открытием Корытин, остаться завтра тем же, что и сегодня. У меня есть кого любить кроме самого себя. И есть ради кого загонять в самый дальний и тёмный угол души засевшего в ней типа, считающего, что мир должен вертеться вокруг него. Может быть, я даже успею истребить его там. А потому дай мне изменяться каждый день. Моя «капуста» ещё не просолилась, не спеши убирать её на холод, Господи.

– Петрович, выйди, – сказал, зайдя с холода, Володя Изюмов, – там тебя Пастух требует.

Заместитель директора фабрики Пастухов никогда не входил в помещения их участка. Сначала не желая нюхать вонь, а потом – чтобы не нарваться на неприятные вопросы рабочих о нормах, расценках и прочем, на которые, конечно же, знал ответы, но озвучивать их опасался. Раньше был он директором обанкротившегося предприятия в центре города. Банкротство это изрядно напугало его, на фабрику взял Пастухова нынешний директор по старому, ещё институтскому знакомству, и с тех пор Пастухов опасался любой ответственности. Он не интересовался техникой, не вникал в технологии, ему хватало распоряжений сбить сосульки с карнизов, засыпать выбоину в асфальте или убрать мусор вокруг здания. Вот и сейчас сказал заместитель директора вышедшему на улицу Корытину:

– Алексей Петрович, почему у вас подходы к лестнице на крышу от снега не очищены?

– Сейчас очистим, – успокоил его Корытин, и Пастухов отправился дальше. Нет, на других участках цеха он, конечно же, бывал, но решения там готовил Кандыба, а Пастухов только согласовывал их у директора. Цеховые люди толковали, что директор дожидается выхода Пастухова на пенсию, чтобы поставить на его место Кандыбу. Тот не подтверждал, но и не опровергал эти толки и активно готовил Мурашова на своё место.

Корытину начала сниться молодость: метель летит по угольным уступам, над метелью проступают знакомые очертания изящных тяжёлых машин, наплывает унылое «бой-ся, бой-ся, бой-ся» кóлокола на оси надвигающегося из тьмы вагона, беззвучно разбивает смесь белых шариков селитры и жёлтых чешуек тротила казавшийся незыблемым монолит угольного пласта. Он просыпался и думал: неужели у меня больше не будет этого? И грустно отвечал себе: никогда. А иногда снилось, что едет в рабочей электричке среди разного знакомого и незнакомого люда. Справа, не прерываясь ни на метр, почти отвесная стена отвала. Слева отвесный обрыв карьера. А впереди – там, во сне, он точно знал это – только невидимая пока линия горизонта, из-за которого ещё никто никогда не вернулся. И он спокойно, будто не о себе, а о постороннем, просто похожем на него, Алексея Корытина, человеку пытался понять во сне, что ждёт его за этой линией – новая жизнь или только мрак и пустота.

Корытин вышел на пенсию в пятьдесят пять лет по второму списку, и с удовольствием прибавлял пенсионные выплаты к заработанному на фабрике. Летом Алексей Петрович оставил за себя на участке Изюмова, и они с Ириной поехали туристическими дорогами Европы. Автобус шёл из Бреста на Берлин автобаном «Восток – Запад» с остановкой в Варшаве. Раньше Корытин видел этот город только в кино. Не раз Варшава вставала перед Лёшкой с книжных страниц детства, но воочию – впервые. С чем сравнить, думал он, этот город на границе двух миров? Лишь одно зыбкое и странное сравнение пришло ему на ум. В детстве, когда прочёл он гоголевского «Тараса Бульбу», врезались в память строки о прекрасной и гордой полячке, дочери ковенского воеводы, безоглядной в любви и стойкой в беде. Той самой, любовь к которой сломала казака Андрия Бульбу, проведя его через муки и предательство рода своего к смерти. Это и есть Варшава, подумал Корытин.

Когда автобус выходил из города, за обочиной автобана Алексей увидел чистенький двухэтажный особняк в глубине такого же чистенького двора, огороженного аккуратным забором. Во двор с улицы вели высокие, украшенные аркой ворота. А на арке стояли макеты двух ракет. Одна из них смотрела на восток, другая на запад. Фюзеляж у той, что нацеливалась на запад, украшала надпись «BERLIN». У той, что высматривала добычу на востоке – «MOSKWA». Наверное, хозяин этого дома сын или внук солдата Армии Крайовой, решил Корытин. Или просто солдата Второй Мировой войны. Офицера, расстрелянного в Катынском лесу. Профессора ботаники, евшего траву в Освенциме. Ему есть что любить и есть что ненавидеть. И он предпочёл именно такой способ выразить свои чувства.

Пропали за горизонтом городские окраины. Летел под колёса асфальт автобана, соединяющего Восток и Запад, унося Корытиных всё дальше от нацеленных одна на восток, а другая на запад ракет. Вернувшись домой, он рассказал об этом случае Косте Кольцову. «Да брось ты усложнять, – сказал Костя, – а если это просто прикол хозяина?» Ладно, подумал Алексей, если прикол, то ладно. В каждой шутке есть доля шутки.

И действительно, через полгода Пастухов ушёл в отдел контроля документации, заместителем директора стал Кандыба, а его место занял Мурашов.

– Ну всё, – сказал Изюмову располневший, недавно снова наказанный Корытиным за лень и наглость Вася, – теперь Анатолий Андреевич нашего начальничка махом вышибет отсюда. У них с самого начала контра пошла, да Кандыба не давал. А теперь он сам начальник, вышибет, вот увидишь.

– Зря ногами сучишь, Васёк, – остудил Васю Изюмов. – Из-за чего у них контра шла? Ты не знаешь, а я знаю. Он думал, что Петрович его подсидит и сам к нашему Кандыбе в замы набьётся. А теперь Мураш и сам – Кандыба. И ему порядок нужен. А кто порядок у нас держит, не скажешь? – ухмыльнулся он Васе. – Забыл, что было, пока мы с Петровичем сюда не пришли? А Мурашов не забыл. А забудет, Кандыба припомнит.

Рассказ Корытина о детстве должен был вот-вот появиться в очередном номере «Сибирского слова». Он с некоторым трепетом ждал этой публикации, предвкушая её появление, но осуществление мечты оказалось настолько бледнее предвкушения, что Алексей сразу вспомнил строчку из Зарады «убей мечту осуществленьем!». Пять минут сначала острой, но постепенно песком сквозь пальцы убежавшей радости от журнального разворота с его фамилией наверху, и всё. А дальше? Щепотка задержавшегося на ладони песка, первая публикация. А Савелий Горюнов издал вторую книжку стихов. Он ладил и с друзьями Кости, и с теми, кого Кольцов считал недругами. Со всеми был одинаково ровным и умел для каждого найти слова. Прошло очередное собрание, и его, хотя не триумфально, но приняли в писательский союз. Москва утвердила это решение, когда Савелий презентовал уже третий сборник. «Все бы так работали над собой!» – гордился его успехами Кольцов и публиковал Савелия едва не в каждом номере.

Наступило новое лето. Корытины опять отправились путешествовать по Европе. Они открывали для себя имперскую Вену, беломраморные тротуары Вероны и склонённые с севера на юг деревья Лангедока. Пили амбуазское вино, делали пересадку на станции парижского метро с названием Сталинград и бродили по щиколотку в ещё холодноватой воде Ла-Манша пляжами Довиля. Над проливом летали чайки, вдали громоздились портовые краны и нефтеналивные терминалы Гавра, а там, где море сливалось с небом, поднималась дымка над берегами не видимой отсюда простым глазом Англии. И его Ира, счастливая и красивая, внимательно вглядывалась в эту дымку. Они возвратились из Довиля в Париж, и на восхищённые отзывы о Париже женщина из их туристической группы заметила: «А в Петербурге вы бывали? Побывайте. Особенно в Петергофе. Тогда и на Париж спокойнее смотреть будете».

В Таинск Корытины вернулись на следующий день после отчётно-перевыборного собрания писателей. Собрания, на котором с перевесом всего в два голоса победил Костю Кольцова Савелий Горюнов. Сава, как называл его раньше Костя, Савушка.

– Подсчитали голоса, – рассказал Корытину Зарада, – и Костя даже почернел. Перед голосованием, когда Савелий себя выдвинул, я решил было, что

Костя с ним играет, как со мной тогда. Но понял, что ошибся. Савелий сам к этому шёл. Программу дельную предложил, на вопросы отвечал грамотно и спокойно.

– А Костя?

– Костя нервничать начал. Понял, наверное, что дело плохо. А как подсчитали, обхватил ладонями башку свою седую, закрыл глаза и минут пять сидел так, немой, слепой, окаменелый. А вокруг тишина, словно все тоже онемели. Савелий замер, руки на колени положил, и пальцы дрожат, сам видел. Потом Костя встал, не видящими никого глазами обвёл комнату, прорычал: «Журнал я вам всё равно не отдам!». И ушёл. Наши расходятся, разговаривают вполголоса, как на поминках, а Савелий, мне сказали, последним ушёл. Один. Так что новая эра у нас начинается. Тем более, на мой нынешний взгляд, руководитель должен быть больше администратором, чем творцом, а у Савелия это есть.

Несколько дней Корытин безуспешно пробовал застать не отвечавшего на звонки Костю в писательской. Но там Савелий в кругу единомышленников всю обсудил новый литературный журнал с уже готовым названием «Новый век». И тогда Алексей поехал домой к Кольцову. Костя открыл, угрюмый и ошетенный:

– А, Лёха. Утешить пришёл? Если за этим, то нужды в утешителях не имею. Специально на телефоне звонок отключил, чтоб не лезли.

– А если просто с тобой побыть?

– Тогда заходи, – посторонился он и плотно закрыл за гостем дверь.

– А я неделя как из Парижа, – сказал Алексей, не зная, с чего начать, чтобы не коснуться больной для хозяина темы.

– Вот как, – поднял тот чёрную цыганскую бровь, – и что ты там успел увидеть?

Они заговорили о Париже, лицо Кости немного посветлело, но в глубине глаз всё равно читалось настороженное «когда жалеть начнёшь?». Запас парижских впечатлений закончился, Костя понял это и спросил:

– Наверное, хочешь узнать, выйдет ли номер «Слова», куда я твои рассказы взял. Не переживай. Выйдет. – На кухне, где они сидели, пахло пролитой водкой, Корытин молчал, и Костя сказал, почти прикрикнул: – Ну! Жалей! Клянись в дружбе. Вас таких тут уже перебивало, не стесняйся!

– Не буду, – ответил Корытин. – Мне Ларису твою жалко, что она тебя такого видит.

– Тогда себя пожалей. Жалеешь ведь, что поздно ко мне присосался? Что не успел на моей шее в писатели въехать, жалеешь?! Жалеешь!! – И сорвался: – Всё у меня загребли, всё заграбастали, всё!

– Дурак ты, Костя, – встал Корытин, сгрёб со стола свои сигареты и ушёл.

Его отпуск закончился, на следующий день он вышел на работу и у писателей больше не появлялся. От приятелей по студии Кольцова узнал Алексей, что Костя возобновил занятия, но не в украшенной дубовыми панелями комнате, а у себя дома. Царило жаркое лето, все двери на участке Корытина круглые сутки стояли распахнутыми настежь, потолочные вентиляторы едва успевали выхватывать пар из горячих ноздрей котлов, и, наплевав на технику безопасности, голые по пояс операторы, перехватив лбы повязками, чтобы

пот не выедал глаза, крутились, как черти в аду. Жара спала только к середине августа. Зарядили мелкие дожди, красные гроздья рябин во дворе дома горели на мокрой зелени, как фейерверки в честь подступающей осени. Начинался листопад. Вечером пятницы в квартире Корытиных запел телефон. «Хоть бы не с работы», – подумал Алексей, поднимая трубку.

– Привет, Лёха, – как ни в чём не бывало, сказал с другого конца провода Костя. – Что-то перестал ты на студию ходить. Заболел, что ли? Ну ладно. А вот завтра у меня в библиотеке на Льва Толстого – от тебя туда трамвай ходит – творческая встреча. Стихи новые читать буду. Приходи. Придёшь?

– Приду, Костя, приду, – ответил Корытин и положил трубку: «Отошёл он от шока. Вот и хорошо».

Корытин вошёл в библиотеку, когда встреча уже началась, пробежал глазами небольшой зал. Женщины разного возраста, видимо, постоянные посетительницы библиотеки. Знакомые студийцы и незнакомые, студенческого возраста юноши и девушки. И среди седых и рыжих, тёмных и беленьких голов Алексей заметил волнистые, чуть тронутые сединой кудри Виктора Зарады. Витя сидел в первом ряду, прямо напротив Кости, и того, кажется, это ничуть не смущало. Кольцов увидел вошедшего Алексея и громко произнёс:

– А это пришёл мой друг Алексей Корытин. И сейчас я прочитаю посвящённое ему стихотворение.

Встреча закончилась, люди вышли из зала на широкое библиотечное крыльцо и спустились к трамвайной остановке. Подходили трамваи, гости начали разъезжаться, Корытин пропустил свой трамвай, чтобы поговорить с Костей, но к нему трудно было подступить из-за студийцев. Виктор стоял рядом с Костей. Они разговаривали так, словно всегда были закадычными друзьями. Снова подошёл корытинский трамвай, и он, помахав всем, уехал: «Позвоню Косте вечером, сейчас ему явно не до меня». А когда позвонил и поблагодарил за посвящённые себе стихи, услышал в ответ: «А ты пиши, Лёха. Пиши. У тебя получится. Ты слово чувствуешь, и слог у тебя лёгкий». «Обязательно пойду на следующую студию», – решил Корытин.

Прошла неделя. По утрам дворники сгребали кленовые, берёзовые и тополиные листья, набивали этими листьями большие мусорные баки. Вечером, когда Корытин возвратился с работы домой, Ира сочувственно сказала, едва переступил он порог:

– Лёша, тебе Витя Зарада звонил. Сегодня друг твой Костя из жизни ушёл. Сам.

Прежде чем шагнуть с крыши своей девятиэтажки в пасть двора, Костя оставил на рабочем столе листок с коротким стихотворением. Ксерокопии с этого листка мгновенно разлетелись по городу. Одна такая лежала на столе Корытина:

*А листья жухлые сожгут,
И бледный дым совьётся в жгут,
И души листьев побегут
По бледному жгуту,
Как по натянутой струне,*

*Пересекая в вышине
Теперь заметную и мне
Прощальную черту.*

*В глаза хвала, в затылок свист.
Пожухлый лист, продрогший лист,
По-вашему, я в дырке глист,
Экскьюз за прямоту.
А мне не нужно ни черта,
Была бы только высота
Открыта с чистого листа
Последнему листу.*

Савелий Горюнов не был на прощании. Он приехал уже на кладбище, чтобы положить на могилу заботливо запаянный в полиэтилен экземпляр последнего номера «Сибирского слова», того самого, где были и рассказы Корытина. «Только-только из типографии», – то ли объяснился, то ли оправдался Савелий неизвестно перед кем и тут же уехал. И на поминки в кафе заехал он на десять минут и отбыл, извинившись: «Надо денежные дела Кости в порядок привести, Лариса просила». Горюнов взял на себя все заботы, и времени у него, наверное, действительно не было.

– Если бы Костя согласился, как ему советовали, как Лариса настаивала, снова на «психе» пролечиться, – тихо говорил Корытину Зарада в кафе, – ничего этого, наверное, не было бы.

– Думаешь, считал себя здоровым?

– Вряд ли. Просто после того лечения, о котором ты знаешь, он полтора года ни строчки не мог написать. Совсем ни одной путной строчки, так круто его тогда вылечили. Возвращались мы из библиотеки домой, и он говорит: «Ты себе не представляешь, чем для меня стали эти полтора года...».

– Он извинился перед тобой за старое, Витя?

– Разве это главное, Лёша?

– Значит, не извинился. Или попробовал извиниться перед всеми сразу этой встречей в библиотеке. Прощальной.

Вскоре после похорон Лариса Кольцова продала бренд «Сибирское слово» известному в городе предпринимателю, занимавшемуся в числе прочего и издательским бизнесом, а он за это издал посмертную книгу стихов Кости, которую тот готовил к своему уходу и закончил стихотворением «Листья». Такой была его последняя воля. И под именем «Сибирское слово» начал выходить невыразительный, быстро потерявшийся в бумажном потоке журнал, наполовину заполненный коммерческой рекламой.

Сибирский тракт качал и качал Корытина в корявых, но не грубых своих ладонях. Годы не шли уже, а летели. Володя Изюмов выдержал все семь лет кодировки от пьянства. За это время он и дочь свою привёл на фабрику. Иногда Изюмов рассказывал и пересказывал историю, как ещё в перестроечные годы сюда устраивалась его жена Нина Гавриловна:

– Приходит она на приём к директору тогдашнему Зубову, земля ему пухом, хороший был мужик. Он спрашивает, кем вам Владимир Андреевич Изюмов? Она говорит: муж. А он меня как раз перед тем за пьянку выгнал. И он говорит: нету у нас для вас подходящей работы. И она пошла. А за ней следом заходит к Зубову инструктор обкома партии и говорит: что это вы с Ниной Гавриловной обсуждали? А директор: ты её знаешь? А тот: кто ж её не знает, она же член бюро обкома, на бюро по правую руку от первого сидит. И директор секретутке своей: быстро беги за женщиной, которая щас от меня вышла, и ко мне. И принял Нину, да ещё извинился.

Изюмов весь свой заработок отдавал дочери, оставляя себе только на сигареты, и вытащил её из долговой кабалы. Едва истёк последний день семилетнего воздержания, Володя начал пить, и ему пришлось уволиться «по собственному».

Корытины катали приехавшую в гости внучку, дочь Оленьки, маленькую Иришку, на колесе обозрения. Они купили билеты, подождали в небольшой очереди, уселись. Кабинка начала подъём. Сначала из неё видны были только соседние аттракционы и очередь людей к колесу. Кабинка поднялась выше, и теперь поверх деревьев, окружающих городской сад, видны стали трамвайные пути, лежащая за ними площадь, проспект за площадью и университетские здания за проспектом. Колесо продолжало движение, открылись вдали Воскресенская гора и собор на ней, драмтеатр, громада «Белого дома» областной администрации и река Тая за театром и «Белым домом». Поднялись по уступам городских холмов старые и новые микрорайоны, заблестели купола и шпили, изумрудно засверкала под солнцем зелень садов и скверов. Город раскрыл такую даль и глубину, о которой люди в кабинке даже не подозревали. Кабинка достигла верхней точки колеса, и тут распахнулись заречные дали и уходящие в горизонт леса. И внучка даже задохнулась от восторга. А колесо вращалось, потерялся куда-то горизонт, спрятались за городские кварталы окрестные леса, съёжились сначала дальние микрорайоны, а потом и ближние, спрятались река, драмтеатр и «Белый дом». Прощальный взгляд на университеты, площадь и проспект – и вот уже только купы деревьев, ближние аттракционы и небольшая очередь людей к колесу. Молодая пара, по виду студенты. Бабушка со внучкой. Мама с мальчиками-близнецами. Совсем молодая женщина, ещё только собирающаяся стать мамой. Наверное, она хочет, чтобы её будущий малыш уже сейчас почувствовал красоту и необъятность мира, в который предстоит ему прийти.

Внучка преданно смотрит в глаза: «Ещё хочу, а давайте ещё...». Конечно, маленькая. Достаточно только купить билет, и снова перед нами распахнётся мир.

На столе Корытина лежит свежий номер «Нового века» с очередным его рассказом. Главный редактор «Века» и руководитель писательской организации Савелий Горюнов уже говорил ему почти теми же словами, что Костя на прощание: «У тебя получается, Алексей. И слова тебя слушаются, и рассказать есть что. Готовь книжку, а найти деньги я помогу. И будем принимать».

Корытины съездили в Петербург и согласились со сказанным для них однажды: «тогда и на Париж спокойнее смотреть будете». «Вот откуда, – говорил Алексей жене, – дед мой Семён Алексеевич, деда Сеня, в тмутаракани сибирские уехал и семью увёз. Думал, что на время, а получилось – навсегда». Дважды в разных местах этого города – города, где он оказался впервые – всего на мгновение охватывало Алексея странное и сильное чувство, будто Корытин уже бывал здесь раньше, именуемое учёными «дежавю» или «уже виденным». В детстве он несколько раз испытывал такое же чувство, но только лет до семи. Взрослый Алексей особо не ломал голову над причиной детских ощущений, однако теперь он размышлял: «В детство впадаю? Или память деда через маму ко мне перейти сумела да и просыпалась в Петербурге?». Эта загадка волнует его, и Алексей мысленно всматривается в таинственный город на краю России, на берегу Финского залива, здесь и сейчас отделённый от него только линией горизонта.

2021 год

Геннадий СКАРЛЫГИН

ДУША МОЯ ЗАМКНУЛАСЬ ОТ ПЕЧАЛИ

Стихи ушедшего года

* * *

Человек уходит через площадь,
Через поле с дымкою ночной.
Человек уходит. Что же проще,
Когда хочется судьбы иной.

Когда он устал от этой жизни,
Он находит новые места.
Он не слышит наши укоризны,
Он от слов придуманных устал...

* * *

Такая звенящая тишина.
Такая сверкающая глубина.
Ночью припорошило.
А утром морозцем сшило.

А следом приходит восток
С солнцем неопалимым.
Сядет скворец на шесток
С таким щебетаньем милым.

И вижу – кругом страна,
С размахом таким весёлым.
Кому она отдана?
Моим городам и сёлам.

Кажется это так.
И в этом вся мудрость жизни.
Так думает Ваня – простак.
Он оптимист по жизни.

* * *

Человек с руками,
Человек с головой.
Живёт рядом с нами.
Счастливый такой.

Ему всё «до фени»,
Он утром встаёт,
Берёт в руки веник
Да мусор метёт.

* * *

Среди стихий вселенских,
Пожаров, наводнений
Ты хочешь вальсов венских
И радужных видений.

Но этот мир ванильный
К иным приводит знакам.
Как жить с душой чернильной,
Расскажет тебе знахарь.

* * *

Вечер. Огонёк вдалеке.
Как здесь печально и грустно.
Листья плывут по реке.
Здравствуй, мой мир, искусный.

Здравствуй, былая даль.
Где ты, ушедшая удаль.
Мне не шагать, как встарь,
Не уходить мне в люди.

Не шагать с рюкзаком
На Хамсаре угрюмой.
Был я когда-то знаком
С миром большим и юным.

Он прорастал в меня,
Был я его поклонник.
Я города менял.
Садился на подоконник,

Смотрел, как устроен мир.
Был интерес и воля.
Мне говорили: сир,
Тебе всё наскучит вскоре.

НА СМЕРТЬ ДРУГА

Воздуха маловато...
Фонарь за окном мигал.
Жгла большая утрата...
Дождь по окну стегал.

Всегда есть какая-то тайна
В этой сумятице слов.
Сложилась жизнь капитально.
Жил. Да и был таков.

Скажут о нём достойно.
Разорванный свяжут круг.
Не был он в Африке знойной.
Об этом жалел мой друг.

Да, он жалел о многом.
И этой ненастной порой
Я вспомнил об этом у гроба,
Отметая словесный рой.

* * *

Я хотел быть счастливым.
Знал, сподобит Господь.
Песни пели мне ивы,
Ветер звал на восток.

Но меня всё носило
По огромной стране.
Жить хотелось красиво
На несущей волне.

А куда понесёт –
Ведь не в этом же суть.
Цель движенья – не в счёт.
Лишь бы дальше махнуть.

За поля, за моря...
Русским сказкам поверь?!
Но родная земля
Мне оставила дверь.

Вот в неё и вошёл.
И остался навек –
Где трава, словно шёлк,
Где родной человек.

* * *

Душа моя замкнулась от печали,
Лишь только день раздвинулся вдали.
А осень нынче (вы не замечали?)
Горит вокруг, как ночью фонари.

Облиты жёлтым цветом все околки.
Бродячий дух витает над рекой.
Худого лета бранные осколки
Ещё тревожат и зовут домой.

ПАМЯТИ МАРИИ ХАЛФИНОЙ

Сквозь чистилище строк
Не пройти налегке.
От ворот – поворот,
А потом – по реке.

А потом – бездорожье.
Боль и горе. Судьба.
С нашей жизнью всё схоже.
Остановит прохожий,
Скажет – это сюда.

И внезапная радость –
Вдруг нахлынет волна...
Нам нужна только малость –
Тепла и добра.

* * *

Я пожимаю твою руку,
Она мне видится сквозь время.
Я пережил с тобой разлуку,
Мой ангел, мой забытый всеми.

А сказочные всплески, сполохи
Сопровождают нас от века.
От нас уходят те, кто дороги.
И давит бремя человека.

Нас давит воздух расстояний
И дым далёких побережий.
Я становлюсь немного пьяный.
Я становлюсь немного нежный.

* * *

Опустело моё подворье
Перед снегом, перед зимой.
Всё изменится вскоре.
Не меняемся мы с тобой.

Неизменны дела и разлуки.
По наезженной колее
Без причуд, без усилий, без муки
Мы шагаем навстречу зиме.

А меняться пора. Уже вскоре
Побелеет совсем голова.
Наше время, как дымка над морем,
Уплывает. Ветшают слова.

* * *

Ходить по родной земле –
Дано нам такое счастье!
Дышать и пить на заре
Воздух пьянящего ненастья.

Вот и надо бы успокоиться
С такой наградой, и с такой судьбой.
А мы всё мечемся – колотимся
И ставим опыт над собой.

* * *

Я не люблю тяжёлых окончаний
Хороших книг, хороших повестей.
И призову холодное молчание,
Чтобы не знать тяжёлых новостей.

Мне хочется счастливые сюжеты
Перебирать, как листья в сентябре.
И получать важнейшие ответы:
Как я живу, как отношусь к тебе.

И почему, прожив так много лет,
Я без тебя не мыслю свою жизнь.
Я не искал на это свой ответ,
Когда мне говорили – «оглянись».

* * *

Истина не всем даётся сразу.
Когда ударит по затылку жисьь,
Так и поймёшь, и станет ясно глазу –
А что во мне не так. Остановись

И посмотри. Играют солнца блики.
Летит дымок морозный над прудом.
Несутся птиц восторженные крики.
И станешь думать только об одном.

Вокруг земля родная. Это счастье,
Что здесь живём среди своих людей.
Какое бы не встретилось ненастье,
Всё пересилим и вернёмся к ней.

Здесь мы на месте, как в былые годы.
Хоть время потрепало всё подряд.
Не оскудели наши огороды,
За ними постоянный был пригляд.

* * *

Эти золотые времена.
Бабушкины светлые просторы.
И родные наши имена.
Прелесть бесконечных разговоров.

О капусте, луке и картошке.
О готовке погребка к зиме.
О дровах, и о судьбе немножко.
Земляники полное лукошко
До сих пор мне видится во сне.

А ещё мне видится застолье,
Шанежки, блины и пирожки,
Солнце незакатное простое,
И по жизни первые шажки.

* * *

А нам всё кажется, счастье близко,
Его отсвет мелькнёт в окне.
То, что мы живы и жили с риском,
В этом удача. И как во сне

Всё проходит. Порой вприпрыжку
Бежим за призрачною мечтой.
А нужно, наконец, понять умишком,
Что лучше просто смотреть за луной,

За звёздами, за белым снегом,
За пеленой дождя в сосновом лесу.
Не надо стремиться туда, где не был.
Надо любить свою красу.

* * *

Всё будет хорошо,
Или никак не будет.
Рассыпан порошок
Наших с тобою буден.

Рассыпаны дела,
Счастливые приметы.
Зима. Метель мела.
Но повесть – не об этом.

Как многое таят
Глаза ночных кочевий.
Я соберу ребят
К себе на чай вечерний.

И этот разговор
Остудит зимний холод.
И темнота, как вор,
Заглянет мне за ворот.

ПАНДЕМИЯ

Живём с обыденностью смерти.
Становятся привычными потери.
Нас время мучает и вертит.
Но мы живы, по крайней мере.

И это – к многому обязывает.
К большим поступкам, к малым радостям.
И это нас с тобою связывает
Какой-то нитью в самой малости.

Но разорвать нас не получится,
Ни злomu миру, ни судьбе.
Есть где-то женщина – разлучница.
Но – не соперница тебе.

* * *

У меня свои есть предпочтения –
Что любить, что ненавидеть. Что же,
Мне теперь идти к тебе в учение,
Милый и издёрганный прохожий.

Ты мне всю дорогу толковал,
Что вокруг всё делают не в масть.
Что тебе там кто-то ворковал,
Что у нас плохая нынче власть.

Я, наверно, с чем-то соглашусь.
Хочется порядка больше миру.
Но зачем ты дёргал свою лиру,
Извлекая из неё лишь только скрип?

Скрип – не та мелодия для жизни,
Что тебя в дороге вдохновит.
На просторах дорогой отчизны
Это искажает общий вид.

Метель проходит – снега горы!
И – оттепель!..

И вдруг – мороз!..
И всё меняется так скоро –
Любой не сбудется прогноз.

Дни начинаются не песней,
И тяжек карантина плен,
Но,
как ни странно,
интересней
Нам жить в эпоху перемен.

* * *

Что меня держит на этой земле?
Вот уж не скажешь,
что деньги иль слава,
К власти привычка,
детишек орава,
Долг в отношенье к стране и семье.
Что ж меня держит на этой земле?

Скажете: свыкся с уютным теплом,
Что-то добавили гены отцовы.
Нет, не они – моей жизни основы.
Отче иной
дал на жизнь мне диплом.

Я бы сказал, что и сам не пойму –
Как так случилось, и что получилось,
Чем заслужил Провидения милость –
Столько прожить,
как в счастливом дыму.

Знаю, что вы не поверите мне:
Держит банальное чувство к жене,
Чистое,
словно вода из колодца,
То, что любовью издревле зовётся.

...А в мастерской внезапно стало пусто.
Темно,
 лишь храм чуть теплится огнём.
Куда же ты исчез,
 солдат искусства?
Ушёл в собор
 и растворился в нём.

* * *

Хороший муж настоян на жене.
Хорошая жена – настой на муже.
Они всю жизнь друг друга пьют к тому же,
Не почитая истину в вине.

Толк в этом понимал великий Блок –
Его любовь к жене неоспорима.
Но стаяла она, как струйка дыма,
А вслед за ней поэта принял Бог.

Девичий стан... туманное окно...
И ночь темна... и заперта аптека...
Ушла Любовь – не помогло вино.
Ушла любовь – не стало человека.

* * *

С размерами и рифмами в ладу,
Стихами я как будто пересыщен:
Где ни иду –
 рифмую на ходу
И получаю
 пару строк из тыщи.

Недаром Маяковский говорил
Про труд поэта в руднике словесном:
По лесенкам спускаясь без перил,
Рубил стилем он стих в забое тесном.

Те рудники закрылись,
 ныне всяк,
Кто мнит себя «поэтом модерновым»,
Промчит по ноутбуку, как рысак,
И одарит Инет затёртым словом.

Да и читатель измельчал числом:
Все ринулись к вацапкам, эсэмэскам.

Случается, что песня не допета,
А хуже нет неконченной строки.

И не спешит он перейти границу
Иных миров,
и, не жалея сил,
Надиктовать кому-нибудь стремится
Всё, что при жизни недосочинил.

... А призраком я буду, судя строго,
Конечно, не один какой-то день,
Поскольку планов в жизни было много,
Но выполнять их не давала лень.

* * *

Про апокалипсис толкуем
Сегодня все,
кому не лень.

Не думая,
что привлекаем
Его внимание к Земле.

Что с каждым постом пустозвонным
В инете, в комментариях к нему
Сдвигаются комет орбиты,
Пусть на микрометр,
ближе к нам.

Наступит время «Х»,
и ахнем,
И ужаснёмся:
как же так?!
Ведь мы не жаждали разрухи
И голода, и нищеты!

И к Господу мы обратимся
Но что услышим мы в ответ?
О том, что мысль материальна,
Забыли – вот и результат?

А если мыслей вовсе нету
И только мусор в голове,
Тем хуже:
в мусор обратится
Всё, чем мы жили на Земле.

* * *

Когда сердце скрутило
Моё тело в спираль,
Смерть спокойно, рутинно
Подошла:

«Не пора ль?».

Разогнулся тогда я,
Отмахнулся кивком:
«Кто вы?

Я вас не знаю.

Вообще не знаком.

С перепугу какого
Я за вами пойду?
Доктора, право слово,
Одолеют беду».
Я лукавил:

её-то

Я, конечно, признал,
Но кому же охота
Поспешать на вокзал?

На котором мы с телом
Расставаться должны.
Я не всё ещё сделал
Для страны, для жены.

Для детей и для внучек,
С кем живу я, любя.
А в итоге –

что мучит –

Ничего для себя.

Снова сердце кольнуло:
Видно, плохи дела...

Смерть в глаза заглянула
И мимо прошла.

Елена КЛИМЕНКО

ПИШИ И ПРОЩАЙ

Из раннего

* * *

Рожденье – шаг часов с балкона
в сугроб, и ветер, и во тьму.
Там на холодном, законном,
как родилась, живу – в снегу.
И час – рубеж, через который
я вспоминаю тот озноб,
и к прошлому, пережитому
морозный прибавляю год.

АПРЕЛЬ-1

Я выбрала в братья Орфея
И больше уже не пою.
Вечерним трудом болею.
И жалость ночную пью.
Богам наш дом не опознан,
Камнем вмерзает в лёд.
Быть может, на небо звёзды
Река, поиграв, вернёт?
Жду у открытой двери
В мрак, тесноту и тишь.
Бессильный, за этой дверью
Над каменной флейтой спишь.

* * *

Крест-накрест заклеены письма,
Но ты не спасёшь меня.
Раскинув костёр из писем,
Я ввысь уйду из огня.
Крестом твоих поздних писем
Меня не остановить.

А что завещаю из выси?
Любить меня,
Только любить!

* * *

Опускается – всё ближе –
взгляд из-за угла –
сколько песенок нанижет
певчая стрела?
Сколько наберёт любовью –
вовсе не грехов –
и по ветру пустит сколько
сумрачных стихов.
Чутко вслушиваясь в вечер –
по любви и строй –
видно, я останусь
певчих вечною сестрой.

* * *

Есть женщины. Их тело точно крест.
И сами же они на нём распяты.
Они идут, и им не надоеет
всю жизнь идти, разыскивая брата.

* * *

Не матерью и не женой –
В любом строю любовью – средней –
Как тяжело мне быть сестрой.
Невыносимо – милосердной.

* * *

Прощай и пиши. Пиши и прощай.
И складки души своей изучай.
А я буду жить, как раньше жила.
Легко буду плыть по воле крыла.
Я буду летать, как лист на ветру,
И, может, ещё окажусь ко двору.
И я постучу в твою прочную дверь.
И я промолчу.
Но ты мне не верь.
Если не хочешь жить трудней.
НИКОГДА не открывай дверь.

ХУДОЖНИКУ

Размытый горизонт. Слепая полоса.
Вот до чего нам даже вместе не добраться.
Такую немоту не знают голоса.
И тяжелей родства не помнит братство.

* * *

Мне выпал город, как удавка.
Рассвета обморочный свет.
Одной строки на кухне правка.
Дыхания и воли нет.
Коротких, узких улиц пустошь.
Надежда, что поплакать впустят
И чаю чашечку нальют
И тихим словом не убьют.
Есть выход. И уход за смертью.
И нам спокойней оттого
Смотреть и ненавидеть сети,
В которых бьёмся: «Ничего.
Не суетись над зрячей лирой.
Не плачь – соседи за стеной.
Терпимей! Дверь иного мира
Худую чувствуя спиной».

* * *

В этом разрисованном вагоне
Ты мчишься куда-то.
Тебе тепло и душно.
Иногда продышишь окошечко на стекле
И увидишь блестящий город,
Который тебя не помнит.

* * *

Смыло пену с бокалов.
Это пьяный корабль
по оба борта.
Вены водорослей там.
Пьяным волнам укатывать спины дельфины,
где они черносливом на влажный язык.
Пьяный голос – солёный, прозрачный и длинный –
голос моря – не слово, не крик.

Там и горько, и мило,
и нет ни конца, ни венца,
ни креста, ни могилы.
Здесь свинцовые голуби свистят у лица –
Мимо!

* * *

Мгновенный декаданс. Совпавшие уста.
От мира истина ушедшая далёко.
Но белые цветы, очнувшись от поста,
Допили бабочки, взлетевшие до срока.
И, торжество любви оставив на потом,
Вы мучаетесь долго и жестоко
Впоследствии отторгнутым плодом
Полемики художника с холстом.

* * *

Ударит ветер в ставень.
Ты не спишь.
Есть город – тайна,
Затянувшаяся тишь...
По его улицам брести – сквозь строй.
Тот город каменный – такой живой.

* * *

Снег гуляет, снег.
Не во сне.
Выше тополей –
Одинок.
Ищет, ищет друга снег
Там, внизу, у самых ног.
Это ли к гибели лёт,
К радости или назло?
Я смеюсь так ве-се-ло.
Ты молчишь. А снег идёт.

1

Какая-то строка, созвучная душевно
Знакомому, и стены поездов.
И вечер, и цветы, дышавшие, и ревность
К любому соглядатаю цветов.
Улитка со стекла сбивает паутину.
Она петлит свою – невидимы следы.

Мы иногда – цветы – прекрасно и невинно
Склоняемся к поверхности воды.
Не зачерпнуть, но глянуть во вчера
И услышать: «Алёнушка, сестра».

3

Я, снисходящая к любви,
Опять иль снова буду бита.
И вы обманете, и вы.
Склонюсь над мылом и корытом.
Нет ненадёжнее друзей,
Которых горячо любила.
Ушла и затворила дверь.
Пришла и снова говорила.
И снова: праздник, лето, жизнь,
Тюльпанов отсвет морозящий.
И новых выбираю из
Любви и хлеба не просящих.

* * *

Жизнь осторожная, озноб библиотек,
Апрель из прошлого. Апрель и снег.
Как будто прошлое всё снова здесь –
Улыбка поздняя и птичий вес.
Ну, спрячь, как птицу, в колючий куст.
День раздвоился – он пал и пуст.
А вечер густ так, что петть нельзя.
Из марта грустью его глаза.
Не приморозил – приворожил.
Всё поздно, поздно –
И смерть, и жизнь.

* * *

Чувствую лёгкость отсутствия жизни, и без причины
В залах вокзальных ночую, кочую, чую кончину.
Чую домов этих, стреляных в крыши
Снежной шрапнелью,
На виражах, возносящихся выше,
Грехопаденье.

* * *

На этом самом месте, как в бреду,
Вскрывают вены, к проруби идут,
Шнурок свивают нежный и шелковый...
Но это в романах, а нам
Как быть со скачкой по пятам?!
Тоску и бред прервать охота.
Но нет патронов, в прорубь лень,
Ведь минус тридцать и метель,
А близким – похорон морока.
А завтра будет новый день
И с полдевятого работа.

В январе 2022 года Елена Викторовна Клименко отметила свой юбилей. Мы искренне поздравляем нашего давнего автора, активного члена Томской областной писательской организации и интересного человека – Елену Клименко с круглой датой, желаем больших творческих успехов и крепкого здоровья!

Светлана Родикова

ИСТОРИЯ ХАНТЫЙСКОЙ ДЕВОЧКИ

БОЛЬШАЯ ВОДА В ПОСЁЛКЕ

Когда приходила большая вода, мы жили на узлах. Сначала боялись ледохода, что большой льдиной сотрёт наши дома. Дежурили по очереди: одну ночь дежурит одна семья, вторую ночь – другая семья дежурит...

На той гриве (так мы её называли) было несколько домов, за ними стояла школа. Мы в случае чего должны были ночью бежать туда, спасаться от льда-ледохода. После того как пройдёт лёд, было всё благополучно, оставались только огромные глыбы льда на берегу. Когда начинала разливаться вода, в доме воды было столько, что западня (это крышка от подпола) плавала по воде на полу. На чурочках лежали доски, по доске мы добирались до кроватей, до стола – больше ничего не было. Однажды, выйдя на улицу, увидели плавающие по огороду дрова, хорошо, что был забор, а то дрова унесло бы. С крыльца в туалет ходили и воду варить еду набирали. Умывались с крыльца.

Вопрос: как выжили? А в ту пору это казалось так здорово! За хлебом в сельпо я ездила в обласке. Такое счастье, такая ответственность – сама управляла судном! Когда уходила вода, для меня было ещё одно занятие: я ходила на мыс (это часть берега) и собирала стёклышки от посуды. То ли их приносило, то ли вымывало, но для меня они были драгоценности. Стёклышки были всякие – разного размера, с позолоченной каёмкой, с фиолетовыми на белом узорами. От взрослых я слышала про какие-то «кухтеринские бриллианты». Наверное, тогда, в детстве, эти осколки посуды для меня казались чем-то дорогим, это занятие я считала важным. Как сейчас помню, по колено в воде... осколки посуды в воде ещё больше блестели, я складывала их в подол платья, сколько находила, может, 35 стёклышек за один раз. Но точно помню, что ходила собирать несколько раз.

А когда подросла, училась уже в восьмом классе, мама купила мне удлиненное шёлковое платье с кокеткой на груди. Я себя считала королевой. Хотелось ходить в клуб, но он от нашего дома находился далеко. В тот год опять была большая вода. Я поднимала платье до груди, обувь несла в руках, сейчас уже не помню, какая это была обувь. Спускалась с крыльца, вода была мне до груди, я должна была дойти до тротуара, а это край согры (такой невысокий лес) – и всё по воде. Доходила до тротуара, шла по сухим доскам. Потом в сельпо снова приходилось брести в воде по грудь, надо было идти до следующего тротуара.

Это была наша молодость! Как выжили? Если начала писать про клуб, то вернусь ненадолго в детство, когда в кино бегали босиком. Летом доски так нагревались от солнца, что выступала смола. Наступишь нечаянно на смолу –

она жжёт. Тоже пришлось испытать такое – лишь бы посмотреть кино. Когда проходила мимо ларька в сельпо, который торговал лишь летом, перед окном лежал настил, в нём были щели, я заглядывала вниз, и, если там блестели монетки, старалась его поднять, чтобы достать мелочь и купить конфет. Счастье было, когда покупала конфеты «Золотой ключик», тогда они были самыми любимыми. Сейчас такого вкуса нет. Если удавалось найти двадцать копеек, у меня были деньги на кино и на конфеты.

А этот случай касается всей нашей детворы в округе, где мы жили. Был Родительский день, все взрослые отмечали праздник. А я знала, что когда цветёт шиповник, в ту пору нерестится карась. Мне надо было срочно попасть на свои озёра, где рыбачили. У нас уже появился большой капроновый облас, нам его рыбзаводские рыбаки отдали. Мы его с матерью отремонтировали и рыбачили на нём. Прикинув, что вся местная детвора войдёт в этот обласок, усадила их всех, взяли спички, топор – всё, что положено – и отправились в путь. Как всегда, была большая вода. А ехать надо было по истоку, где в большую воду с Оби вода с большой стрежью текла в другую речку Миля. Туда-то мы уехали, хватило силёнок завернуть в другой исток. В обласке я – «предводитель», Сергей Нагин, его сестра, мой младший брат Игорь, сестра Валя, двоюродный брат Валерий – в общем, собрала всю мелочь. Я недооценила ту опасность, которой я подвергла всех детей. На тот момент мне казалось, что я справляюсь. Мы добрались до того места, где карась кишел только в колючках – есть такие кочки в озёрах. Мы ни с чем отправились обратно. И вот тут я испытала страх не только перед стихией, с которой пришлось бороться, но и за детей, которые сидели и большими глазами, полными страха и слёз, смотрели на меня. Когда мы выехали с истока на разлив, и стрежь, как игрушку, подхватила и потащила обласок в сторону реки Миля. Я тогда крикнула: «Гребём изо всех сил на другую сторону, чтобы перевалить к лесу». У нас получилось. В тальнике, чтобы добраться до посёлка, нам пришлось рубить тальник, чтобы проходил облас, а он рыбацкий, широкий. Смерила дно веслом, но дна не достала. Страшно стало, но свой страх нельзя было показать ребятишкам. Таким образом мы пробирались и проездили целый день.

В посёлке уже хватились родители – дети пропали! Такой переполох устроили! Когда обнаружили, что нет обласка, они поняли, в чём дело, переполошили ещё больше, потому что детям пришлось пересечь порог, водоворот, там встречаются течения. Мне сказали, что если бы я утопила детей, меня бы просто-напросто убили.

ИНТЕРНАТ

Детство, детство, ты куда ушло?.. Какие хорошие воспоминания о нём! Всегда такие ощущения теплоты, как будто всегда было лето. Сейчас мои воспоминания связаны с интернатом. Там была такая бурная жизнь, мы всегда были заняты чем-то полезным.

В Усть-Тыме был интернат народов Севера, но жили в нём все те, кто попадал в трудные жизненные ситуации. Принимали в интернат детей из по-

сёлков, которые были расположены на берегах Оби и по реке Тым: Тымска, Карги, Казальцево, Назмеинного, Толпарово, Вертикоса, даже из Каргаска. Наша семья жила в Усть-Тыме, но нас приняли в интернат, так как нас воспитывала одна мать, и работала она в ту пору в интернате прачкой. У нас была возможность жить в интернате на полном государственном обеспечении, а это проживание, питание, одежда. Кормили очень хорошо, даже полдник был, для этого мы бегали в интернат после третьего урока. На полдник в столовой интерната давали сок и печенье.

Школа находилась рядом с интернатом. Детей было много. В интернате было три рабочих крыла, в каждом крыле по три комнаты. В коридоре располагалась воспитательская, столовая, санитарная комната и ещё две жилых комнаты.

Наверное, времена были такие, все жили так дружно. Играли во все игры, которые мы знали, но всем нравилась чехарда. В этой игре могли быть задействованы до пятнадцати человек. Эта игра была известна всем детям, была популярна, играли почти каждый день.

Когда был отбой и выключали свет, тут начинали рассказывать разного рода страшилки и истории, а также бывали игры и затеи, когда одного человека укладывали на стол, а все остальные старались поднять его на пальцах – и ведь получалось! К ножницам привязывали книгу, вызывали духов, задавали вопросы. Книга поворачивалась сама, если ответ должен был звучать «нет», в одну сторону, если «да» – в другую сторону. Для чего это? Непонятно! Но так ворожили, чтобы узнать, что ожидает нас в будущем. Человек устроен так, что ему хотелось познать себя со всех сторон.

При школе и интернате были свои лошади. Зимними вечерами их гоняли на прорубь поить. Мальчишки, гордо восседая на лошадях, не могли не проехать мимо интерната, подъедут и гарцуют на них. Лошадей было всего три. Это сейчас машины, а в ту пору прокатиться на лошади было круто, когда впереди сидит всадник, а ты – за ним. Смелым девочкам это удавалось, и мне, конечно, в первую очередь, потому что мой сосед Сергей Родиков (в будущем мой муж) имел к лошадям непосредственное отношение и назначение. Его отец работал в интернате завхозом. Катались мы без седла, это было весной. Как сейчас помню, лошади были влажные, запах лошадиный... Задницы свои мы до корост сбивали, до боли. Но было столько счастья, радости и гордости от быстрой езды, что не удержалась, проявила смелость. Сейчас бы ни за что не села на лошадь!

В мае, когда уже было тепло и скоро должны были наступить летние каникулы, дети собирались на поляне возле Оби. Жгли костры, играли в лапту – это была самая лучшая для нас игра. Сами того не подозревая, мы таким образом занимались спортом и спортивными играми.

Ближе к лесу, с другой стороны интерната, где жила семья Фатеевых, была большая карусель. Вкопали большой столб, на большой болт прикрепили плаху – вот и карусель! Несколько человек с одной стороны, несколько – с другой разгоняли её, затем одновременно подгибали ноги, и она долго крутилась!

Занимались общественно-полезным трудом – собирали берёзовую почку. Мне очень нравилось это занятие, хотя почки мелкие, липкие, медленно при-

бывали в посудине. Мне всё равно удавалось набрать, высушить – выполнить план. За это я получала призы.

А как интересно проводили военно-спортивную игру «Зарница»! Вся школа участвовала в этом мероприятии, у каждого из нас была своя задача и большая ответственность. Так я понимала своё участие в общественной жизни школы. В заключение игры нас потчевали вкусной гречневой кашей со сливочным маслом. Горячая, ароматная, в лесу она казалась ещё вкусней!

Какая памятная и интересная была пора! Казалось, что жизнь всегда будет такой прекрасной. А весной всегда была маёвка. Мы ходили в лес, опять ставились и выполнялись игровые цели и задачи. Потом доставали свои туески с едой, жгли костры, пекли картошку, и это было самое лучшее лакомство на природе. Ни о каких клещах и змеях мы ничего не знали и не слышали. Природа для нас была самым лучшим местом для отдыха и игр. По лесу ходили босиком, имели свои тропинки.

Зимой ходили в кино. В Усть-Тыме было два клуба, один находился в сплаве, другой – в совхозе. Пока был интернат, совхозный клуб считался нашим. Чтобы до него дойти, нужно было перейти через поле, потом подняться в гору. Демонстрировался фильм «Вечера на хуторе близ Диканьки». Народу в зале было много. С замиранием сердца смотрели фильм, и когда он закончился, всей гурьбой выбежали на улицу.

На улице темно, до интерната идти далеко, мальчишки начали пугать нас, и мы с визгом и писком бежим бегом. С горы, на которую поднимались, катимся кубарем. Варежки потеряла, руки сначала замёрзли, потом от снега начали гореть. За какие-то считанные минуты мы все прибежали в интернат. Мокрые, но весёлые и радостные. Таким мне запомнилось моё детство.

На берегу реки, где мы жили, была гора. Там делали горку для катания на санках и лыжах, потому что был яр. Катались кто на чём – на санках, лыжах, на гольцах – усядемся на одну лыжину несколько человек и покатались. Умудрялись даже кататься на конных санях. Уедем вниз всей гурьбой, а обратно тащим эти сани. Домой приходили – валенки были, как колотушки, по полу стучат, идти невозможно, даже за стенку держалась.

Как в баню ходили. Общая баня в сплаве была довольно далеко. Нужно было пройти через лес, потом ещё по берегу сколько-то идти. Зимой помоемся, назад идти надо, а на голове почему-то были платки, шапок не было – холодно. Мокрые волосы выбьются из-под платка, на лбу сосульки замерзали, пока бежали домой. И никто не болел, считали, что так и должно быть...

В школе на переменах нам включали музыку, и мы танцевали «летку-еньку», «казачок», старшеклассники учили нас танцевать вальс. Всё трудное забывалось, и опять становилось легче.

Я участвовала во всех мероприятиях: пела, оформляла стенгазеты, писала заметки. По большим праздникам в клубе были концерты, я читала стихи. Откуда что бралось – не знаю. Наверное, просто хотелось идти в ногу со временем и со всеми.

Иногда ощущались трудности в семье. Но когда мне выдали в интернате фуфайку, да чёрную, да сзади с хлястиком, а на нём две пуговицы, приталенная, я радовалась, чувствовала себя девицей, кажется, даже ростом выше

стала. Сейчас вспоминаю эти моменты, и мне смешно. Раньше продавали в магазине резиновые сапоги на каблучке, и мне в седьмом классе купили такие. Случилось так, что я во внутренней стороне сапога вырвала клочок. Мать сказала: «Других не будет». Я взяла иголку с чёрной ниткой, зашила, в ту пору казалось, что я наложила красивый шов. Так и ходила в школу. Не помню, чтобы кто-то что-то сказал мне.

С той поры, с интернатовских времён, мы дружим и переписываемся с друзьями, хоть уже давно повзрослели и постарели, стали бабушками и дедушками, а при воспоминаниях мы всё те же дети, только стали мудрее.

Более сорока лет прошло с тех пор, но при встречах мы иногда вспоминаем, как делали голяшки валенок узкими. Ноги были тонюсенькие, как у воробьёв. Заваривали их кипятком, в голенище вставляли полено, и так сушили, получались голяшки узкими, но было не очень красиво. А куда деваться? Так и ходили.

ЛЮБОВЬ

К этому разделу, к описанию истории любви, мне кажется, нужно подойти с огромной ответственностью, потому что это такие тонкие и в то же время сильные чувства, которые я несу с трепетом всю жизнь. Хочется донести до читателя то, что я чувствую, и мы вместе будем переживать те события, которые я буду описывать. Итак, поехали!

Так сложились жизненные обстоятельства, что, когда мы переехали из Новоникольска в Усть-Тым, мы сначала жили в сплаве. Потом купили домик на берегу Оби. На самом берегу стояли три дома – это наша избушка, дом дяди Миши, моего двоюродного дяди, и дом моего будущего мужа, где он проживал в детстве. Сначала у нас всё обстояло в детских играх. Потом мы начали взрослеть. Да! Ещё один момент надо описать, который я не помню, так как была маленькой. А Сергей мой рассказывал впоследствии вот что: наши старшие братья и сестра нас помолвили, когда мы были ещё маленькими. Поставили нас на крыльцо магазина, был вечер, горела лампочка, и свет падал на нас. Мы стояли босиком, с растрёпанными кудрявыми волосами, положили мою руку в Серёжину руку и сказали: «Вы теперь муж и жена». Для них на тот момент это была своего рода шутка, как сейчас говорят, «прикол». А вселенная свой посыл приняла. Вершилась новая судьба двух человек. Сейчас вспоминаю об этом, пишу, а у самой – мурашки по коже, это всё надо прочувствовать. О том событии я не помню, мне рассказывал мой муж. Но я знаю всех тех, кто присутствовал там в то время, знаю то место, магазин до сих пор стоит там же. Три года назад мы ездили в Усть-Тым, сфотографировались возле него.

Со временем наши детские игры стали перерастать в подростковые отношения. Мы с Сергеем вместе проводили всё свободное время – жгли костры, ходили в кино, ездили на моторной лодке купаться на другой берег реки Оби. Я уже стала понимать, что в моей душе что-то происходит по отношению к Сергею. Его чувств я не знала. Сейчас я понимаю, что мной двигали только

мои чувства. Я была младше его на два с половиной года, но у меня уже были чёткие мысли. Мальчишек было много, но выбор был сделан, я с детства знала, что Сергей – мой будущий муж. Не знаю, на какие чувства я полагалась, но уверенность в этом была твёрдая.

Родители заметили наши отношения, когда мы стали подростками, мне исполнилось четырнадцать лет, Сергеем – шестнадцать с половиной, они поняли, что это не игра. Сельская детвора вся знала и понимала, что мы с Сергеем пара – нас так все они и воспринимали, так как социальные уровни жизни были абсолютно разными. Нам пришлось прятать от взрослых наши чувства и отношения. Когда все оставались на виду, мы исчезали, уходили подальше от наших домов под берег, сидели на брёвнах, а комары нас «жучили». Вспоминается сейчас, как мы сгоняли их друг у друга со спины, и понимаю, что это была проверка наших чувств, потому что кому дозволено было – сидели в кладовках в своих пологах от комаров.

Родители Сергея меня никак не воспринимали, называли нас остяками. Отец наш погиб, мы жили очень бедно, у матери на руках – четверо детей. Но сейчас не об этом.

И вот один раз мы с Сергеем спрятались от комаров в старую самоходку, которая стояла на суше, вытасченная на берег. Смотрим: по берегу идёт мать Сергея с палкой, ищет нас под берегом. Посмотрели мы друг на друга и поняли, что спасены, всё равно мы боялись взрослых. Теперь-то понятно, что неспроста мы оказались в этой самоходке – значит, нас уже кто-то оберегал.

Потом Сергей поехал учиться в Томск, поступил в техникум, учиться надо было четыре года – судьба преподнесла нам ещё одно испытание. Будущая моя свекровь успокоилась – всё, победа, такую разлуку невозможно вытерпеть. Но судьба распорядилась по-своему, конечно, для меня это было очень тяжело.

Позволю себе небольшое отступление... В нынешние времена взрослые не обращают внимания на подростков и на их отношения – это напрасно! Ведь маленькое любящее сердце самое искреннее, самое чистое, оно верит в своё светлое будущее, только теперь мне стало понятно слово «ломают». А тогда я с трепетом и огромной своей подростковой любовью старалась всё сохранить.

Мы стали писать друг другу письма, их ждали от Сергея два человека – это я и его мама. Но от людей в деревне невозможно что-то скрыть. Когда приходила почтальонка и чаще всего кидала письмо в почтовый ящик, моя будущая свекровь это замечала, потому что мы жили напротив их дома.

Пошли первые телевизоры, и, у кого позволяли финансы, приобретали их, родители Сергея тоже купили. Моя мать ходила к ним смотреть телевизор, и тогда свекровь тайком спрашивала, знает ли моя мать, что пишет в письмах Сергей.

Так Сергей проучился год. Уехал на второй курс. На зимние каникулы приезжал домой. И когда он должен был приехать, я видела во сне черёмуху всю в цвету. От взрослых слышала, что это к свадьбе. Но какая свадьба могла быть? Я училась только в девятом классе. Но случилось то, что должно было случиться. Каникулы закончились, Сергей уезжал в Томск на учёбу. Самолёт пролетал как раз над нашим домом. Мне казалось – всё, мир рухнул, в деревне

никого нет, пустота, я осталась одна, мне страшно. Но приходили письма, самолёты летали исправно...

Итак, наши дружеские отношения перешли в близость. Нас всё больше и больше стало тянуть друг к другу. Родители стали понимать, что они не смогут с нами справиться, это просто невозможно. Две взрослые женщины, две мамы, стали ругаться между собой. Свекровь упрекала мою мать: «Какую ты вырастила дочь!». А моя мама говорила в ответ, что посадит её сына за то, что я малолетка. Пока они таким образом выясняли отношения, наша любовь всё крепла, и окончательно закрепились моей беременностью. Сергей уехал учиться в Томск на третий курс, я пошла в десятый класс. Тогда я ещё не знала, в каком я положении. Но в конце сентября началась первая тревога, так как не настали те дни, которые должны быть у девушек, в октябре у меня начался токсокоз. Сергей в Томске, я со своими чувствами и со своей ношей одна. Никому ничего не говорила, а сама испытывала ужасные чувства! В голову лезли всякие разные мысли: вдруг Сергей узнает и бросит меня, а ещё школа, моя мать, о его родителях я не думала, мне известна была их позиция, ну и, наконец, деревня – что будет? Мне было тогда пятнадцать лет, шестнадцать исполнится только тридцатого декабря. И вот в такое непростое время мне самой самостоятельно пришлось принимать решение по поводу своей судьбы, о рождении моего первого ребёнка. В эти два месяца, ноябрь и декабрь тысяча девятьсот семьдесят девятого года, можно сказать, с помощью высших сил, решила моя дальнейшая судьба. У меня была школьная подруга, которой я поведала всё. Её мать согласилась прервать мою беременность. На какое-то время для меня наступило облегчение, что никто ничего не узнает. Я пришла к матери подруги, мы с этой взрослой женщиной стали обговаривать весь процесс действий. Она велела принести бутылку водки, а остальное она сделает сама. По дороге домой я с ужасом представляла всю эту картину, что будет происходить со мной. Выпьёт эта женщина всю бутылку водки, и в пьяном состоянии будет прерывать беременность. Тогда я приняла решение не ходить к ней – будь что будет! Я даже не предполагала, что эту бутылку водки она просила для обработки рук и всего прочего. Сейчас-то я понимаю, что тогда надо мной вершилось совсем другое, не то, что хотели люди. И я твёрдо решила, что буду ходить в школу до последнего... Написала Сергею письмо, что у нас будет ребёнок. Мать пока ещё ничего не знала. Но со временем она стала замечать, и в один прекрасный день посмотрела на меня очень строго и спросила: «Кто он?». Ничего не спросила, не расспросила, а сразу задала такой вопрос. Я, конечно, покорно ответила ей, потому что было принято решение оставить беременность. И вот тут она меня наказала, и словесно, и физически, – в общем, как могла, всыпала. Что ещё она могла сделать, женщина? Сейчас мне её очень жаль. Пишу эти строчки и плачу, потому что всё помню и её понимаю. После воспитательного момента она, обессиленная, села на кровать, положив руки на колени, дав понять: что делать? Тем более – она работала в школе техничкой, а свёкор будущий – завхозом. После всего только одно-единственное слово проронила она: «Позор!». А для меня было облегчение, что теперь знает мать.

Вскоре меня вызвала к себе классный руководитель и спросила: «Света,

ты ходишь на физкультуру?». Я ответила ей, что хожу. На следующий день я в школу не пошла. Мать запила, и её уволили с работы. На что мы жили – не знаю. Немного погодя её снова взяли на работу, наверное, учитывая случившееся. Сейчас я хочу написать и донести до читателя: «Никогда не опускайте руки! Не поддавайтесь критике! Слушайте своё сердце!». На тот момент оно у меня было наполнено любовью, к моему любимому человеку, к моему ребёнку. После Нового года я пошла на работу, меня приняли почтальоном. Моя трудовая биография началась в шестнадцать лет. Двадцать пятого мая тысяча девятьсот восьмидесятого года у меня родился сын, назвала я его Сергеем. Скажу честно, на тот момент я ещё не была уверена, стану ли я женой своему Сергею, сомнения оставались.

Заработала дородовые, получила большие декретные. Но мне не хватило купить всё необходимое для своего малыша, я и сама оделась, купила пальто джерси красного цвета за сто семьдесят рублей, белую паутинку. Казалось, что я стала похожа на полноценную молодую маму. Родился сын – для меня это был подарок судьбы, за то, что пришлось вытерпеть. Первенец – сын, всегда слово «сын» звучит гордо, это сила! Мне было с кем встретить своего любимого человека. Но не тут-то было! Теперь на меня нахлынули чувства – чтобы на меня взглянул не как на девчонку, которая бежит навстречу, а как на девушку, маму с ребёнком, которой нужны забота, внимание, поддержка.

Он приехал. Волосы длинные, до плеч, на концах природные завитушки, рубашка обтянутая, приталенная, брюки клёш с манжетами, туфли на платформе – мечта каждой девушки! Смотрела я на него с замиранием сердца. А что я могла, малолетка, с ребёнком на руках? Но у меня хватило ума, какого-то природного духа занять свою позицию, чтобы Сергей во мне что-то увидел. И мне это помогло. Оба сдали каждый свой экзамен. Мои одноклассники сдавали экзамены по предметам в школе, а мы – экзамены жизни. Ваше богатство зависит от вашей веры – во что верите, то и произойдёт! Он достойно, как полагается мужчине, пришёл к нам в дом. Я обращалась к нему на Вы, что мной двигало – не могу сказать. Наверное, так я утверждалась на тот момент как личность. Принёс бутылку вина «Кагор», сказал: «Полезно». Поцеловал сына! И остался навсегда! Это было шестнадцатого июня тысяча девятьсот восьмидесятого года, а сын родился двадцать пятого мая. Сегодня у нас двадцать седьмое мая две тысячи двадцатого года, сыну уже исполнилось сорок лет. Шестнадцатого июня будет юбилей нашей совместной жизни, сорок лет совместной жизни, сорок лет вместе! Хороший уже багаж, опыт, много событий произошло за эти годы...

Продолжаю писать дальше. За этим моментом, как отнесётся Сергей по приезду из Томска ко мне с ребёнком, наблюдали все соседи. Ни разговоров, ни сплетен, я точно знаю, не было, на моей стороне было большинство, родители молчали. Но судьба у каждого из нас своя, и не напрасно в пословице молвится: «Судьба тебя ударит несколько раз, а ты её – ни разу!». Отвели вечер, нас поженили, только зарегистрироваться не могли, потому что не было восемнадцати лет. Свекровь на вечер не пришла, только свёкор был – он меня принял. Он меня называл хохлушкой, потому что отец мой был украинец.

И вот наступила осень. Мы с Сергеем копали картофель у родителей, све-

кровь водилась с нашим сыном. И говорит: «Надо же, даже пальчики на ногах такие же, как у Сергея». Я молчу, я-то знаю... Сейчас я хорошо понимаю её, потому что сомнения всегда были, есть и будут у людей всех времён. А Сергею надо уезжать в Томск на учёбу, на четвёртый курс. Мы жили у моей матери. Летом младшие брат и сестра спали на крыше, мать нянчилась с внуками и жила у старшей сестры. В общем, мы практически жили в комнате одни, а у нас была только одна комната и кухня. В комнате стояла железная кровать, диван, и на кухне стояла односпальная железная кровать. Стало прохладно – собрались все в доме: мама, сестра, брат, я, Сергей и наш сын. Семья из шести человек практически в одной комнате.

У родителей Сергея был большой дом, там жили Шавшины, его родители купили у них дом. Перед отъездом Сергей пошёл к ним и попросил взять меня с ребёнком к себе, пока он доучится. Свекровь категорически ответила: «Нет!». Я благодарна судьбе, что мы на тот момент опять выросли, и уже вдвоём принимали решение, как нам поступить дальше. Сергей остался жить у нас, стали мы жить вшестером в одной комнате. Он съездил в город, перевёлся на заочное отделение, устроился на работу в совхоз.

Когда мы жили в деревне Усть-Тым, у родителей мужа были лошади, хорошие лошади! И у нас с мужем была такая пара. Мы с ним устраивали скачки наперегонки. Я очень хорошо ездил верхом на лошади. Мы с ним уезжали за деревню, вставляли в одну линию, и по нашему сигналу кони нас несли вперёд. Ощущения захватывающие. Во-первых, лошадь несётся, как стрела, во-вторых, просторы – никаких препятствий. Километр, точно, неслись, при этом я уже носила под сердцем второго ребёнка.

7 ноября от совхоза нам выделили большой дом. Девять окон, три комнаты, две печки (одна из них – русская), кухня, большая кладовка, веранда, сени, два крыльца, большой огород, двор. Мне семнадцать лет, Сергею девятнадцать с половиной годков. Господь и на этот раз проверял нас, справимся мы или нет. Дом был чисто побелен, покрашен, когда мы в него зашли. Мать отдала нам диван, на котором мы спали, поставили его в зал. Застелили покрывалом, раньше были очень красивые покрывала. Себе в спальню поставили односпальную железную кровать, детскую кроватку – и зажили. Вместо штор сначала висели пелёнки, потом я купила тюль по семьдесят копеек за метр, повесили. Свекровь видит, что мы стремимся, дала тюк материала на портьеры. Я сама сшила, повесила. В то время я могла уже шить, вязать, шиньгать (теребить) и прясть шерсть, могла шить мужские брюки, рубашки, трусы, юбки, платья – этому научилась на уроках по трудовому обучению в школе. Конечно, до совершенства было ещё далеко, но рубашки-косоворотки у меня получались очень хорошо. В феврале муж привёл корову с совхоза, свекровь дала овечку – так мы обзавелись хозяйством.

Но нас опять стала испытывать судьба – Сергея теребит военкомат. Мы с ним прекрасно понимали, что если его заберут в армию, мне сложно будет содержать такой большой дом. Тогда поставили перед собой цель – родить второго ребёнка. Но сразу не получалось, так как сын сосёт грудь, пришлось отучать от груди. Таким образом, маленький сынок тоже принимал участие в нашем будущем. Вскоре я забеременела. Осенью его вызвали в военкомат,

Сергей сказал, что у него жена на сносях. «Вот когда родит, тогда и будем разговаривать, а сейчас выполняй требования военкомата», – так сказали ему там. Делать нечего, против закона не пойдёшь. Но надежда, что он не пойдёт в армию, была сильнее их законов. И пока он готовился идти в армию, у нас родилась дочь Мариша. Если сын был плод нашей любви, то Мариша усилила наши отношения, потому что мы уже стали ставить цели. Родилась она двадцать девятого октября тысяча девятьсот восемьдесят первого года в Усть-Тыме. Рожать меня отправили в Каргасок последним пароходом, жила там я у своей двоюродной сестры, хантыйки, Пискуновой Галины. Живу уже две недели, а роды не наступают, и тут проявился максимализм молодости. От сестры по домашнему телефону позвонила мужу на работу, в контору, что лечу на самолёте в Тымск, чтобы он меня встретил на лодке. Так и получилось: я на почтовом самолёте с посылками лечу обратно в деревню, где меня, как хозяйку дома, ждут дела. Прилетела я в Тымск, муж был уже в аэропорту. У него спрашивают, как же он приехал, река Тымская стоит. Он ответил, что пробивался. Закутал меня в тулуп, и поехали мы из Тымска в Усть-Тым. С маленькой речки выехали – лёд уже стоял. Поехали по Оби, стоит туман, от воды парит, шугу несёт, а мы глядим друг на друга, и счастливы, потому что вместе, и никакой опасности, которая нас на тот момент окружала, для нас не существовало. У меня заболела спина. Муж предложил пристать к берегу, развести костёр, погреться, но я сказала, что надо ехать вперёд, всё вытерплю. У меня уже начались схватки. Приехав домой, я посолила капусту, помыла полы, и в двенадцать часов ночи всё началось. Сбегали за медиками, их в деревне было двое, одна молодая, ей было двадцать один год, другая постарше, они сильно удивились и были недовольны, что надо ночью принимать роды. В семь часов утра у нас родилась здоровая девочка, четыре килограмма шестьсот пятьдесят граммов весом. Пронесят мимо меня, а я говорю: «Ой, какой остяк родился!». Поэтому она, наверное, у нас такая сильная и смелая, что перед родами предали такой путь! Это было 29 октября 1981 г.

Медпункт стоял в сплаве. Когда узнали, что я родила, несли разные подарки. Чего только не надарили! Всего самого необходимого натащили.

А у меня нет аппетита, нет сил – ослабла. Муж со всей деревней отмечает рождение дочери. Радость двойная – в армию не пойдёт, и дочь родилась богатырка! Так пошла наша жизнь. Как год – так Федот! – как в пословице говорится. Через год, в этот же день, 29 октября, у нас родилась ещё одна дочь, Таня. Муж сказал мне: «Сколько будет – пусть бегают по избе!». Но не тут-то было! Сразу после рождения Мариши я забеременела Таней – через три месяца. Ребёнка решили оставить. Чтобы избавиться от беременности, надо было ехать в районный центр. Всё это не так-то просто! Растут двое детей, Сергей и Мариша, Таня ещё в животике. Когда пришло время рожать, меня отправили в районную больницу. Там родилась дочь Татьяна 29 октября 1982 г.

Домой добираться с новорождённым ребёнком в эту пору очень сложно, транспорт никакой уже не ходил. И вот ночью летит в Усть-Тым вертолёт по санзаданию. Меня с ребёнком отправили. Телефонов нет, сообщить некуда! Прилетели в посёлок, с аэропорта нас на «Буране» в нартах к дому подвезли, но даже не помогли в дом зайти. С ребёнком на руках и сумками я поднялась

на крыльцо, а крыльцо у нас было высокое. В сенях я упала, потому что было темно. Правда, ребёнка удержала. А вторые сени были на замке. Муж Сергей вместе с детьми ночевал у своих родителей. Побрела я ночью с новорождённым ребёнком на руках по темноте к его родителям. Горько! Тяжело! И в то же время радостно, что я приехала домой к детям и мужу, да ещё и с прибылью. Постучала в дверь. Открыла мне свекровь и сказала: «А, это ты!». Повернулась и ушла. Не поделила со мной мою радость. Я прошла в спальню, разбудила мужа, мы собрали детей и ночью ушли домой.

Читайте внимательно и не говорите, что у вас какие-то трудности. Чтобы понять, что это такое – их нужно пройти, пережить. Можете ответить мне – сами этого хотели! А я скажу, что благодарна судьбе за каждое преподнесённое мне испытание. С этим я училась жить, ничего не пропускала – видно, у меня такая натура была! Из каждой ситуации я брала какие-то уроки. Себя я ни в чём не винила, только говорила: «Видно, так Богу угодно». В посёлке не было церкви, никто не молился, но у меня всегда почему-то взор был обращён к небу – позднее я поняла, почему я так делала.

Ну вот, живём, растём. Держим хозяйство, у нас были корова, нетель, овцы, куры, свиньи. Все продукты свои – мясо, молоко, сметана, масло, творог. Одна свинья опоросилась, поросят продали и купили холодильник. Муж работает в совхозе. Зимой привозили много рыбы, пересыпали снегом и хранили в ларях. В общем, жили – не тужили.

Летом муж уезжал на покос с бригадой ставить сено, за реку Миля, и жили там. Я во дворе управляюсь, детей парным молоком напою, уложу спать. А сама вечером выйду на улицу, сяду на крыльцо и смотрю в ту сторону, откуда может быть, милый мой торопится. Иногда так и было. У Сергея был с собой мотоцикл, на речке, где было мелко, он проводил его вброд. И мчался ко мне и деткам. Деревня, тишина, звук мотоцикла далеко слышно. В шесть часов утра он уезжал обратно. А когда этого не случалось, я просто молилась, обращая свой взор к небу, и говорила: «Господи Пресвятая Богородица, сохрани моего любимого Сергея для меня и для наших деток». И с этим ложилась спать, считая, что он для нас сохранён.

Наша дочь Таня родилась, видно, со своим предназначением в жизни. В два месяца отроду обнаружила у неё на щёчке, возле ушка, уплотнение. Я забеспокоилась. Нас отправили в район на обследование, затем отправили в Томск. Там сделали разрез, взяли анализ на биопсию и отправили домой. На тот момент мы с маленькой дочерью перенесли стресс, она – болевой, я – психологический, материнский, у меня даже молоко пропало. Как мы с ней доехали до дома, я не помню. Это сейчас продаётся на каждом углу детское питание, а раньше такого не было. Наверное, дали что-то из больницы, какое-то питание. Когда приехали домой в деревню, это уплотнение стало расти на глазах. Нас опять отправили в район, там дочери поставили блокаду, мы вернулись обратно. Но болезнь прогрессирует. Я перечитала литературу, какая нашлась, а это журнал «Здоровье», там ничего не нашла, что стоит за этой болезнью. Врачи сказали – лимфгемонгиома. Когда в очередной раз нас положили в больницу, я ночью прокралась в ординаторскую, пересмотрела там все их брошюры и нашла. Что я увидела? У меня мозг лихорадочно заработал: что делать? Тут всё

складывается так, врачи сказали: «Везите своего ребёнка домой, мы сделали всё, что могли». Тогда я подумала, что не сдамся, что мне всего двадцать лет, кажется, что я уже столько могу! В журнале «Здоровье» нашла адрес Министерства здравоохранения и написала туда письмо, из глухого сибирского посёлка Усть-Тым в Москву. На почте мне сказали, что письмо не дойдёт, только до Томска, и его остановят. Но письмо дошло, мне прислали ответ, что идёт проверка, на самом ли деле дела обстоят так, как я описала. Выяснилось, что всё это правда! Тогда было дано распоряжение в Усть-Тымский медпункт, в районную больницу главному педиатру и в Томск, чтобы была сделана своевременная госпитализация ребёнка совместно с мединститутом. Меня ругали в районе, что им досталось, но я уже их не слушала и не слышала. Жизнь моего ребёнка была намного дороже.

В то время как я боролась за здоровье своего ребёнка, крепились мои чувства к мужу. В мае месяце он уехал в Каргасок, устроился в Каргинский совхоз механизатором. До октября нам пришлось жить одним в посёлке со скотиной и с огородом. Мать жила рядом, очень хорошо мне помогала.

Расставания наши снова надо было пережить. Я часто приходила на берег и всматривалась вдаль, потому что Сергей приезжал на лодке. Когда на реке тишь да гладь, мотор далеко слышно, и лодка движется, как по зеркалу – такое отражение бывает на воде. И я точно знала, что это он едет. Сергей подъезжает к берегу, подходит ко мне и спрашивает: «Ты что, меня ждёшь?». Я говорю: «Да!» – «Откуда знаешь, что это я еду?» – Отвечаю ему: «Чувствую». Эти чувства невозможно передать. Любовь вспыхивала с новой силой. Но приходил час расставания, рано утром надо уезжать. Он приезжал к нам из Казальцева, это недалеко от Каргаска, а от Усть-Тыма до Каргаска сто километров, да потом ещё ехал по речке Шедолга до своей бригады, где работал. Вот так с подогретыми чувствами жили дальше, и я вас хочу уверить, что такие ощущения были лучше, чем сейчас по телефону. Можно спросить: «Как дела?» – «Всё хорошо!» А в то время наши чувства проверялись и делом, и расстоянием.

Прошло лето. Нам с Таней прислали вызов ехать в больницу. И на осень был запланирован переезд в Каргасок, нам дают квартиру. Как нам связать такие два важных события в жизни, где в первом случае будет решаться здоровье нашей дочери, а в другом – переезд нашей семьи в будущее. Опять пришлось решать нелёгкую задачу, и, как всегда, пришлось выбирать самое трудное из трудного. Это для меня сейчас понятно, что Господь любит терпеливых и смелых, а тогда мы руководствовались лишь теми обстоятельствами, которые были. И я благодарю Господа, что выбор был сделан правильный. В сентябре я увезла маленькую дочку в Томск, ей было 1 год одиннадцать месяцев, оставила её в больнице на честность врачей. Успокаивало то, что они должны были отчитаться перед Министерством здравоохранения, и что мой ребёнок будет жив. Так вот почему я пишу, что каждый ребёнок, рождённый в нашей семье, не просто так...

Сын родился – это плод нашей детской любви, родилась Мариша – муж не пошёл в армию, Таня родилась – очень сильно укрепился наш дух. И после неё мы больше не решились рожать детей. Можно сказать, что нам очень повезло, что мы переехали в Каргасок – наша проблема была решена. Увезла

дочь в Томск, вернулась в Усть-Тым, стала собирать узлы на переезд. Закололи крупнорогатый скот, остались только корова и телёнок. Поджидая мужа, собрала всю картошку в мешки. А его нет как нет! В тот год осень наступила очень рано. Я разобрала узлы, высыпала картошку в подпол. Вся расстроенная. Связи нет, чтобы лично поговорить. В контору позвонила, мне ответили, что они вывозятся с бригад. Тоска! Не знаю, что делать. Закрайки на реке до середины реки, туманище стоит. А жили мы возле реки. Каждый день наблюдала, что становится всё холодней и холодней, как в сказке про Серую Шейку. И тут ко мне пришёл свёкор и объявил, что последним путём идёт омский большой теплоход – «толкач» его называли, и большая баржа. Спрашивает: «Поедешь в Каргасок? Только баржа будет на тросу». Какой тут трос? Я о нём даже не подумала. Снова собрала узлы, картошку сложила в мешки, собрала детей, скотину. Подошёл трактор с санями. Я с узлами и с маленькими детьми села в сани, корову и телёнка привязали к саням и двинулись в путь. Внутри всё колотилось от страха – куда еду? В неизвестность! А сердце просило и радовалось встрече с мужем. Итак, погрузили нас на баржу со скотиной. Мы с ребятишками в какой-то каптёрке, которая была на барже. Двинулись вперёд, это было 17 октября. Сыну четыре года, Марише три года исполнится 29 октября. Свёкор поехал с нами, ещё были муж с женой, которые жили на этой барже. На улице туман и холод, а в каптёрке тепло, и печка топится. Страх уже не было, потому что ехала вперёд и пока ещё не знала, какая нас жизнь ждёт впереди. Страшно было остаться в распутицу, неизвестность о муже – вот это страшно! А там, где движение, не страшно! Полгода жили без него. Он работал, мы росли и скучали.

Сергей в этот день тоже двинулся за нами на катере с баржой. Не доезжая до Каргаска, возле Киндала, мы разминулись – вот что значит нет связи – нет телефонов, ни созвониться, ни сообщить. Капитан с катера говорит Сергею: «Это не твоя семья там едет с коровой на барже?». Развернув катер, они пытались догнать нас, но не догнали. Решив, что это не мы, повернули и поехали в Усть-Тым. Сергей позднее рассказывал, что когда ночью они пристали к закрайкам, он подумал: «А как грузиться будем? Везде лёд». Подошёл к дому, и у него сжалось сердце, ему показалось, что дом пустой. Вошёл – и точно, нас нет, уехали. И рванули они обратно.

Вот так работают сильные чувства, так бурлит молодость и большое желание жить. Что бы вам ни стоило – всегда двигайтесь вперёд! И Вселенная всегда поможет тому, кто держит курс!

В Каргасок приехали, а там – сюрприз! В ту квартиру, которую нам дали, решили, что уже зима, и никто не приедет, заняла другая семья. Скотину поставили во двор, где дали квартиру, а нас с картошкой и мебелью поселили в двухэтажку на другую улицу. Половину вещей оставили на улице, шифоньер, бочки, которые сразу украли. Шифоньер не успели, потому что он тяжёлый, зато собаки на него хорошо походили. Смотрела я на это всё и думала – вот она, новая жизнь! После ноябрьских праздников к нам пришёл председатель местного комитета из конторы и сказал, чтобы мы собирали вещи и переезжали в свою квартиру. Представление не из самых лучших. Семью с маленьким ребёнком на руках и двумя детьми постарше выселяют, потому что им дали

квартиру эту, в которой нам пришлось поселиться, а они нагло заняли нашу. Вытащили вещи и мебель на улицу, цветы, кастрюли с едой, а нас заселили в нашу квартиру. Зрелище не из приятных, но такова жизнь. В этот промежуток времени, пока с восемнадцатого октября тысяча девятьсот восемьдесят четвёртого года до седьмого ноября жили в двухэтажке, муж успел съездить в Томск за Таней. Врач прислал телеграмму: «Можете забрать ребёнка. Он здоров». Сейчас я даже сопоставить не могу, как я со всем этим справлялась: корову с телёнком надо накормить, подоить, и всё это на другой улице. Дети маленькие дома, всё делала бегом. И вода у нас с крана не бежала, и центрального отопления не было... Хорошо, что была стиральная машина с центрифугой. Воду носили из колодца для скотины, для бани и домой. Как жили, а выжили! Это для тех, кому сейчас живётся плохо. Нам было хорошо, у колодца все новости узнавали, завязывалась дружба. Честно сказать, в Каргинском совхозе было три улицы, они принадлежали совхозу. Кажется, что все жили одной огромной семьёй, приходили на помощь, если понадобится, если праздник – то «гурьбой». Не было различия на богатых и бедных – мы были все одинаковые, у всех дети, скотина, забота общая. Это после перестройки люди стали по-другому относиться друг к другу, кто-то смог выстоять в эти суровые годы, а кто-то сломался.

Устроилась в детский сад на работу. В двадцать четыре года моя фотография висела на Доске почёта за честный добросовестный труд. В тысяча девятьсот восемьдесят восьмом году нам перестроили дом. Дранку набить помогли работники бухгалтерии с Серёжиной работы. У нас в садике строили новый корпус, там работали штукатуры, я предложила прорабу с совхоза их услуги – они согласились. И работа закипела! Один день они работали на объекте, вечером шли к нам. Я бегом управлялась, готовила еду, а муж был на покосе. Приходилось многое делать.

Первого сентября дети пошли в школу, и мы заняли одну заштукатуренную спальню. Вторую спальню, кухню и коридор ещё делали. Да, пахло раствором, было сыро, всё сохло. Но у нас не было выбора – либо в балке, в котором мы жили летом (а уже наступила осень, стало холодно), либо в доме. После штукатурки пришли девчата из детсада, и мы выбелили дом на два раза. В конце октября всем детским садом справляли у нас новоселье. Подарки, которые дарили нам на новоселье, до сих пор живы. И никто не помышлял, что надо платить какие-то деньги. В ту пору людям делали добро безвозмездно.

Когда муж был на покосе, я начинала скучать. Для меня не было никаких препятствий. Дети уже подросли и могли сами шагать по дорогам. Мы сидели на теплоход «Заря» и ехали до п. Казальцево. А там я приблизительно знала дорогу до бригады, где работал Сергей. Он в ту пору косил траву на тракторе. Телефонов не было. И вот вышла я на берег с двумя маленькими детьми, и пошли мы с ними по лесной дороге в сторону бригады. Никакого присутствия страха не было, никаких мыслей про волков и медведей в голове не было. Была цель встретиться с любимым человеком. Расстояние было километров восемь. Услышав звук трактора, мы свернули с дороги и пошли на звук. Потом мне муж рассказывал: «Когда я увидел вдалеке на скошенных лу-

гах женщину с двумя детьми, я не сомневался, знал, что на такое может пойти только моя женщина». Что я могу сказать по этому поводу? Сама Вселенная оберегала нас.

Дети наши подрастали. Стали мы их брать с собой на рыбалку, за ягодой, грибами. Всегда заготавливали очень много всего на зиму, и всё съедалось. Может, потому, что из магазина ничего не брали. У нас была большая лодка «Прогресс». Усадим, бывало, всю свою семью вместе с собакой, и поехали. С собой брали хлеб и соль, сахар, остальное всё добывали. Всякую рыбу ловили, и белую в том числе – кастрюков, стерлядь, нельму. Бог миловал – ни разу не останавливал нас рыбнадзор. Или, может, мы не в таких масштабах ловили. Но нам на жизнь хватало – мясо своё, молочко, рыба, дикоросы. Что ещё нужно для счастливой жизни? Один раз сын на перемёт поймал большую севрюгу. Он тогда учился в девятом классе, так она была с него длинной. Мы её сразу на берегу в траве разделали, потому что стояла жара. Рыбину сохранили, так как соль всегда возили с собой.

Всегда брали лесную чёрную смородину и черёмуху. А сколько груздей возили! Другие ребятишки играют, а наши трудятся. Один раз соседская девочка спросила у своей матери, можно ли так заставлять детей работать. Мать ответила, что можно, она понимала, что мы не забавляемся, а приучаем к труду. Зато сейчас не подставляем руки – наши дети сами знают, что делать. Они на рыбалку ездили наравне с нами, и им это нравилось. Однажды Маришу заставили плыть через озеро, чтобы переправить верёвку, не на глубине, естественно, а в тупике – так она об этом до сих пор помнит. Все свои знания, умения, навыки передавали детям, учили всему, что самим было передано нашими родителями.

Когда дети выросли и разъехались кто куда, мы с Серёжей вдвоём рыбачили. Один раз были на рыбалке недалеко от Каргаска, его даже видно было, но ничего не добыли. Остались ночевать, одни, никого нет, Каргасок светится огнями. Мы лежим в лодке на решётках, ничего нет, так как ночевать не собирались, смотрим в звёздное небо и думаем каждый о своём. Говорю мужу: «Серёжа, а где наша звезда?». Понимали, что силы уже не те и здоровье уходит, всегда промышлять не будем. Белой рыбы добывали очень много. У нас была тележка, нагрузим рыбой эту тележку и тащим из-под горы домой. Тишина, все спят в своих тёплых постелях, а мы идём мокрые, холодные, но с добычей. Господь говорил нам: «Идите, и вам воздастся», как говорится, «дорогу осилит идущий». А сколько ореха готовили, ягоды всякой, клюквы. Эти болота ни мы, ни наши дети никогда не забудут. Но зато имели всё своё и ни в чём не нуждались. К концу лета лицо у меня было просто «копчёное» – настолько его ветром, водой и солнцем обветривало. Сергей в лодке держал газ, а я всегда за «штурвалом», лицо прятать не было возможности. За зиму загар с тела не успевал уходить – мне казалось, что моё тело смуглое. Народ называл меня «рыбачка Соня».

И вот наступил тысяча девятьсот девяносто восьмой год. Сын ушёл служить в армию, в Юргу. А уже шла война в Чечне. Полгода не было писем, меня успокаивали, что они сейчас в учебке, как пройдёт учёба – напишет. И вот сижу я дома, пряду шерсть, заходит ко мне почтальонка домой, но в почтовый

ящик не скинула ничего. С нашей округи только один наш Серёжа ушёл в армию служить, и все знали, как я переживаю. Сейчас пишу эти строчки и плачу – так переживаю те моменты. Холодок прошёл по спине, когда почтальонка зашла и протянула мне письмо, сказала, что оно от командира части, даже открывать боюсь. Почтальонка села рядом со мной на стул, я распечатала письмо, потихоньку вытаскиваю и сама в это время вижу, что написано: «Ваш сын со всей бригадой (а он служил в бригаде быстрого реагирования) ушёл на войну в Чечню». Я заплакала, почтальонка спрашивает: «Ну что там?». Я одно слово только сказала: «Чечня!» – «Ну, слава Богу, жив!» И вот тут-то опять началось! Я нашла телефон Комитета солдатских матерей и постоянно была на связи с ними. У нашей соседки был телефон, я платила и постоянно разговаривала с Комитетом солдатских матерей. Заметка в газете о Серёже до сих пор хранится у меня, хотя прошло уже двадцать лет, и по телевизору их показывали, они слали приветы в далёкую Сибирь. Всё это надо было пережить, и если бы я в ту пору не пила бражку, я бы, наверное, не выжила. Сын вернулся домой живой и здоровый! Правду говорят: «Судьба столько раз ударит тебя, а ты попробуй ударить её хоть один раз!». Это было испытание материнских чувств, которое ни с чем сравнить нельзя!

Не буду говорить, что всё гладко было и в наших отношениях с Серёжей – судьба всегда проверяет на прочность всё, что нас окружает. Не скажу, что наш брак пошатнулся, но испытания на прочность наших отношений были серьёзные. Я благодарна судьбе, что мы справились с этими испытаниями. Сейчас, когда прошло много лет, мы стали мудрее, и я благодарю Господа, что мы сохранили друг друга для себя. А ведь могли разрушить всё! Вот что я хочу сказать: как бы тяжело ни было, кто бы ни встретился вам на жизненном пути, сохраняйте свои чувства и отношения до последнего! Это просто уроки, которые нам даются, и если мы справимся с ними – нам их больше не посылают. Не ищите лёгких путей – их просто нет! Есть жизнь, которую нужно прожить, чтобы потом не было мучительно больно...

За каждый содеянный шаг благодарите Всевышнего, за опыт, который вы приобретаете. Мудрый человек – это не тот, который много знает, а тот, кто совершил много ошибок в жизни, так что не бойтесь их совершать! Страх – это своего рода тоже грех, конечно, в пределах разумного, но не надо специально идти на такой шаг.

Иван Крискевич

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРИРОДЕ И ЧЕЛОВЕКЕ

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Я родился в июне 1940 года в одной из деревень, окружённой дремучими лесами, в северной части Белоруссии, за год до начала войны. Затем страшные слова: война, оккупация. В это время от голода умерли брат, сестра. Мать умерла от тифа, когда мне было, по-видимому, 2–3 года, не более. Отец погиб в партизанах, при каких обстоятельствах – остаётся загадкой до настоящего времени. В каких годах случились эти жуткие несчастья, мне неизвестно. Также мне неизвестно, как прижимала мать меня к своей груди, целовала в щёчку, гладил меня по головке отец или нет. Ласки родителей, если они были, стёрты из моей памяти.

В конце войны и после неё разруха, голод, тиф продолжали лишать жизни нищих жителей деревни – детей, женщин, стариков. Кто оставался – выживали как могли. В это время тихо и незаметно дедушка оставил меня с бабушкой жить или умирать в разрушенной войной деревне... Образы родителей, а также брата и сестры не отложились в моём сознании по причине малого возраста. Не пробудились к ним и родственные чувства, словно их не было. Я напоминал цыплёнка от бройлерной курицы. Эти чувства сохраняются до настоящего времени. Затем я оказался с другими такими же цыплятами-сиротами в курятнике – детском доме.

Как сквозь серый утренний туман в моём детском неосознанном воображении всплыло ощущение, что у моего дедушки имелась лошадь. Единственная лошадь на деревню, трудилась она с утра до вечера без отдыха. К дедушке постоянно обращались селяне за помощью. Одним лошадь нужна была для вывоза дров, другим – сена, многим для выполнения тяжёлых хозяйственных работ. Хозяин лошади не отказывал. Пришла зима. Жители деревни сознавали, что лошадь – помощь для каждой семьи, но голод заставил их обратиться к дедушке. Ведь она – ещё источник жизни, сокровище. Ходячая гора мяса на копытах, способная продлить их жизнь. В один из дней к нему пришли жители деревни и стали просить спасти их от голода. Для этого необходимо пожертвовать животным. Он обещал подумать. Лишиться единственного кормильца для жителей деревни, состоящей из стариков и детей, после освобождения Белоруссии от немцев и первые годы после войны – смерти подобно. Дедушка с горькими слезами на глазах до утра не мог уснуть. На следующий день вновь собрались в его доме старики, и решили, что другого выхода нет... Мясо разделили между жителями, не спрашивая оплаты. На какое-то время голод отступил.

Зимой от холода я спасался на печи, бабушка грелась у её теплого бока. Выходили на улицу по крайней необходимости в лаптях. Дрова осенью помогали заготовливать жители, кто как мог. Мучительно долго ждали весну, как спасительницу от голода, а возможно, и от смерти. Наконец её дождалась со слезами радости на глазах. Появились на полях первые проталины. Затем, под ласкающий звон капли, шумный бег ручьёв, лёгкий шелест влажных льдинок, ушёл последний снег. Не успела просохнуть земля, мы с бабушкой решили искать себе пропитание – голод не тётка. В один из дней я надел ветхие и страшно тяжёлые валенки, бабушка – лапти, и мы отправились на раскисшие колхозные поля собирать прошлогоднюю гнилую картошку. Валенки вязли в грязи, каждый шаг давался с трудом. Собирали картофелины размером от голубинового яйца и больше. Сколько промучились мы с бабушкой, сказать не могу. С трудом вернулись домой, едва волоча ноги в валенках, тяжёлых, как гири. Дома упали на скамейку, лишившись сил. Так повторялось неоднократно. Из гнилой бульбы пекли драники, которые казались вкусными. Оставалось немного нормальной картошки, которую бабушка берегла для посадки весной – неприкосновенный запас.

Весна набирала силу, жить становилось веселей. Мы с деревенскими ребятами до поздней осени бегали босиком по улицам деревни, полям, лесу после работы в огороде. Возникла другая напасть.

От холода, грязи появлялись цыпки. Кожа на стопах трескалась. Между разрывами проступала кровь. Появлялись мучительные боли, особенно ночью. В это время я лишался сна. Бабушка сидела рядом, гладила по голове, успокаивала. Мытьё ног холодной водой помогало мало. Баню топила нечасто. На печи грела воду, в которой парил ноги. Тёплая вода также не всегда снимала боли. Кошмар продолжался не одну неделю. Как страдал от цыпок, не могу забыть до сих пор.

Пролетали весенние дни, появилась первая травка. Мы с бабушкой шли на поля, перелески собирать разные съедобные травы: крапиву, лебеду, сныть, и другие, которые были известны моей кормилице. Из них она готовила разные супы. Пирожки пекла нечасто – с мукой были проблемы. О мясе, масле приходилось только мечтать. Бабушка постоянно работала в огороде, выращивала основные овощи: огурцы, лук, морковь и другие. Я убирал мусор, выполнял прочую посильную работу. Каждый день, как мог, помогал своей старенькой кормилице. Не успела бабушка посадить грядки, как из земли дружно выползала трава, но «обуздать» её своими слабыми руками не было никакой возможности – зелёная напасть, да и только.

Летом неизвестным для меня образом у нас появилась коза. Запомнилась она, по-видимому, потому, что бабушка готовила вкусный молочный картофельный суп. Он был настолько хорош, что после съеденной порции я облизывал ложку. Наш дом находился недалеко от леса. В один из дней утром мы услышали громкое блеяние привязанной козы, полное страха и призыва. Выбежав из дома, заметили, что к ней подкрадывается волк. Она начала метаться, рвать верёвку, пытаясь убежать. Мы и подросшие соседи громко закричали, махая руками, зверь не выдержал шума, повернулся и трусцой побежал в лес.

Торопливо пролетели летние дни, как перелётные птицы. Осенью бабуле

стало трудно меня содержать, и она отвела меня в детский дом села Орехово. В нём находилось более сотни детей, но я страдал от одиночества и тоски. Не мог смириться, что рядом нет милой, заботливой, бесценной бабушки.

Каждый день садился у окна «моей» комнаты и смотрел на просёлочную дорогу, по которой она привела меня в детский дом, и горько плакал. Проходили дни, и она приходила. В связи с дремучей бедностью она приносила солёные огурцы, и половину меняла у детей на кусочек хлеба, чтобы притупить голод, который не покидал бабушку и других жителей деревни. Как она жила в нищете и горьком одиночестве, мне неизвестно. Когда она очередной раз приходила, прижимала меня к себе, гладила по головке, говорила милые нужные слова. Я плакал, плакал, осознавая, что скоро она уйдёт, и когда вернётся – неизвестно. В это время она была для меня и мамой, и папой, которых я не помню. Заботливой, любящей, единственной на свете. Я торопился надышаться присутствием и теплотой единственного родного человека. Родительской ласки, внимания я не знал. Меня пугало, что она пришла и вскоре потеряю её на неизвестное время. Время встречи стремительно летело, словно пуганая птица. После её ухода я вновь садился у окна, плакал и смотрел на просёлочную дорогу, по которой она пришла. В ожидании каждый день тянулся, словно резина, и конца ему нет. Бабушка приходила неоднократно. Через годы я представляю, каких невероятных сил требовали от неё эти приходы.

С окончанием войны тысячи детей Белоруссии оказались в детских домах. В Витебской области их было более сотни. Дети, потерявшие родителей, как цыплята-бройлеры, оказались на попечении воспитателей с 5–6-классным образованием, которые по мере возможности учили нас уму-разуму, но не дающие нам родительской ласки. Война убила у них чувство сострадания, понимания нас, детей. В детском доме, закрывшись с головой одеялом, горько плакал я от тоски и одиночества, от потери любимой бабушки.

Временами, казалось, без видимой причины, появлялось угнетённое состояние, гнетущая тоска. В это время по щеке катилась крупная, одинокая слеза, сбегаящая на подбородок. Они всплывали во время учёбы в ПТУ, вузе... Тоска, как мутный поток, невольно всплывает из моего сознания, когда оказываюсь в одиночестве.

Страх голода не исчез бесследно с раннего детства. Примерно с двух лет он преследует меня, не отпускает, держит в цепких лапах до настоящего времени. Он живёт во мне, как собака на подворье заботливого хозяина. Прошло 80 лет, как он, голод, схватил меня в свои объятия, но бабушка помешала мне умереть. Казалось, память о голоде должна стереться в сознании, но не стёрлась. Голод время от времени напоминал о себе, пусть не в полной мере. В раннем детстве он шёл за мной по пятам, был моим вторым «я». В детском доме первое время чувство голода не покидало меня. Я кусочек хлеба прятал в укромном месте, чтобы потом съесть, скрываясь от детских глаз. Затем в ПТУ на скромном питании, в вузе на небольшой стипендии. Летом во время учёбы находил любую работу, включая грязную и тяжёлую. Заработанные деньги я считал и берёг невероятно. Страшно вспомнить, до какой степени я был бережливым.

Память о бесценной бабушке нередко всплывает в моих мыслях. Облик её

не отпечатался в моём сознании со времён, когда «бегал под стол пешком» в коротких штанишках. Светлая память о доброй, милой, заботливой бабушке, сохранившей мне жизнь в страшные военные и послевоенные годы до конца жизни останется в сердце моём. Я вспоминаю своё далёкое детство, когда не жил, а выживал, проходя между жизнью и смертью – «по острию бритвы», опасаясь упасть в бездну. Бабушка спасла меня от неминуемой гибели.

СИРОТСКАЯ МОЯ ЛЮБОВЬ

О своей большой дружбе в далёком детстве хочется рассказать... В далёкие послевоенные годы, когда я остался без родителей и находился в одном из детских домов на севере Белоруссии, мы, шестилетние ребята, и дети чуть постарше, каждый день выполняли обязательные работы: убрать двор, заготовить дрова для кухни, почистить картофель. Случалось и свободное время, которое использовали по своему разумению. С первого лета изучили окрестные места, подружились с деревенскими ребятами, которые рассказывали нам, какая рыба водится и на какую наживку её ловить. Со страхом говорили, что из леса ночами слышен волчий вой. Самым любимым нашим занятием была рыбалка. Мы делали примитивные удочки, цепляя к леске крючок из проволоки, а поплавки вырезали из коры сосны. Ловили на речке окуньков и плотву. Помню, сколько было потехи у моих друзей-рыбаков, когда своего первого окуня я поймал за хвост. Рыбу мы нанизывали на кукурузный жерех и несли в столовую, что было хорошим подспорьем к нашему скудному сиротскому пайку. Недалеко от детского дома жил участник Великой Отечественной войны, которого мы звали дядя Вася. Пробегая мимо, здоровались, и, сверкая босыми пятками, бежали дальше.

Однажды весной я увидел возле дома дяди Васи лошадь, запряжённую в телегу. Я попросил разрешения погладить лошадь. Дядя Вася кивнул головой в знак согласия. Однако лошадь никак не прореагировала на моё прикосновение. Тогда, набравшись смелости, я коснулся её ещё раз, приговаривая: «Лошадка, не кусай меня. Вот увидишь, придёт, придёт время, ты будешь узнавать мой голос, есть из моих рук...». Я подошёл совсем близко. Лошадь стригла ушами, переступая с ноги на ногу. Видимо, ей непривычны были такие «нежности», да и само присутствие постороннего человека, хотя бы и ребёнка. Несколько дней спустя я окончательно осмелел и начал осторожно гладить лошадь по спине, шее, за ушами. Положив на губы ладонь, почувствовал поток тёплого воздуха и нежное прикосновение. Всякий раз, бывая у своего нового знакомого, которого я прозвал Резвым, я говорил ему приятные слова. Он всё больше привыкал ко мне, и мы стали доверять друг другу. После очередного свидания я припрыжку бежал к себе в детский дом, словно повиделся с хорошим другом.

«Пора его чем-нибудь угостить», – подумал я. И, тайком от воспитателей, принёс корочку из своего жалкого хлебного пайка. Дядя Вася уже разрешал мне помогать расчёсывать гриву, убирать, выполнять другие работы. Резвый обнюхал моё угощение и осторожно взял тёплыми губами, отрывисто дыша

мне в ладонь. Я с восторгом смотрел в его большие тёмные и влажные глаза, слушал, как он с аппетитом жуёт, слегка покачивая головой. Глядя Резвого по широкой шее, я говорил: «Мы обязательно подружимся, у меня ведь никого нет кроме тебя. Как я хочу, чтобы ты стал моим другом».

В первые годы после войны лошадей в деревне не хватало. Резвый был нарасхват. Только и слышалось: «Василий, вспаши огород, привези дров, сена». Он не отказывал, потому что деньги на покупку лошади собирали всем миром. Как-то зимой Василий поехал в лесничество в районном центре решать вопрос с заготовкой дров. Припозднился и возвращался уже затемно. Поскрипывали полозья, возница вольготно развалился в санях, укрыв ноги шубой. Думал о чём-то своем, забыв об опасности, грозящей в те годы одиноким путникам. Проехали поля, и начался тот самый глухой лес, откуда до жителей деревни доносился волчий вой. Лошадь заржала и понесла. Василий понял: «Волки!». Принялся стегать лошадь, хотя она и без того мчалась во весь опор. Заметив волков, настигавших сани, задрожал от страха и взмолился: «Поддай ещё, милая, а то как пить дать съедят и косточек не оставят!». Вдыхая пугающий звериный запах, Резвый прибавил скорость в этой бешеной скачке. Когда первый волк поравнялся с возком, Василий хлестнул его бичом поперёк морды. Сыромятный конец с узлом, видимо, попал по глазам, потому что волк, взвыл и опрокинулся. Второй замешкался и отстал. Остальная стая была ещё далеко позади. Деревня выросла в ночи силуэтами домов с дрожащими в окнах огнями. Возле дома Резвый остановился как вкопанный. Бока ходили ходуном, словно меха гармошки, от тела валил пар, из углов рта спадала пена. С трудом сдерживая дрожь в теле, возница слез с саней. Ветошью протёр своего спасителя, выпряг, укрыл мешковиной и старой фуфайкой, отвёл в стойло. Назавтра о происшествии знали все. Удивлялись и хвалили Резвого. Обняв за шею четвероного друга, я угощал его корочкой и, поглаживая по голове, шептал: «У тебя самые быстрые ноги, на тебя можно положиться».

К сожалению, Василий оказался неблагоприятным хозяином. Началась летняя заготовка дров, и лошадь работала на износ. Жару переносила плохо, а тут ещё комары, оводы, гнус. Хвост помогал мало, не избавляя от нападения кровососов. Увидев его после рабочего дня, я ужаснулся, настолько он был жалок. Угощая корочкой хлеба, негодовал от обиды, не сдерживая слёз. Не лучше стало и осенью, когда кончилась заготовка дров. Лошадь исхудала, хозяин не баловал её и мало кормил. Я принёс ему всю свою пайку хлеба, обнял за костлявую морду и дал волю слезам. Ну никак не мог я понять своим детским умом, почему дядя Вася так безжалостно относится к своему кормильцу и спасителю?

Я вырослел, заканчивалось детство. А мой друг Резвый после многолетнего непосильного труда лишился последних сил. Однажды понадобилось вывезти из леса несколько брёвен. Почувствовав, что Резвому грозит беда, я пошёл в конюшню. Лошадь стояла, низко опустив голову, равнодушная ко всему, было ясно, что не сможет она выполнить работу. Василий схватил кнут и принялся жестоко избивать измученное животное, оставляя на теле рубцы. Схватив его за руку, я закричал: «Не смей бить, палач! Лучше бы тебя самого волки съели!». Он вздрогнул, как от удара, отбросил меня в сторону и вышел. А я прижался

к рыжей морде лошади, из глаз которой катились редкие, крупные слёзы. Я плакал, не в силах остановиться, и шептал слова утешения. Опустив голову на моё плечо, Резвый, казалось, кивал в знак согласия.

Многому научила меня суровая пора моего сиротского детства. Окончив медицинский институт, долгие годы занимался врачебной практикой, лечил людей. И порой замечал, как испытанные тогда чувства помогают в профессиональной работе.

Давно истлели кости Резвого. Нет на свете и его неблагодарного мучителя, не ступит он ногой на конский череп. Зато добрый и безотказный трудяга навсегда остался в моей благодарной памяти, научив самому главному в жизни – любви.

ЧАЙКА НА ЛЬДУ

В марте я ехал в Томск по своим делам. В вагоне находилась группа рыбаков, среди них – мой товарищ Геннадий. Он рассказал случай, который произошёл в прошлом году во время рыбалки.

– Зима добежала до середины декабря, – рассказывал Геннадий. – Мы с товарищами сели в машину, поехали на Скалу рыбачить. Так называется высокий крутой берег речки в Яшкинском районе.

Когда серость начала борьбу с темнотой, рыбаки спустились с берега на лёд и начали бурить лунки. Вскоре появилась первая плотва. Пойманная рыба после двух-трёх прыжков на льду застывала – мороз минус двадцать! Время незаметно шло, улов у каждого увеличивался. К обеду рядом с нами на льду выросли небольшие кучки белой рыбы. Вдруг с небесной высоты бесшумно опустилась чайка, все бросили рыбачить, стали с изумлением смотреть на неё. Птица находилась в метре от меня, и я хорошо её рассмотрел. Размером не больше рябчика, ладно сбита, компактная фигурка. Ухоженное оперение отливало матовой белизной, плотно прилегало к телу, образуя удивительно привлекательное создание. Мне показалось: это не чайка, а волшебство в птичьем обличье. Любуясь, я понял: природа создала необычную птицу. Для меня чайка – ангел в белом облачении. Особенно сказочно смотрелась она на льду в зимнюю дикую стужу. При виде её дух захватывало, и я подумал: «Неужели этот бесценный подарок для души наяву, а не сон?». А птица, слетев на лёд, вначале осмотрелась, затем подошла к ближайшей кучке с рыбой, захватила одну из них клювом, пробуя «на зубок», но вскоре уронила на лёд. Затем подошла к другой, и всё повторилось. Рыба была тверда, как кость. Её невозможно было согнуть, сломать, проглотить... Тонкий клюв не способен на подобное. Разочаровавшись, чайка направила свой взор на каждого из нас поочередно. По-видимому, голод мучил её. Весь вид птицы говорил: «Люди, я есть хочу! Помогите моей беде, поймите для меня рыбку! Я прилетела, не испугавшись вас, от голодной жизни!».

«Она нуждается в свежей, не мороженой, а лучше живой рыбе! Почему сию, теряю время?» – спохватился я и неслышимым для друзей голосом стал просить, умолять Всевышнего и «Господина случая», кого угодно: «Дорогие,

бесценные, помогите поймать рыбку! Я не хочу, чтобы чайка улетела голодной!». И – чудо – меня услышали. Я извлёк из лунки трепещущего чебака, бросил гостье. Она схватила его со льда, захватив посередине клювом, словно пинцетом, и проглотила. Я вновь опустил мормышку с опарышем в воду. На этот раз вытащил приличную рыбу. Среди нас, рыбаков, говорят – «четвертная», положил рядом с птицей. Чайка подобным образом закусил и второй. После сытного завтрака чайка поднялась на крыло, долетела до крутого берега, исчезла в кустарнике, где, по-видимому, спряталась в снежных сугробах или под упавшими на снег ветвями тальника.

ОДА ЗЕМЛЕ

Весна в разбеге своём вместе с солнцем избавила землю от надоевшего снега, превратив его в иное состояние – воду. И заполнила углубления, неровности, прочие раны земли. Так появились лужи, ручейки, ручьи, которые устремились к более крупным водоёмам. Я иду по старой, заброшенной лесной дороге, на которой разные по размеру лужи местами преграждают путь, вынуждая обходить их стороной. Но и это не всегда помогает. Я, как ни пытался аккуратно пройти рядом с одной из больших луж по старой траве, но всё же нога соскользнула в воду. Из-под сапога брызнула влага на обочину дороги. Таким образом я невольно принял участие в том, чтобы умыть самую малость «личико земли». После многих зимних месяцев земля неумытая, как мне показалось, дышит, тихо возмущается, жалуется неизвестно кому на свой неприглядный вид. Немного терпения, и она дожждётся дождей, которые смоят грязь и пыль с травы, этого мягкого покрывала на её теле.

Несколько тёплых дней, и на неприбранной «голове» земли с «седыми волосами» старой травы прорастёт зелёная шевелюра, скрыв оставленные осенью беспорядки. Так земля из серой неприглядной замарашки ранней весной за две-три недели превратится в «цветущую даму». Всё, что ползает, бегают, летает, и в том числе земля, нуждается в чистоте и опрятности. Муха после сытного обеда усердно умывает «мордашку». Богомол, закусив бабочкой, чистит «лицо» лапками. Птичка, «отобедав» чем бог послал, неоднократно обтирает клюв о сук. Землю в положенное время очищают, умывают ветры, дожди, снега.

Человек, не загрязняй, не захламляй наш такой ранимый «шарик». Он единственный, и прекрасней его нет.

Надежда ПОЧУЕВА

В ОКОННОЙ РАМЕ – УТРО

ЕСТЬ ЗАКОНЫ

У природы всё без суеты.
Тает снег. Весной цветут сады.
Соловьи поют в июне и дрозды.
Созревают к осени плоды.
После листопада снег идёт.
Есть законы, правила, черёд.
Совершают гуси перелёт
С севера на юг зимы вперед.
Люди нарушают всё подряд.
Нет гармонии, царит разлад.
Слёзы на глазах, а в горле ком.
В хаосе живётся нелегко.
Сколько разных «если», «может», «вдруг»...
Верен ли ещё мне лучший друг?..
Утомлён сомнениями дух.
Не устал бы только наш Пастух.

УВЫ

Душа ранима, не руби сплеча.
От слов напрасных боль, как от бича.
Обиды жгут. Губительны они,
Крадут у жизни радость. Гнев уйми.
Рубцы на сердце. В пепле голова.
Торчат гвоздями в памяти слова,
Жестокие порой. Забыть?.. Забыть...
Великодушно надо всё простить.
Подумать только – сколько жизни той?
Живём во зле. Всё делаем не то.
Бог наделил любовью всех, но мы
Предпочитаем гневаться. Увы.

НЕ ОПОЗДАТЬ БЫ

Стою пред дверью, но войти не смею.
Цепь из пороков лязгает – мне с нею
Куда... Да и не пустят силы Света
Отступницу от Божия завета.
Цепь прирастает звеньями всё больше:
Кольцо к кольцу... Доколе же?... О, Боже!
Как разорвать её, освободиться?..
Не опоздать, до срока б измениться.

В ДОРОГЕ

Слава Богу за всё, слава Богу.
От рожденья по жизни дорогу
Под Покровом – Царицыным платом,
За идущего ангела рядом.
Плечи прямо несущий иль согбенна –
Под защитой живу, несомненно.
Под присмотром шагаю дорогу.
Слава Богу, за всё слава Богу.

СМИРИТЬСЯ, ДА И ТОЛЬКО

По «крыльям» бьёт недуг телесный,
И тем немало огорчаюсь.
Слеп человек, и это — благо?
Отцы Святые, нет... Увольте.
Я не согласна... Я не вижу.
Мне лично плохо. Это точно.
Но сохранила память краски
Великолепия земного.
Да. Прежде видела немного.
В природе столько всех оттенков...
Не рассказать, их видеть надо:
Траву, цветы, листву деревьев,
Кувшинки белые в озёрах...
А снег, искрящийся на солнце...
Всё видеть, собственно, – вот радость.
Рассвет, закат и звёзд сиянье,
Луну в ночи, красоты неба.

Я говорю, хожу и слышу –
За счастье это Слава Богу!
Но, право, есть такое в жизни...
Ребёнка личико, улыбку –
Услышишь разве? Невозможно.
То видеть надо, согласитесь.
Нет чувства зрения – вот «благо»...
Не пробежать по строчкам книги,
И не взглядеться в слог поэта...
Всегда зависишь от кого-то.
Быть независимой, свободной
Не получается без зренья.
Есть сонм потребностей, желаний...
Но надо жить с тем, что имею.
Слеп человек, допустим, благо
Лишь относительно... И только.
Прошу простить меня за ропот,
Слабы духовно ум и сердце.
Глух человек иль нем – всем горько.
Не всё полезное, однако,
Бывает радужным и сладким.
Я о душе – о христианке.
Важнее зрячесть ока сердца.
...Всё ж я счастливая. Я помню,
Я знаю небо голубое,
Я знаю, как играет «зайчик».

БЕЗ ТЕБЯ

И снова нет тебя со мной.
Ты улетел. Печальны дни
И хмуры, осени сродни.
Не хорошо – мне быть одной.
В мою звонят не часто дверь.
Безлюдье: редко кто зайдёт.
В груди обильно грусть цветёт.
Почти затворница теперь.

ПОВОДЫРЬ

Поводырь мой, по жизни с тобой
Параллельно идём, друг за другом.
Обрела в тебе верного друга.
Не пройти меж тобою и мной.
Взялись за руки, пальцы в замок.
Шаг за шагом. Закаты, восходы.
Путешествуем долгие годы.
Сколько сношено нами сапог...
Локоть к локтю – мы вместе везде.
Путь земной наш тонами расцвечен.
Белый день или сумрачный вечер...
В небе нашей помашем звезде.

ЛЕТНИЙ ДОЖДЬ

Разразилась гроза среди дня.
Петуха тут же сдуло с плетня.
Клушка, квохча, цыплят под крыло
Чуть успела собрать – полилось!
Летний дождь – тёплый душ лил с небес.
Шарик – пёсик – залез под навес.
Гуси с выводком рады дождю:
Их стихия. С водицей в ладу.
Тучи вылили весь свой припас.
Стал не нужен собачке лабаз.
Отсырели дрова и кизяк...
Но – гогочет, доволен гусак.
Дом снаружи мокрющий – обмыт;
Серебристая крыша блестит.
Дед с бабулей с крылечка глядят:
Небеса снова вёдро сулят.
Небо тихое – гром не гремит.
Клён омытой листвой шелестит.
Вновь уселся петух на плетень
Возле крынки. Разъяснился день.

МЕДВЕЖОНОК

Восседает на диване
Медвежонок, при панаме.
Мне, подростку, был подарен.
...Память из далёкой дали.
Симпатичная игрушка.
В день рождения Валюшка,
Старшая моя сестрёнка,
Подарила медвежонка.
Детство, юность пролетели.
И уже в свои пределы
Из родительского дома
Мною взят мишутка Тёма.
Милым мишкой забавляли
Карапузов. С ним играли
Сын, племянники и крестник.
Он – семье сестры ровесник.
Мех коричневый скатался.
Блеск лишь в складочках остался.
Отчего так дорог мишка?..
Он в руках моих, что книжка.
Старый плюшевый мишутка –
Сорок лет ему, не шутка.
А на вид совсем малышка.
Как живой сидит. Мой мишка.

В ДОМЕ РОДНОМ

Громыхает. Сверкает. Темно.
Днём, что ночью. Полил дождь стеной.
Буйство света и тьмы – за окном.
Хорошо, сухо в доме родном.
Кровля нашего дома без дыр:
Так отец за избою следил.
Хлещут струи по стёклам, стучат,
Разбиваются, брызги летят.
Сечь меж туч. Небо в молниях. Жуть.
Страшно: могут по нам полоснуть.
Осенила мать окна крестом.
Сохранён, слава Богу, наш дом.
Громы стихли. Текут ручейки.

Утки плещутся в лужах. Щенки
Из укрытий бегут – кто вперёд...
Голубым стал и солнечным свод.

МАЙ НА ДВОРЕ

Весна подходит к рубежу,
На горизонте брезжит лето.
А за окном-то, погляжу,
Снег сыплет без просвета.
Начало мая на дворе.
Цветут сады на юге.
А в Стрежевом – что в сентябре,
Что в мае – кружит вьюга.

МОЙ ГОРОД

«Мой город – капелька России».
К душе пришла мне эта строчка.
Есть не на всякой карте точка –
Град Стрежевой. Он – есть! Красивый...
Среди болот, тайги – Мессия
Определил быть Нефтеграду.
Я принимаю за награду –
В нём жить. О, капелька России!

Александр РАЕВСКИЙ

ОСЕННИЙ СВЕТ К ЗЕМЛЕ ПРИЛЬНЁТ...

КРЕЩЕНСКИЙ ДЕНЬ

Улицы, дома и переулки
Сжала стужа жёстко и всерьёз –
Так, что в рощах деревенских гулко
Лопались стволы седых берёз.

Глубина вселенская звучала
Тонким-тонким звоном бубенца.
Этой песне не было начала,
Этой грусти не было конца.

Холодно и солнечно на диво!
Смолкли все земные голоса.
...Что-то на земле происходило...
...Что-то совершалось в небесах...

И никто не ведал, что в пределах,
Где-то на задворках бытия,
Тихо во дворе заиндевелом
Мальчик очарованный стоял.

* * *

Травы, звери, птичьи переливы!..
Радуясь, мелькая и звуча,
Всё живёт в неведенье счастливом...
Только людям ведома печаль.

Знаем мы, что есть на свете нечисть,
Только, уподобленным почти,
Нам понятия «вечность», «бесконечность» –
Разум, бедный разум! – не постичь.

Но зато – как милость иль немилость? –
Осознать такое не суметь,
Свыше нам зачем-то приоткрылась
Сущность рокового слова «смерть».

Проступая сквозь свинец ненастья,
Сквозь весёлый полдень голубой,
Чёрная «memento mori» надпись,
Словно меч, висит над головой.

С тайною надеждой и тревогой,
В большинстве своём на склоне лет,
Молим приютиться ближе к Богу,
Веря: рядом с Богом смерти нет.

АЗИЯ

Май в казахской степи. Маки в алых рубашках.
В море маков бежит золотая казашка.

Под закатом густым пламенеют просторы...
Выше – розовый свет; дальше – синие горы.

Там равнина; там дол; там, на склоне уютном –
Философский дымок у задумчивой юрты.

Пронеслись табуны за седыми веками,
Всё былое вдали улеглось облаками...

А казашка бежит, лепестки растревожа, –
Сколько воли гнедой, сколько юности, Боже!..

САД

Предзimyю всю печаль передоверив,
Октябрь отшептал... В пустом саду,
Как на гравюре, чёрные деревья
Кривых ветвей явили наготу.
Примолкло всё: остывшие тропинки,
И за ночь поседевшая трава,
И та скамейка с выгнутою спинкой...
...Листва так ломко хрустнула сперва;
Возню небесных хлябей укрощая,
Морозец молодойдохнул затем, –
И падал снег... деревья превращая
В букеты свежих, сонных хризантем.

Захочется на миг побыть счастливым,
Любимым быть захочется опять,
Средь яблонь одиноким черносливом
В том белом сне без шапки постоять...
Но вдруг кольнёт, что всё не так отныне,
Что прежнего себя не повторить,
Вот – сердце есть, но в нём сверкает иней,
Вон – есть цветы, но некому дарить.

РУССКИЙ СЕВЕР

Средь камней изумрудная травка,
Глубже с метр – уже мерзлота.
Вроде лето, а прут без антрактов
Стаи туч... и тоска ещё та.
Ещё та, говорю я, погодка!
Голый берег под светом скупым,
Лишь у кромки тяжёлая лодка
Спит тревожно, как пёс на цепи.
Выше! к людям! к амбарам и избам,
К тем продутым ветрами местам,
Где отсутствуют всякие «измы»,
Жизнь сурова и с виду проста.
Там солёная рыба в подклетьях,
В тихих комнатах строгий уют;
Там на кольях развешены сети,
И поморы в бахилах идут.
...Тучи, тучи – сплошная морока,
Воздух даже на ощупь свинцов;
И в пальтишке стоит одиноко
Кто-то грустный, как трезвый Рубцов.
Эта близость студёного моря,
Эти сивых туманов слои...
Храм бревенчатый стойко на взгорье
Держит ржавые шлемы свои.
Он давно уже необитаем.
Лишь в окошке глухом в тёмный час
Жёлтый отсвет дрожит... Словно тайно
Кто-то молится. Может, за нас.

* * *

Глухие дебри. Луч прощальный...
Гниют болота. Дремлют совы.
Там – одинока и печальна,
Людьми забыта, бродит совесть.

Там нет жилья и нет дороги.
Туманы сыро липнут к платью,
Быльё босые режет ноги –
Идёт она и молча плачет.

Стремясь к богатству и успеху,
Её, как дряхлую служанку
И как досадную помеху,
Прогнали прочь... А ей всех жалко.

* * *

*И не могу я в этот дом
Войти без низкого поклона.*

Виктор Баянов

Свет вечерний высок. Ещё нету семи.
У конторы автобус споткнулся и скрипнул...
Ты приехал домой – что ж так сердце щемит? –
Ни шагнуть, ни вздохнуть и ни вскрикнуть.
Свет вечерний высок. Далеко до росы.
А над крышей родимой твоей развалюхи
Бравый клён шелестит – так нелепо красив! –
Как гвардейский султан на мужицком треухе.
Эх ты, дом, ты мой дом, что поделаешь тут.
Для живущего здесь населенья
Ты всего лишь чудной бабки Марьи закут,
Для меня же – начало вселенной.
Всякий раз заходя в сень простых потолков,
В предзакатных лучах, как в оранжевом дыме,
Я крещусь на портреты своих стариков,
На которых они молодые.
Здесь когда-то твоя загорелась звезда,
И от высшей печали заплакал впервые...
Детских лет голоса, отзвенев навсегда,
В ленты радуг ушли и в цветы полевые.
...Вот приблизишься и... мать не выйдет встречать.

Той минуты страшусь до иголок по телу! –
Мне куда приезжать? Где мне выть по ночам
От всемирной тоски оголтелой?!
...Редкий лай, палисад, сон травы под окном,
Мирозданья огни... – или это всё тени?
Появляясь на свет, мы всё знаем о нём,
Покидаем в неведение, в горьком смятенье...
Дан приход и уход. Ничего на века.
Но я так не хочу, я на Бога в обиде, –
Без меня над землёй будут плыть облака,
Но как я – их никто больше так не увидит!
Этот день голубой мне глаза напитал,
От подлунных ночей голова серебрится;
Пусть когда и шатнусь, но я жить не устал,
Это сердце в груди не готово разбиться!..
Ничего, ничего, мы ещё поживём.
Пусть косая не шлёт свою группу захвата;
Улыбнуться сквозь слёзы, вздохнуть о своём...
Ну, веди меня, матушка, в хату.

ВОТ ПРИЕХАЛ

Вот приехал в январе.
Крыши. Тени синие.
Тихо. Белая сирень –
Не в цвету, а в инее.

Снег небес вокруг избы
Чистоты исполнен;
Что ж такое позабыл,
Что ж такое вспомнил?..

Прощемлюсь в калитку я,
Обращусь к сирени:
Что молчишь, сестра моя,
Божие творение?

Разгорается уже
Красота закатная...
Тихо, благостно в душе,
Что ж слеза вдруг капнула?

Разожгу среди зимы
Мёрзлые поленья;
Жаль, с тобой исчезнем мы,
Божии творения.

Вслед другие зацветут,
Иней их застудит...
Нас с тобой не будет тут.
Нас совсем не будет.

* * *

Наевшись жизни оголтелой,
Устав сражаться в темноте,
Устав метаться в тесноте,
Душа донашивает тело,
Уже готовая взлететь.

Уже ей чужды мир жестокий
И агрессивная среда.
Покинув землю навсегда,
К своим таинственным истокам,
К мирам ли грозным и далёким –
Взлетит куда?..

* * *

Молодая мама своему сыночку,
Сидя у окошка, под синиц свистки,
Вышивала в полдень синюю сорочку –
В крестик чёрно-белые цветки.

Лишь всего два цвета (ниток было мало),
Только в два рядочка стёжка пролегла,
Только на сорочке, но хотела мама,
Чтоб в цветах вся доля у него была.

С трёх икон святые молча наблюдали.
Над шитьём витала лёгкая рука.
За окном сияли голубые дали,
Зеленели травы,плыли облака...

Дорогая мама, как ты угадала.
В стороне далёкой после, без тебя,
Вышилась сыночку (ниток было мало)
В крестик чёрно-белая судьба.

К ДЕРЕВНЕ

Встаёшь и спозаранок шарить спички...
Деревня, ну опять ты, ё-моё,
Укуталась в ненастье, как чумичка,
В осенне-беспросветное хламьё...

Да хватит облачаться по старинке,
И печь топить особой нет нужды.
Ну что ты по привычке моешь крынки –
Кому они, щербатые, нужны?

Никто не навестит, не приголубит
Забытую в забытом том краю,
Лишь дети городские как бы любят
За пенсию несчастную твою.

В глуши ты и сама почти глухая,
Теряешь ум, по-старчески чудишь.
Уж у окна печально не вздыхаешь,
Лишь в никуда невидяще глядишь...

Деревня! Погоди ещё немножко!
Принарядись. Нам нечего терять.
Накроем стол. Я сдую пыль с гармошки –
И с песней!.. Помирать так помирать.

ЗОЛОТОЙ ЖУК

Осенний свет к земле прильнёт,
Печаль высокую прольёт...
И в чаще, ржавой до изнанки,
Лешак нечёсанный вздохнёт,
Рябина красным полыхнёт,
Как шалью смуглая цыганка.

Денёк погодой одарил
И поздним солнцем озарил,
Сменил унылые картины;
В кусту, застрявшем в камыше,
Блестит, похожий на мишень,
Лоскут ажурной паутины...

...Бредёшь в стеклянной пустоте
С невольной думою о тех,
Кто здесь топтал тропинки эти:
Ушли в грядущие года,
Иль в никуда и навсегда –
Прожив своё и не заметив?..

Луч низом медленно скользит,
Травинку острую пронзит
До самой тоненькой прожилки;
Жук золотой по ней ползёт,
Ползёт, родной, своей стезёй,
Упорно так – как я по жизни...

ЗЕМЛЯ

В чёрном космосе, как бы случайно
Приютившая рой человечесий,
Странный свет голубой излучая,
Еле слышно планета щебечет...
Неподвластны законам науки,
С постоянством каким-то напрасным,
В ней рождаются жизни и звуки,
Чтоб мгновенно в безвременье гаснуть...
Всё живое под солнечным светом
Возникает, кипит, умирает...
А вселенский безжалостный ветер
Следом хрупкую память стирает.

Ольга ГЕЙН

И СИНЕВУ НЕБЕС, И БЕЛИЗНУ БЕРЁЗ

* * *

За что поэту так любима осень?
За листьев цвет, похожий на янтарный,
За колыханье спелой ржи колосьев,
За образ простоты элементарный.
За так любимый мною шёпот ветра,
За пенье птиц в меланхоличном тоне.
Мне видится осенняя Деметра,
В пальто просторном, лёгком, как в хитоне.
Рукой она моей руки коснулась,
Я шла за ней, не проронив ни слова,
Над головами солнце вдруг блеснуло,
И светом озарился лес сосновый.
От яркости ослепла на мгновенье.
Моя Деметра растворилась вовсе,
Оставив лишь Борея дуновенье.
За это всё поэт и любит осень.

* * *

Тихо чайник на кухне шепчет,
Дверца шкафа скрипит устало.
Заглянул мне в окошко вечер
И звезду у порога оставил.
Не сказав ни единого слова,
Он растаял с приходом ночи.
Слабо лучик сверкнул – он поломан,
Я решила его склеить скотчем.
А под утро звезда пропала,
И искать уже было поздно.
Вижу: в небе блестит металлом.
Я теперь ремонтирую звёзды.

У нас осталось несколько минут:
По-дружески пожмёшь мне крепко руку
А я в ответ сожму слегка твою,
Как полагается в прощании с лучшим другом.

Последний раз смотрю в твои глаза:
Живи свободно, сбросив все оковы.
Беги скорее, чтоб не опоздать.
Я отпускаю, так и не сказав:
Благодарю за то, что мы знакомы.

* * *

Летом расцвели ромашки –
Простоят до осени,
А девчонки-первоклашки
Погадали – бросили.
Только хитрый одуванчик
В руки не даётся.
Чуть коснётся его пальчик –
Пылью обернётся.

ЗАКАТ

Я тяну к нему руку – слегка прикоснуться
К его чуть лиловеющим нитям.
Он мне каждую ночь обещает вернуться,
Принося из тумана прикрытье
Одеялом цветов на просторе небес,
Но гостить он подолгу не может,
Рассекает его горизонт, как порез
На его фиолетовой коже.
Всё пыталась я с ним завести разговор,
Но мгновенно вдали он теряется.
Он крадётся, как солнце похитивший вор,
Но я знаю, что он притворяется.

* * *

Стою, укутавшись плащом,
Под шаль мне ветер заползает,
Опутал ласковым плющом –
Мы будто встретились глазами.
Листок кленовый приколол,
Воротничок на мне поправил.
Мне с ним бывает так легко...
Сняла очки в большой оправе,
Доверилась его рукам,
И мимо окон – к серым крышам!

Я прячу краешек платка,
С порывом каждым мы всё выше.
Как дым, растаял зыбкий день,
И вновь в своём репертуаре.
Я опустила в мир людей,
Опять стою на тротуаре.

* * *

Я ушла бы в себя, как в пустыню,
Я змеёю по дюнам бы ползала.
И ждала бы, пока остынет
Раскалённое солнце розовое.
Я ушла бы от солнца дня,
Я б совой полуночной летала.
И светил из-за туч для меня
Острый месяц цвета металла.
Я б нырнула поглубже в тень,
Я махнула хвостом бы щучьим,
И смотрела, как меркнет день,
Расстилается мгла тягуче.
Я бы скрылась, пропала во тьме,
Я в себе бы замкнулась полностью...
Но навек затоскует во мне
Человечек мой светлый, солнечный.

* * *

Воздушная петля легка, почти летает,
Её поймала мамина рука.
Восторга не тая, я тихо наблюдаю,
Как из петель рождается река.
И шаль на плечи мне ложится, обнимая,
На ней всегда весна – в любой мороз,
Как будто тонкий мел, рисует нить, петляя,
И синеву небес, и белизну берёз.

Надежда Митягина

ПОД КРЫШЕЙ МИРА

*Имена и фамилии героев, события и места действий –
плод авторского вымысла*

*Всему на свете истинную цену
Отменно знает время – лишь оно
Сметает шелуху, сдувает пену
И сцеживает в амфоры вино.*

И. Губерман

*Небо и Земля лишены сострадания. Вся тьма
вещей для них подобна соломенному чучелу...*

Дао Дэ Цзин

* * *

– Отцепи клещи, бульдог!

– Постой, кто разрешил? Какая муха тебя укусила?! Подожди, идём завтра!

– Слышишь, ветер? Он зовёт... Я должен идти.

– Ну не баран ли, Алый?! Куда? Прогноз плохой, ты ночь не спал!! Сгинуть хочешь? Я против! Запрещаю.

– Тогда оставайся, а надумаешь нагнать – буду рад. Если что, сам отвечу.

* * *

Егор Ильич прошёл к раскрытому окну ординаторской. Вдохнул ясную свежесть октября и потянулся крепко сбитым телом, разминая затёкшие у операционного стола мышцы. Упёрся руками в подоконник и взглянул на почти прозрачную рощу у больничной ограды. За верхушками берёз, на обманчивом расстоянии – рукой подать – синими аилами маячили горы, кольцом окружавшие Горно-Алтайск. На плечи дальних вершин кое-где легли узорные снежные шали.

Егор Ильич жил в Горно-Алтайске с окончания института. На его глазах благодатная долина с длинным проспектом становилась тесной, и частное жильё новосёлов уже грибами росло по склонам.

Иногда после больницы он мог пройтись вдоль реки, близ Национального театра – слушая шёпот кая, незримо падающий с небес, у старых купеческих особняков – были, у каменных ущелий – слухи о легендарной джунгарской и казачье-кержацкой истории. Вспоминал и семейные предания о своей при-

частности к знаменитому роду, о чём особо не распространялся: когда и что там было, как говорят деды, «река давно унесла».

Солнце, ныряя меж облаков, словно звало выйти и куда-то бежать следом за ним по тропкам сосновых предгорий и опустевших дач. Ветерок раскидал ворохи листвы, подхватил стайку воробьёв. На подоконнике зашелестела оставленная кем-то из коллег газета в пятнах картин с леденящими душу предсказаниями конца света, донеслось «дин-дон, дин-дон» – басовитые перебивы колоколов от звонницы православной церкви...

Егор Ильич вслушался в тяжкие звуки металла, терявшиеся где-то во дворах пятиэтажек, и замер, ощутив диссонанс и неясную тревогу. Душевный покой исчезал в смутных догадках: то ли время перемен сказалось на труде звонаря? Или огрубело собственное восприятие? Или кто-то, или что-то... А было отчего.

Профессиональный и гражданский рост Егора Ильича пришёлся на годы, потрясшие фундамент державы. Устройство мира для встревоженных, как пчёлы в разорённом улье, людей менялось с революционной скоростью. Реальные цели, если таковые имелись, верхи удачно скрывали, оттягивая миг прозрения думающих граждан. Жизнь стала как на передовой: всё больше больных и всё меньше койко-мест, лекарств, аппаратуры, а в росте смертности люди винят медиков. В такой ситуации Егор Ильич видел один смысл – добросовестно выполняемую работу, и с головой уходил в больничные будни.

Крик дикой боли из реанимации, следом по коридору прогрохотала каталка, – в операционную, определил Егор Ильич. Он глубоко вдохнул в лёгкие свежесть дня и ушёл к своему столу оформлять истории болезни и выписки.

Из коридора слышались распоряжения медсестёр ходячим больным. В больнице очередной дежурный день, и к гадалке не ходи – до утра «скорые» навезут страдальцев, жертв дорожных аварий, увечных от пьяной резни, пожаров, кому не обойтись без срочной операции.

Кто-то постучал в дверь и звонко окликнул:

– Эзен!¹

Егор Ильич живо оглянулся, невольно присвистнув:

– О, Алла, привет! Что здесь делает наша красавица? – и широко развёл руки. – Входи, располагайся.

В ординаторскую ступила племянница – в джинсовой куртке, брючках и накинутом сверху белом халате. С улыбкой внимательных, с раскосинкой глаз полукровки на гордом от природы лице села на диван – прямая, уверенная, уже не младшая женщина их рода. Отвела за шею «хвост» волос, падавший с вытанутого, как у египтянки Нефертити, затылка, хотя отцом её был русский геолог из Омска, который в заброшенном шурфе получил травму, несовместимую с жизнью. С тех пор племянница принималась Егором Ильичом как дочь. Она старше его Алика на три года, стрекозой-златоглазкой играла с малышом, помогала с учёбой в школе. Упорная с детства, теперь это серьёзная альпинистка, мастер спорта, у неё своё дело, семья.

¹ Эзен – привет.

– Бала², ты с дороги? В отделении скоро обед, а я могу предложить тебе волшебный чай, только что настоялся! Усталость как рукой снимет! – с улыбкой заявил Егор Ильич.

Взял со стола чайник с надписью «Столовая», наполнил стакан и синюю пиалу горячим бордово-бронзовым напитком, заваренным на сборе таёжных корешков, подарке вылеченного пациента. Смолистый аромат таёжной благодатью разлился по комнате.

Подвинув к госте пиалу, пачку печенья и блюдец с тёмными ломтиками курута (из деревенских угощений персоналу), Егор Ильич присел к столу. Нахваливая силу золотого и красного корня, приготовился слушать. Вскользь пожурил, что Алла забыла родню, отпил глоток и откинул голову, смакуя терпкое послевкусие. Племянница, водя ладонью над обжигающей пиалой и катая во рту карамельку, с улыбкой напомнила:

– Ты же знаешь: если Магомет не идёт к горе, то гора придёт к... – и притихла, лучась участием.

По залёгшим у карих глаз морщинкам она видела: не отдыхает, устал её немолодой дядя, сберегая чужие жизни. Экстренный хирург с золотыми руками – большой авторитет в своём деле, безотказен и в постоянном стрессе от риска, сложных разрезов, разрывов и близости смерти. Бывает, после поздних операций тут и ночует, а дома проблема.

Потягивая живительный напиток, Алла рассеянно сказала:

– Вот еду мимо и решила поздороваться. У нас всё нормально. Верочка подросла, ты её давно не видел – такая болтушка! Пока я закрою сезон, в садик поочередно водят бабушка и Диман. Он ушёл в авторемонт, железяки – его стихия. – И жестом над пиалой показала «хватит».

Егор Ильич, задумчиво теребя пуговицу на своём халате, вдруг негромко признался:

– Послушай, бала. Православие и белая вера зовут к одному: от греховных мук – к избавлению и радости. Но вот затих звон от церкви, а в моей голове крутится мысль, ну ты помнишь Хэма: «По ком плачет колокол? Он плачет по тебе». У меня-то порядок, а на душе осадок. Скажи, к чему? У сестры всё в порядке?

– Да, хотя мама переживает, что фабрика закрыта.

– Об этом подумаю. А ты что же, опять на турбазу? Мы с коллегой Иваном сделали ряд операций хорошему парню, его – представь – за огородами напрочь переломал медведь! Люди еле отбили. Звери идут к жилью, ты там хорошенько предупреди охрану!

Алла медлила, беспокоясь о реакции дяди. Нелегка миссия – известить семью высотника о факте, который не предвещал ничего хорошего. Ситуация требовала бережного и нестандартного подхода, но дядя с некоторых пор крепких напитков не одобрял.

Она тронула саднящее плечо, которым больно стукнулась в дверцу автомобиля, на повороте трассы поднимая звонивший радиотелефон. Остановив машину, ещё не веря, кричала в трубку:

² Бала – дитя (тюрк.).

– Повтори, кто сорвался в лавине? Точно он? Когда, где? Ждите, я беру людей и к вам!..

Крылатая буря высот метнулась перед взором Аллы и зависла косматой мертвоглазой ведьмой. К полудню она как из рога изобилия валит снег – крупной или тяжкими хлопьями. И непредсказуем вздох перегруженных пластов – перед обрушением. Снега незримо сползают с нижнего плотного скользкого наста, присоединяя соседние поля, вдруг срываются и летят, свистя на скорости от полусотни до сотен километров в час. Удар тонн льда и наста о дно ущелья вздымает облако белой пыли. В заселённых Альпах так гибнут ухоженные долинские посёлки. Дымчато-голубое божество дальних хребтов, у солнечных подножий величаво принимая восторг и поклонение людей, в выси промахов не прощает.

С лавиной упал брат. Ну не мог он, что-то не так! Но как? Только б не головой вниз... – рассуждала Алла, отбрасывая сантименты. – Сухая лавина бьёт по горлу, мокрая берёт в плен. Под прессом сознание гаснет, и лишь у легко раненных на спасение есть от полчаса до полутора. Но Алик спасатель, молод, тренирован, упорен! Увы – импульсивный романтик, сама ставила на вид!.. Ситуация хреновая, травмы неизбежны, пешим ходом не успеть. Не вариант. Только лететь... Иначе... возможно, уже мы его теряем.

Алла решительно поднялась и, не отводя потемневших глаз, произнесла:

– Дядя, наш Алик...

– Что, альпинисты уже перезимовали лето? – обрадовался Егор Ильич. – Сын приехал, ждать домой? Жаль, твоя тётя в командировке. Но всё отлично, я сам приготовлю ужин!

– Нет, они с Костей ушли на хребет, сегодня поднялись, – глухо прозвучал ответ.

– Опять служба! Но уже возвращаются, рапортуют? Продолжай, зачем молчишь? – мягко настоял вмиг настороженный Егор Ильич.

– Такое дело, ты выслушай спокойно. Там как раз сошла лавина, и ситуация пока непонятная. Спасатели, все отряды ищут. Будем надеяться, обойдётся испугом. Шансы есть.

Егор Ильич закашлялся. Отставил чай. Железная воля, выработанная точной работой на сложнейшем материале – человеке, требовала сдержанности и здесь, в выражении крайних отцовских чувств.

– Так, и где мой сын?... – строго спросил он, вставая.

– Пока там. Пожалуйста, верь и крепись. Подземных толчков вроде не было. А я в дороге узнала о ЧП и сразу в офис. С Димой зашли в банк, сдала дела, и помчала к аэродрому. У сторожа нашла адрес. Думаю, нам поможет Павел, авиатор спасательной службы, хороший мужик, знакомый с парашютной юности...

Нервно шагая по ординаторской, Егор Ильич понял, что Алла не дозвонилась, с районами связь плоха, всё усложняется. Теперь работать и ждать, сидя на месте, выше его сил. Пулей летела угроза, догоняя единственного сына, словно архара, выслеженного с вертолётá, и требовала личного вмешательства.

– Ясно, что ничего не ясно, – мгновенно подытожил он. – Спасибо, что не скрыла. Маму пока не известим, сердечников волновать нельзя. Значит, так: мы едем вместе. Иду к главврачу: я три года без отпуска. Подожди минуту.

– Хорошо, смогаем в село вместе, – согласилась Алла. – Потом завернём в спорткомитет, соберу команду и...

Скоро они вышли через служебный выход. Медбрат подал хирургу баул с инструментами, автомобиль рванул с места.

За городом, в пожухлой полустепи, кружила пыль, мелькали деревни, коршуны спускались за добычей к норам сусликов.

Егор Ильич, цепляясь за надежду, как за опору, смотрел вперёд, не различая ориентиров, погружаясь в трясину раздумий. Сидящая за рулём племянница коснулась его плеча. Подняла глаза в размазанной подводке, и её гортанный голос поник:

– Знаю, дядя, я виновата: с Костей убедила вас отпустить брата. Он мальцом бегал в секцию, бредил альпинизмом. С нами взял пару вершин, прошёл УТК на второй разряд, сдал нормы по лыжам и зачислен в МЧС. А мог бы тут кропать статьи, вам помогать... Но кто знал? Костя ищет. Прости...

– Поздно, молчи. Я отпустил, я... – морщась, как от зубной боли, склонил голову Егор Ильич и поражённо спросил: – Но, дочь, получается, что Алика ищет Костя? А мой сын – пропал? Как такое возможно?! Говори честно!

– Дядя, пока неясно, но всяко бывает. Зотов ищет в районе схода.

Заметив излом бровей над его горящими глазами, учащение дыхания и серость щёк, она сбавила скорость, затормозила. Достала аптечку с блистерами реланиума, валокордина и предложила: – Пожалуйста, прими.

Недовольно крикнув, Егор Ильич проглотил таблетку и убрал в сторону бутылку с водой.

– Пока ждём вестей и верим: Алик серьёзный, сильный спортсмен, – спокойно рассуждала Алла. – Если по инструкции успел закрыть лицо шарфом, а руки отвёл в замок за голову, если падал вверх и сбоку лавины, то в завале раскопал снег от груди, создал воздушную капсулу и давно вылез.

– Он в такой беде, а ты молчала?.. Боже, пусть он вылезет! Но «если», опять «если»... Не зря я боялся! С ума сойти: попасть под пресс! Верный шок и... Так, уже ясней... – поник в горьких мыслях Егор Ильич. Смятенный взгляд блуждал далеко, с мучительным желанием мягкой опоры телу, голове сына и спасения согревающей ходьбой. – Ему срочно нужен врач. Я не бог, но латал тьму ваших спортсменов. Если ранен, кровь отдам: дороже сына в мире нет!..

– Тебе туда нельзя! – остановила Алла. – Ты не мальчик, и просто не готов. Останешься здесь, медик есть, с тобой свяжется, и проконсультируешь!

– О как! Нет, женщина, выбрось чепуху из головы! Я всё решил, – резко осадил её Егор Ильич, и ткнул пальцем себе в грудь. – Тут всё в порядке, дышалка в норме, спортом и трудом я закалён, был неплохим слаломистом. Знаю, что говорю. Не возражать!

– Ну, раз так... – запротестовала было племянница и огорчённо выдохнула. – Тебя ж не отговорить! Покумекаю с парнями. Но знай, дядя, трёхтысячметровая высота опасна простому туристу без акклиматизации, то есть без постепенных подъёмов-спусков. С гипоксией, горной болезнью, не шутят

– грозит отёком мозга, лёгких, отказом сердца! Героем не стать, дворнягой, овощем – реальной. Кому я говорю? Здесь ты врач.

– Думаю, у туристов пределы выносливости разные. Обещаю: вот вернёмся в город, и в момент сбегаю на Тугаю и назад, сдам нормы ГТО, – почти шутя откликнулся Егор Ильич. – Надеюсь, этого хватит, гроза скалолазов?

Неопределённо хмыкнув и будто забыв о нём, Алла зашептала:

*Облики дев в облаках и туманах
Нашим орлам сторожить, разгребать камнепад...*

* * *

Наконец, они оказались на улице будто вымершей деревни. Заметив и спросив девочку лет десяти, Алла припарковала авто перед серым штaketником скромной усадьбы.

В голубой веранде рубленого дома скрылась сухонькая женщина, развесив на верёвке мокрое бельё. Лёгкий кизячный дым метался над низкой баней. Широкоплечий худощавый мужчина лет сорока заделывал жердиной дыру в овечьем загоне.

– Привет, «начальник Чукотки»! – крикнула от калитки Алла, размашисто шагая. – Теперь скот не убежит, оставь это дело. Ты нам нужен: Алик пропал...

Павел выпрямился, точным броском отправил молоток к ржавой банке с гвоздями. Поздоровался, пожав протянутые руки, присел на выбеленное вре́менем треснутое бревно. Выслушал обоих.

– Проблема... А точно Алик? – почесал ершистый затылок, потянулся к пачке сигарет, закурил. – Он же спасатель, ёлы-палы! Сейсмологи молчат? Хреново, однако, все ходим под Богом, а там прямо под Его пятой. Я готов хоть сейчас, но вы знаете наш бардак: топлива, зарплаты йок, люди бегут. Мы с командиром ботинки сбили о пороги, однако аэропорт никому не нужен, кроме народа. «Ми» холим на свои гроши. Отряд соберём, однако поисковый рейс стоит не хилой суммы... – он запнулся.

– Не вопрос, она уже есть, – отрезала Алла. – Повторяю: надо срочно найти человека. И выбить разрешение на высотную посадку.

– Но это совсем другое дело! – вскинулся Павел. – Во-первых, к границе нужен пропуск. Во-вторых, пилот рискует машиной и людьми. Однако... козырь у нас есть: вам, доктор, тузы явно задолжали за сотню операций... По рукам? Едем.

Племянница живо обняла Егора Ильича:

– Всё срастётся! Верь, мой братишка в деда: «живуч, как кошка, ухом чуткий, как собака, как беркут, зоркий на весёлые глаза». Наверно, уже вышел к поисковику.

– Мой сын настоящий мужчина, но столько часов на морозе...

– Паша, доктор настаивает лететь с нами. Я против, но...

– Хм. А выдержите, Егор Ильич?

– Конечно, как иначе.

– Тогда берите запас сжиженного кислорода.

Трое вернулись в город, прошли кабинеты администрации. Убедив чинов-

ников в предельной осторожности экстренной посадки, получили понимание с кучей грозных предписаний и, наконец, «добро».

Племянница подвезла Егора Ильича ближе к дому и уехала. Он влился в череду торопливых неулыбчивых прохожих. Повернув за массивное здание библиотеки, вошёл в двухэтажный сосновый дом с высокими скрипучими ступенями, обитель нескольких дружных семей, открыл дверь.

В квартире Егор Ильич устало стянул пальто, привычно нырнул в тапки. Закатав рукава рубашки, умыл горящее лицо холодной водой и отметил в зеркале взгляд, передавшийся и сыну, который сейчас в горах. В памяти Алик жил таким, каким с матерью видел пару недель назад: чуть задумчивый, смуглый худощавый парень с миндалевидными жгучими глазами в рамке густых ресниц, с армейской выправкой и грацией молодого ирбиса, барса. «Любуясь своим юным продолжением, мы мечтали о долгом счастье и внуках. Была радость. Теперь он там, и время сжато в удар. Мне б найти, согреть, увезти тебя, дорогой, а торчу здесь...» – отец смахнул слезу.

В гостиной оглядел стол с кипой медицинской литературы, приготовленной к просмотру. Вчера сам обещал способному младшему коллеге помочь со статьёй в журнал, но теперь это неважно. Натягивая синий тренировочный костюм, на пару минут плюхнулся в кресло, включил телевизор. «И в ящике непокой, сцены насилия, кровь, ложь... Деньги и власть, ничего хорошего. «Кааны в нынешние дни зверью безумному сродни», – верно с древности. Что в сухом остатке? – работа и семья. О, моя бедная семья!...» ...Егор Ильич закрыл лицо руками.

Он обул кеды и побежал улицей и улочками до ближней горы с крутыми подъёмами более километра высотой. Добрался на лесистый верх к телевышке, и долго скользил по острой сухой траве вниз, слетел к подножью раз и два. Лёгкие с нагрузкой справились.

За это время сизые тучи с горизонта сдвинулись к притихшему городу. Порыв холодного ветра шумно взметал ветви, нёс листву с обочин дорог. «Погода портится, – понял Егор Ильич у дома и взмолился: – Боги, что вы мне готовите?»

Полил дождь, скрывая горный мир и поблёкший город. За окнами квартиры с крыши булькала в потоки вода. Алла позвонила, что к вертолёту завезли топливо, продукты, поисковое оборудование. Новостей из альплагеря нет. Вылет назначен на утро.

– Почему не сейчас?? Грозовой фронт?.. Что же делать?! – Егор Ильич взглянул на ручные часы с металлическим браслетом и затряс, словно вино-вника проблем. – Мальчик мой, только держись! Боги, заберите меня, оставьте сына! Быстрее взойди, заря...

В душе тлела надежда, сминаясь воющей тоской беды и вины. Что-то повернулось в груди, ощутимо царапая. Он, готовый к немедленному спасению сына любой ценой, прислонился к стене. Сполз на колени и простёрся ниц, умоляя:

– О Алтай, священная земля и небо, я часть твоя, прошу, молю в беде! Поддержи, сохрани молодую жизнь! Перевал, на котором упал наш сын, будь к нему добрым! Сберегите его, боги и духи!..

Алкышем³ предков человек умолял оживший в сознании мощный, невидимый и пугающий пантеон природной веры закрыть древнюю коварную щель меж светлым днём и жутью тьмы, жадной до заблудших, особенно в полнолуние.

Прошли часы прежде чем прибыла Алла. Она известила, что поисковики ждут отмашку, вновь попросила остаться и получила отказ.

* * *

Тёмным утром они с четырьмя закалёнными полётами-походами парнями, в тёплой одежде, ушанках и трёхпалых рукавицах, собрались в здании Поисково-вертолётной службы. Казалось, она забыта перестроечной властью, подобной диверсанту в чужом хозяйстве.

Егор Ильич раненым вороном метался по сырому залу с проплешинами на потолке и сурово глядел сквозь мутное стекло. Пробежал к водородной станции, где мокрым филином в брезентовом дождевике учёный физик-метеоролог снимал и передавал показания с приборов, поговорил с техником у вертолётки на взлётной полосе, окружённой полем некошеной лебеды. Потрогал обшивку металлического брюха, бесчувственно слушая Павла. Он авторитетно убеждал:

– Нормально, доктор, до хребта меньше трёх сотен километров, это быстро. Вот вы верите в удачу при операциях? Так и мы, оттого рост успеха. Главное, однако, вера и выдержка. Человек не иглока, район исхожен, можно сказать, знаком наизусть...

– Надеюсь. Там я не был и не мечтал бы, если б не... – Егору Ильичу стало не до описаний, метнулся назад. Его знобило. – Есть вести с базы?

Алла, уже в стёганом красном комбинезоне, куда-то звонила и контролировала ход приготовлений.

– Нет – видно, рация села...

Колкий ком в груди разросся, заставил расстегнуть ворот рубашки, присесть на одно из шатких синих кресел. Алла заметила и, поняв без слов, распорядилась:

– Парни, Серый, Кирилл, найдите аптечку! Бери таблетку, Егор Ильич, так-то верней. Вон от горизонта светлеет, скоро полетим. Жека, ты в магазин за пивом? Возьми коньяк, с запасом.

Тупая боль отступала. Вернулся посланник, следом внесли чай. Племянница, авторитетно диктуя, что пора принять горячего полезного, плеснула толику коньяка и в кружку Егора Ильича. Синеглазый в конопушках парень с окладистой бородкой подсел к нему, гудя большим добрым шмелём:

– Уважаемый доктор, капля на грудь в знак благопожелания горам важна и в поиске. Мы с Алым кореша. Ваш сын на своём месте – в соревнованиях, на скалодроме и маршрутах, он наш первый бард и своё последнее отдаст любому чуваку. Отец, мы тут родня, слово чести.

– Спасибо. Доброе слово о сыне – бальзам отцовскому сердцу. Вот встре-

³ Алкыш – заклинание.

чу его и уж всё выскажу! И что вас, физики-лирики, не держат тёплые места? Своей волей доказываете состоятельность в зоне риска? Ищете сильных ощущений? Но настали нелёгкие времена, а люди горам – пыль! Эх, молодость не ценит простого счастья жить...

Наконец подул заспанный ветер, тесня шлейф дождей, заполнил мир свежестью. Солнечный луч в ярко-лазурном окне меж летучего мрака стал сигналом к взлёту. Получив «добро» метеоролога, решили лететь с дозаправкой в Усть-Коксе. Приняв на борт команду, Павел оглядел пассажиров и поднял «Ми», уговаривая:

– Ну, чтоб ни тучки, ни хмарки!

Люди в чреве машины уселись, верх и пол затрясло, горизонт накренился.

За окном беркуты ловили вихревые потоки. Жизнь длилась в привычном ритме – от следов жилья к вольным стадам коров и табунов, бредущих по склонам в поисках корма. Уходили клоки тумана, облачность спускалась вниз.

Егора Ильича сотрясла дрожь. Племянница заставила надеть запасные носки, на спину кинула китайский пуховик в бурых пятнах вонючего топлива, опять бормоча:

– *Богу молиться и думы хребтов постигать*. Сберёт бы себя, хранитель...

Под вертолётom двигались синие цепи гор и вздыбленных скал, с них скользили ленты рек. Спасатели дремали, экономя силы перед работой. Алла, указывая за борт, сквозь шум лопастей кричала в ухо Егору Ильичу:

– Ура, над Теректинским чисто, теперь к хребту! Трёхглавая Госпожа Кадын-Бажи – высшая точка Сибири, пуповина Кин-Алтай, от неё тысячи километров до Кунь-Луня и Тянь-Шаня! На ней сто семьдесят ледников! Зима и в горах Африки трудное время, аховые ситуации. Тут мы таскали из трещин, разломов, снимали со скал. Опасность есть всегда. Высь, её вселенское одиночество внушает закон: спасение человека – долг, счастье!

– И Алик такой! – согласился Егор Ильич, слглатывая слюну. Запах бензина с валокордином смешались в воздухе, его поташнивало. – Однако не могу понять: почему мой сын один? Неужели ребята не были в связке, как обычно? Хочу задать вопрос, глядя в глаза Косте.

– Думаю, Зотов уже даёт ответ комиссии, – повернулась племянница. – Альпинистское братство выше подозрений, сам поймёшь. Будет ли сегодня солнце или туман, не зная дороги, легко заблудиться и погибнуть, потому ты – ни шагу от нас в сторону. Вверху я командир и отвечаю за твою жизнь.

Егор Ильич промолчал, переживая мучительный раздрай чувств, возникших к давно знакомому простоватому парню, кого считал другом и наставником сына.

Вертолёт в завихрениях над водоразделами, меж ущелий взмывал то вбок, то ввысь, казалось, падал. В дрожащем утреннем свете Егор Ильич отметил уже близ машины опасный блеск гордых ледяных громад, выступов и мрак вогнутых «цирков» хребта, летящую синей стрекозой тень по снежным склонам, и ниже – километры в новые бездны. Охватил холодок почтительного страха, жившего в крови поколений предков, в его крови и сознании. И отвращение к неповторимым ребристым главам, тьме пропастей. Где здесь дорогой сынок?? – И почувствовал себя выбитым из седла маленьким кочевником.

Это пришло издали, где за Теньгой пацаном на старом коняге трусил рядом с дедом-чабаном. Объезжали моренные предгорья, оглядывая запретные выси, коронованные на зорях золотом, днями – хрусталём. В перекочёвках к пастбищам семья подбирала новорождённых ягнят, уводила стада от хищников и бурь. Заныло сломанное ребро – память о погоне.

Воспоминание прервала Алла, напомнив, что подъём тут начинают, считай, ночью: под солнцем таяние снега рождает облака и непогоду, уйдут до схода лавин. Притянув поклажу к спине, просила дышать-выдыхать не спеша и, чуть что, пользоваться кислородом.

Вертолёт замедлился, тарахтя, завис и сел в серо-снежном безлюдье вечной мерзлоты – ребята говорили, на плато. Близко и вдали маячили бело-чёрные и голубые купола-зубцы. Не представляя мест и названий, Егор Ильич впоследствии плохо помнил день.

Все вышли с мотками верёвок и карабинов, нацепили кошки, взяли лавинные щупы. Егор Ильич потяжелел и на ходу иногда прикинул к кислородной маске. Неловко шёл он в связке за людьми, торящими путь среди оползней и вздыбленных хаотичных гряд широкого поля. Когда меж торосов ниже открылся вид с чёрными, как маковые зёрна, точками, Егор Ильич встал, вглядываясь: может, там Алик?

– Это поисковики, – объяснила Алла, с ракетницей в одной руке, поддерживая Егора Ильича другой. – Нам туда, будем искать. Вот и снег пошёл, как без него. Скоро лавинные очаги, снежные шары полетят с карнизов, так что бдим. Мужики, ищем по квадратам! – распорядилась она.

Егору Ильичу показалось – молчаливая команда знала то, что он не мог уяснить и старательно гнал от себя.

– Добрались, всё путем? – быстрый в движениях здоровяк Костя Зотов вынырнул перед ними из белизны и хмуро доложил: – Лавинные сбросы как бетон, надо успеть. Радиус поисков сужен.

Он был выше рослых парней, которые остановились, ожидая конкретики на невысказанный вопрос. Егор Ильич дёрнулся, сжал кулаки и, задыхаясь от нахлынувшего горя и гнева, пошёл на парня. Схватив его за грудки, рванул куртку на себя и двинул правой рукой под ребро:

– Вот как? Значит, ты оставил друга, командуешь тут, а он... он... Где мой сын?

Спортсмен побледнел, выкатил глаза с воспалёнными белками, с трудом отцепил его руки, и отступил:

– Простите...

– Простить, что ты враг? Ты предатель! – гневно печатал Егор Ильич. – Что я скажу матери, где наш сын?

Спасатели напряжённо слушали. Костя провёл рукой по щетине небритых щёк и с надрывом ответил:

– Я ищу. Стыдно, горько, что здесь... живой и лишний! Лучше б вместе... Но всего на метр я был от Алого, да. Бог свидетель, это случай! Говорю вам, отцу друга, как своему!..

– Не верю!! Докажи! – хрипел в истерике Егор Ильич, чувствуя на губах солоноватый привкус. В глазах темнело, он прикинул к аппарату, вовремя под-

сунутому Аллой. Костя поддержал руку, но он гневно оттолкнул. Люди топтались рядом.

– Чем? В утреннюю рань, дежурные подтвердят, я оставил на них группу любителей горной активности и просил сообщить о нас в штаб. Пришлось: Алик с неделю был днём взвинчен или лежал пластом, болел, но без температуры. И вдруг удивил: «Я иду или будет поздно». Я сдерживал, ругал – ну не сегодня ж! – но он конкретно уходил. И я решил проводить, из уважения к бате, то есть к вам... Одна нога тут, и другая тут, думал, маршрут сократим и начальство нас поймёт, раз парень придёт в норму. Шли в темпе, друг шустрил, хотя почти не ел, настоял. На седле дождь с ветром, ночёвка обычная, в рань лезли с ледорубами. Ледник прошли в паре, поднялись по засыпаным перилам. И попали в молоко, не понять, где тело фирна и склон языка, присели передохнуть. Чую, под нами дышит, лавшнур укрепил и предложил обвязку. Алый заартачился: «Зачем? Мы тут сто раз были». Резон, и я тормознул, дурак!.. А он встал, поправил очки на лбу и сказал:

– Смотри-ка, или: смотри как... – и шагнул вперёд.

Что он увидел? Я не успел остеречь, а наст глухо треснул и поплыл под ним и с ним, не обвязанным. Конец! Я вжался в метре от схода, держать нечем. Шум, вой – лавина упала с пушечным грохотом, эхо в мозгу, в округе... Стихло, сквозь пыль вижу неоглядную пахоту в пропасть. Отполз вбок, внизу кучи льда, глыб наста, камней. Тут группа томичей показалась. Сообщили по рации. Вместе приспустились – а ни пятна каски, куртки, звука, – сторбившись, он отвернулся. Да, пожалел напарника, а теперь виноват, как салага! Статья УК найдётся. Алый не должен, не мог так со мной! За что?..

Парни что-то уточнили, он отверг:

– Нет, снег подрезать мы не могли, фирн был глаже строганой доски. Ещё Алый мог ткнуться в край, скально-снежный гребень. Под весом тела облепленный пургой участок треснул, сорвался и вовлёк его. – Он замолк.

– Знаю, за что: за преступную халатность! – приходя в себя, впечатал в тишину Егор Ильич. Он разрывался в бешеном желании придушить удачливого дубину-парня и понять. – Всё не так! Старший нарушил закон: следи за безопасностью товарища как за собой, страхуй. Ты увёл больного? Ты сам убил его!

Костя набычился. Алла встала наперерез, как танк, и жёстко сказала:

– Доктор в целом прав, а лучше б ждал внизу. Здесь не всё однозначно. У человека есть долг и границы личной ответственности. К великому сожалению, признаем факт, Алик почему-то их перешёл. Мы не судьи. Разговор окончен.

Кирилл, незаменимо расторопный поисковик с бледным шрамом на виске, веско произнёс:

– В горах наша сила среди силовых волн неба и гор. Здесь каждый принимает решение и отвечает за себя. Даже если кажется, что это – не наша мораль. Стремление помочь товарищу слабеет, когда сам балансируешь между жизнью и смертью. Это как на войне. Я был в Афгане. В горах, в окружении случалось: в перестрелке у твоего соседа кончились патроны, он кричит: дай! А ты сам не знаешь, сколько их у тебя в запасе, может, последний. Всегда свой выбор и ответ. И вдвое сложнее организовать поиск и спуск двух людей.

– Такие форс-мажорные обстоятельства, – подвела черту Алла искомандовала: – Мужики, за дело, следим за сигналами. Веди, Кость.

Егор Ильич в смятении отступил со своей отцовской правотой, и, когда Зотов приблизился, резко отвернулся и поспешил вперёд.

С безопасного участка по выбитым впередиидущим ступенькам в снегу, от ввинченного ледобура по верёвочной дороге спустились в сторону разлома и разошлись к бугристым спрессованным или мореным холмам, копали траншеи, кто-то лез выше.

– Внимательней, парни! – просила Алла, вглядываясь в белизну. – И там нет? Хотя бы намёк...

Егор Ильич сквозь порошу взглянул в небо. Там висли выступы огромного гребня в разделе хребтов, куда легко... «Разве сын ослеп в тумане? За какие грехи?.. Помоги нам, Боже!»

– Иисус, Бурхан⁴, укажи след к моей кровинке! – бормотал, устремляясь, сбрасывая ледовые слёзы колом вставшими рукавицами. – Пусть искалечен, лишь бы дышал. Где ты? – слушал, тщетно уповая на неведомую подсказку. – Ты жив, улым?

Угрюмое пространство молчало. Летела уже не крупа, запуржило, поисковый день кончался в беспросветности. Спасатели устали, холод проникал в потные комбинезоны, сырые валенки.

– Работу сворачиваем. Пора на базу, – угрюмо сообщила группу Алла.

Егор Ильич, хрипя и кашляя, едва держась на ногах, неуклюже встал перед людьми:

– Нет, стойте!.. Я хочу, чтоб мне вернули сына!

– Прости, отец, поздно, обмёрзнем тут – и как, – обнял его Женя, тыча в лицо усами в сосульках. – Держись. Мы только люди, насквозь не видим. Такая жизнь, ёксель-моксель.

Отряд торопился к вертолёту. Парни подняли Егора Ильича, его ноги заплетались.

Он понял, что значит взвыть волком:

– Бала, сердце моё, я тебя потерял! Как жить??

* * *

Шумные лопасти гоняли ледяной воздух по щебнистой площадке высотной базы. Тёмной бирюзой блеснула гладь озёр, лента реки, почти километровая Ак-кемская стена. Отряд под рюкзаками выбрался и поплёлся к штабу.

В тесном жилье поисковики сменили свитера, носки, разложили отсыревшие вещи и спальники. Вслед за Зотовым куда-то исчезла Алла. Упав на спальник, Егор Ильич потёр ладони, со стоном сбросил набухшую обувь и впал в понятное только ему единение с сыном.

Дежурные гремели посудой, на керосинке готовили лапшу с тушёной, кипятили чай, резали хлеб, сало и лук.

Кирилл подошёл к Егору Ильичу, подал рюкзак, сообщив:

– Вещи Алика...

⁴ Бурхан – бог Неба.

Он сел, вынимая свитер, майки, куртку, державшие тепло пропавшего сына, вдыхал родной запах. Пристально оглядел фотоаппарат, кипу снимков, книжки с символом лотоса, тетрадку записей и стихов, камни и корни. Пачку сигарет, флакон витаминов. Сложил обратно. Закрыв голову сильными в операционной, бесполезными здесь руками, которыми когда-то крепко держал и подбрасывал визжащего от счастья черноглазого кроху, застонал от горя и бессилия.

Люди позвали, сдвинувшись к кастрюле с горячей едой и зажжённой в банке свечой с фотографией его сына. Тесно уселись, звякнула посуда. В круге осунувшихся лиц горели налобные фонарики. Появились Алла и Зотов, он держался сзади, пришли штабные.

Павел разлил по кружкам спиртное. Алла усадила Егора Ильича рядом, и он застыл, зримо осознавая черту невозвратности. Обняв его одной рукой, женщина выразила общую мысль:

– Мы сделали всё, что могли. Надежды не оправдались. Алик уже не с нами, он остаётся здесь. Прости, я не успела, прощай. Нам всегда будет тебя не хватать. Светлая память моему брату, сыну доктора, высотнику...

После минуты молчания сослуживцы заговорили.

– Алик – ас! – выразил почтение быстро захмелевший Кирилл. – Чуть время дорого, он взлетал по ровной стене за пять минут мозгового штурма, мощного бега и запредельных прыжков! Палец в щель и – ящеркой, без страховки. Экстремал, такое дело. Вечная память хорошему человеку. А там – разберутся...

Егор Ильич, до сих пор не ведавший о рискованной дерзости сына, поднял кружку.

– Да, мой сын непрост. Правдолюбивый, честный. От несовершенства жизни ушёл из военного училища, из редакции. Горы стали его судьбой и последней... колыбелью. Что ж... Прости, сын, глупого отца, горжусь тобой, ты в моём сердце!.. – и замер.

– У каждого своя судьба, а жизнь правильная чаще коротка. Скорбим и помним. Держись, доктор, мы с тобой, – поддержал Павел. – Что скажешь, тут сдался и альпинист-одиночник Месснер.

Вот пример молодым. Тиролец первым в мире взял 14 восьмитысячников мира, сделал больше двух тысяч восхождений. А в 1996 году прибыл покорить нашу красавицу, – я доставил его из города. Тогда погодного окна не виделось, однако гостя подгонял билет на международный рейс. Шерпов, портеров в лагере отродясь не было, заброску солидного снаряжения гостя к стоянкам сделали парень-банщик и столовские девчата. Шёл Месснер соло, дивясь сложности подходов к Белухе: с ног сбивал шквальный ветер под сотню километров в час. Две американские супер-палатки порвал в хлам, рюкзак исчез в буре. Ни видимости, ни чувства местности. Мужик не дошёл двести метров до купола и развернулся. Его встречали наши: «Ну как?». и слышали: «Плохо, но хорошо! Гора с характером». Он здраво оценил риск: упорство равно смерти. Так бывает на восьмитысячниках из-за последних 50 метров к вершине, где буря носит облака.

– Ещё бы, – подтвердил кто-то. – Кадын-Бажи – дама особая, непокорней

Эльбруса. Хотя с тех пор очертания сгладились – ледники деградируют, часты ледопады, лавины. А люди идут...

– Да, на моей памяти здесь выжила лишь треть потерпевших бедствие. Любовь и жертвенность рождают легенды. Да, мы на всё смотрим сквозь призму гор, – вздохнула Алла. – «Ось и магнит земли» вошли в плоть и кровь. Брат мой классно пел. Споём его песню?

Хор зазвучал негромко и слаженно:

*Облики дев в облаках и снегах и туманах
Нашим орлам сторожить, разгребать камнепад,
Видя с вершины монголов и степи Синьцзяна,
Богу молиться и думы хребтов постигать...*

* * *

Народ разбрёлся по местам, упал и словно умер. Не смыкая воспалённых глаз, трое тарачились с соседних спальников и гадали: почему Алик проявил самоволие, почему шагнул? В чём причина?

Алла уткнулась в мокрый платок, потом приподнялась и туманно высказалась:

– Может, любовь? Как тут парню без неё? А там кто их знает, нынешних молодых.

– Летом была у него милая и укатила, вроде в Питер, – приоткрыл завесу тех событий Зотов.

Чувства Егора Ильича обострились при упоминании мира любви, часто жестокой и безжалостной, рождающей горечь, одиночество. В приливе боли он потянулся к парню:

– Неужели из-за?.. Проклят день, когда я отдал вам сына! Костя, что меж вас вышло? Ревность? Признайся!

Видимо сдерживаясь, Зотов разразился звенящим шёпотом:

– Бред! Она мне никто, и поднималась с его группой! Знаю, Алым сцепился с их руководителем, а потом они улетели, и всё. Мы своих не предаём и чужих не бросаем, гниль тут не живёт! Ёлы-палы, какое восхождение без доверия чувакам, с кем рядом годы? Мы с поддержкой, выручкой, проверкой... Я просто лох...

– Где было твое хвалёное чутьё, умник, что просмотрел проклятую лавину? – простонал Егор Ильич.

– Это вопрос туда, выше, как я понимаю. Я давно тут служу, видел парней в состоянии эйфории и депрессии, знаю, как ломает крен личной жизни, тараканы в голове. Вкус высоты, восторг и кайф в сезонных сидениях сходят на противоположность.

Спасение – в перестройке организма, это называется сублимацией. Вообще-то в горы лезут те, кто переживает трудные времена... Алым общителен, но вот теперь мне кажется, он чего-то ждал.

Сам хребет – трёхглавая пирамида, шаманское место силы. При подходе авто встают, а вертолёт сопровождает нечто типа тарелок или быстро уходя-

щих звёзд. Вы не заметили? А в разрежённости городскому турью, мистикам рядом с «камнем Рериха» мнится вход в Беловодье или в Шамбалу. Высота трансформирует сознание, запросто сносит башню, толкает на риск. Мы это не принимаем, хоть кто и что там слышал. Вон вроде видели в пурге Чёрного Альпиниста. Но один омский физик тут научно объяснил: он – сгусток молекул и волновых схем, из которых лепится любой зримый облик, а дотронься – глюк рассыплется. Допустим, он мог увлечь высотника в общий путь, или Ледяная Дева... Думаю, глюки, скорее – пугала для безбашенных «чайников», чтоб не шастали по фирнам голыми-босыми, без альпенштоков. Или элитная охрана святого места? Тут мы пас, – Зотов замолк.

Алла уже спала, ровно дыша. Слушая вполуха, Егор Ильич вдруг увидел перед собой усталого, измотанного стрессом парня. И понял: «В чём-то он прав. А я в работе, поговорить некогда. Сам виноват. Поздно. И могилки не будет на кладбище...». Застыв, он накинул спальник на спину и забылся полусном.

Ему казалось, будто вышел из скал на поляну в зажатом куртиной лиственниц и мраком туч каменном полукруге. Порывистый сырой ветер, крылатаясь, нёс печальные голоса бесчисленных ручьёв. В центре, у двухметровой фигуры стремительной спортсменки с формами античной богини, беломраморной и милой настолько, что хотелось пожалеть: «Не холодно ли вам, одной среди бурь и тьмы?» – отчётливо веяла аура смерти. На стене-мемориале темнели впаянные металлические квадраты. На них серебрилась готика имён людей, прибывших достичь вершины со всего мира, из Австралии и Японии, вот свежие русские строки золотом, и дорогое имя... Полные сил спортсмены скользнули в ледяные тиски злого Эрлика⁵. Там Ледяная Дева, Чёрный Альпинист и...

Егор Ильич открыл глаза, прислушался: утомлённые люди спали, похрапывая. В духоте не дышалось, брезжила мысль: успеи собрать и увезти домой горсть щебня с места упокоения сына: будет, как было у предков... камни на курган воина.

Он выбрался на воздух. Лампы генератора под пятнистым ликом луны зловеще освещали кедрач, балки и строения. Найдя камешки, Егор Ильич встал в звоне звёзд и грюканье дальнего камнепада. Вгляделся в скос хребта, обитель Хранительницы жизни, и спросил:

– Зачем ты взяла мою кровинку, Мать, зачем отдала каану? Верни мне сына!..

В ответ вскинулись неясные гортанные звуки. Его голос? Алик жив?! Там, на пределе бытия, на грани ухода бывает: плач, мольба любящих и любимых, или небесная воля заставляют смертного вернуться из рокового туннеля. И пациент выходит из комы, по неведомой причине встаёт в морге! – вдруг обожгла счастливая мысль. Защищало глаза, сердце Егора Ильича ширилось радужным озонирующим светом, какой ощущал дома, играя в шахматы с сыном или ожидая к полночи домой. Да, он, родной, тёплый, рядом! Теперь растерянно и нежно обнял неуловимую тонкость узнаваемого юношеского стана. Рас-

⁵ Эрлик – бог подземного мира.

крывшись навстречу, сердца их пели, прощально шептали о щемящей любви и прощении.

Сбоку загремел щебень – шла Алла, протягивая куртку. Егор Ильич одиноко очнулся. В избытке невыразимых чувств он горестно признался:

– Уулым⁶ только что был здесь, со мной...

– Боже, храни нам разум! Ты, видно, слышал крики? Так это птица улар, вроде тундровых гусей! Смирись.

– Ты молодая, ещё не понимаешь!.. – поражённый неверием, как святотатством, запротестовал он.

– Может быть, только Алик уже не вернётся. Но остаться здесь – участь не умеющих ползать. Будем жить и помнить его. Идём?.. Брр, какая холодная ночь. Ну, стой немного и возвращайся, – зябко кутаясь, она ушла.

«Не умеющих ползать» – Егора Ильича, словно ударом обуха по голове, пронзила догадка. Она проливала свет на трагедию, но... об этом молчок, это его тайна! В любом начале спит конец. Тихо ждала змея-судьба отмеренное сыну время. С одной стороны, оно лечит, каждого заставляет торопиться свершить своё лучшее дело. С другой – настигает без слов. Эта сила безжалостна к глухому на предупреждения человеку, муравью на ладони подножий, пылинке на реснице Вечности...

Да, до сих пор Егор Ильич чтит табу предков: грех попирать ногой каменные головы святынь, и стал врачом. Знал, что в их роду некогда рождались предки с падучей, кому якобы предписывался путь камланий, как теперь пишут, трансовых излечений больных. Сынок с детства был чуток, страдал за раненых птичек, за всё сломанное живое, иногда падал, теряя сознание, боялся темы смерти. Пришлось подлечить, негатив исчез, потом забылся. Парень поглощал знания, занялся йогой, буддизмом. Даже спокойно обмолвился, что уйдёт в нирвану, растворившись на атомы. Шутка или предчувствие? Кто знал. Он был добрым, любил жизнь и спасал людей. Но в последний путь вышел больным, и пусть эта беда станет предупреждением другим. «О, Алтай, я камушек малый твой...»⁷

Однако что значит: «Смотри»? Может, сын услышал крик улара, или мелькнул мистический гусь-помощник, что явно снился раньше – в переливах бело-розового, синего и фиолетового сиянья взмахнул перед лицом звенящими шаманскими крыльями? Эйфория восторга смутила, толкнула сознание вперёд, к непостижимо прекрасному и, поверив в зыбкий мост перехода к другому небу, дорогой сын... шагнул с ледяной стены.

Лети, мой крылатый! Спасай, как можешь!..

* * *

Егор Ильич шагал по заснеженной улице. Вот и лёг Покров. Морозный ветер выбивал слезу, голова побаливала. Теперь это с ним частенько, как следствие пребывания на вершине и выпавших следом потрясений. Тогда ему едва

⁶ Уулым – мой сын.

⁷ Из стихотворения Б. Укачина.

удалось предупредить пневмонию, он отказывался от ведения операций – не мог. Идут поминки за поминками. Он взошёл под тихие, пропахшие ладаном церковные своды.

В мерцании лампад и иконных ликов Егор Ильич возжёт поминальную свечу, укрепил под скорбным распятием всепрощающего Христа, произнёс мольбу с именами жены и сына. Терпеливая, добрая подруга, не пережив потери, скончалась во сне, всё безвозвратно, они оставили его. Постоял, обозревая обитель святых и ангелов, незримых родных душ, склонил поседевшую голову и вышел.

Егор Ильич уже подходил к своему дому, когда заметил девушку. Сероглазая блондинка с тонкими чертами выступила из арки деревьев и обратилась к нему:

– Добрый день! Извините, вы местный житель? Я издалека, ищу парня, альпиниста Алика. Дом его из этих трёх, помню. Может быть, вы подскажете?

«Это та альпинистка!.. Спрашивает моего мальчика...» – Егор Ильич поражённо остановился. Окинув незнакомку узким прицельным взглядом древнего ханского рода, передавшимся и сыну, он жадно искал в юном облике какой-то важный ему ответ. Тёмный спортивный костюм и рюкзак за спиной оттеняли безвинно сияющую женственность.

– Что, в «путь, опасный, как военная тропа»? – Егор Ильич угрюмо усмехнулся.

– Нет, почему же, надеюсь на безопасный! – она прищурилась и задорно повела носиком. – Я не ошиблась, вы подскажете?

– Вы проникательны, если настаиваете.

– Может, и так... Вы – отец Алика? Ой, мне везёт! Будем знакомы: я Лиза! Скажите, он здесь или там? – пел розовый овал губ, с весёлой надеждой искал взгляд, а рука указала за горизонт.

– Придётся пригласить вас в дом. Идёмте, – не отрицая и не уточняя, предложил Егор Ильич.

Гостя засемила следом.

Жильё вдовца потеряло былой уют. Девушка, что-то щебеча, покрутилась в ожидании. Сжала-разжала маленькие ладони, вопросительно уставилась округлившимися глазами.

Егор Ильич уже минут пять молча стоял напротив, понимая: нормальный человек, недоумевает, ждёт и волнуется. Ведь зачем-то вернулась. Чувство? Нет, это нелепо! Где она была раньше? Не писала, не звонила, сияет, не ведая горя...

Но ведь живёт за тысячи километров, а оттуда гора ещё дальше и недоступней для связи. Так что могло развести влюблённых, нарушить гармонию отношений? Глупая ревность? – Егор Ильич не мог спросить прямо, и в сердцах повернулся к окну.

Пара жёлтых синиц на лету приблизилась к стеклу и дробно стукнула клювиками. – «Что им тут? Или это всевидящие души сына, жены?» – Он проводил взглядом летящие комочки перьев...

Да много ли когда-то понимал он сам о себе, и молодёжь, захваченная сим-

патией и гормональным всплеском? И как сказать ждущей лёгких шагов молодого бога, что всё, она опоздала?

По осторожному покашливанию за спиной Егор Ильич понял, что гостя встревожена, готова исчезнуть, и обернулся.

– Мой сын ушёл. Навсегда, – перехваченным спазмом горлом больше ничего не смог ей сказать, лишь указал вглубь полки книжного шкафа. Алик с нежной печалью смотрел на них с фото в чёрной рамке.

Лиза поражённо взгляделась, побледнела и вскрикнула. Пытаясь выразить соболезнование, пошатнулась, но он успел поддержать.

– Разве вы не знали, девушка? – с укором спросил Егор Ильич, уже не сомневаясь в ответе.

– Это неправда! Вы лжёте! Он жив! Или... неужели остался... там? – в шоке восклицала она, и, поверив ощутимой вокруг беде, заплакала.

Не вытирая потока слёз, исказившись от боли, села на диван и прикрыла рукой едва заметный живот.

«Вот как...» – понял Егор Ильич.

Они по-человечески родственно обнялись, безутешные в одном горе, защищая ещё не рождённого кроху. Потом пили валерьянку и чай, говорили и плакали, листая фотоальбом. Оказалось, Лиза окончила обучение и устроилась в торгпредство. Пока живёт с родителями.

– Почему мы расстались?.. – мучительно вспоминала она. – У нас вышло недоразумение: Алик не понял, психанул, а я глупо обиделась, не успела объяснить, как улетели. Там – новая работа, расстояния, связи нет, и вот этот маленький сюрприз...

Лиза в слезах прилегла в комнате Алика и уснула. Наутро захотела увидеть высоту, породнившую её с любимым и забравшую его. Там она положила цветы и вернулась домой.

Егор Ильич понял, что время лучший судья и лекарь. Природа не терпит пустоты. Спасибо, сын!

Шли годы. Иногда в тихом доме бывал перенёсший условное наказание Костя – по пути на соревнования или с уловом с рыбалки. Он рассказал, как в Гималаях сорвался со скалы, не застегнув одного карабина. После лечения признался за рюмкой вина Егору Ильичу:

– Высота – что космос, понял я, когда падал. И точно бы погиб. Алик пришёл на помощь: мягко принял, как в ладони... Уверен, друг мой – ангел. Там это просто, почему нет? Так я говорю, отец?

Он теперь водит молодых по туристическим маршрутам.

* * *

Прошло около пятнадцати лет. Наконец в городе с жителями, исповедующими до семи религий, возведён ярко-жёлтый буддистский дацан. Он поражал дыханием Тибета – золочёными фигурками наверху и по углам загнутой крыши, молитвенными барабанами и трепещущими вдоль веранды флажки. Открыт недавно, но к бурятскому ламе постоянная очередь бедняков, потерявших надежду.

«Ом мани падме хум... да будет драгоценность в цветке лотоса, – шепнул

памятливый Егор Ильич. Заслуженный врач, уже пенсионер, он работал в той же больнице и консультировал в новой частной клинике. – Тропа не зарастает, с коллегой опыт тысячелетий», – он усмехнулся и пошёл к мосту, выгнутому над юркой Улалушкой.

Вдоль течения реки вышел к подъёму по сосновой лестнице, она вела на террасу с плановой застройкой домов под красной черепицей, открыл дверь одной из четырёхэтажек. Он получил здесь квартиру в связи со сносом их старого аварийного дома. Событие пришлось на осень, и ребята из МЧС приезжали поздравить с новосельем.

За накрытый стол сели уже пятидесятилетние и близко к тому Алла, Костя, Кирилл с гитарой и Павел. Помянули Алика. Обсудили малые и в принципе нерешаемые проблемы, пели старые песни: «Если друг оказался вдруг», «Там вдали за рекой», «Жила бы страна родная».

Павел, приняв гитару от Кирилла и настраивая по-своему, попросил:

– В своё время летал я в Киргизию. Под горой Туя-Ушу трёхкилометровой высоты есть такой же длины туннель – соединяет Чуйскую и Сусамырскую долины. Там я слышал местную песню, поддержите:

*Проблема очень модная:
В горах своя природная,
Чертовски незнакомая среда.
Здесь кто-то улыбаётся,
А кто-то погибает –
И почему приехал он сюда?..*

Кирилл удивил сообщением, что Райнхольд Месснер недавно получил суперпремию «Золотой ледоруб». Европа вручила за бесщётные достижения в альпинизме.

На это Алла повела мудрой головой, и Егор Ильич услышал: – Так он в пятьдесят лет шёл на Белуху, само то! У нас подобной элиты до шестисот человек «Покорителей высочайших гор» – Кавказа, Камчатки, Алтая, и среди них благодарные иностранцы. Наша красота в десятке федеральных вершин, куда альпинисты идут за званием «Снежный барс России». От СССР остались вот такие значки-жетоны с 60-х годов, аттестации, «Ушбы» с красным крестом, почётные медали. Мы нашли себя здесь, и вот создали.

Гости говорили об успехах друзей и знакомых, посвятили Егора Ильича в свои проблемы. Женя поведал:

– Работы прибавилось. Мы теперь любителям экстрима запретить мало что можем, они лезут вверх встречать Новый год – наблюдаем. А там «бутылочный лёд», даже на Кавказе – минус 40–50, а не мангал с гамаком и пляжный зонтик. – Он что-то вспомнил и артистично изобразил. – Летом одна красотка скользнула и столкнулась лбом с выступом скалы, висит в нокауте. Снял я, спускаю, а птичка с сине-розовыми волосами весома. Очнулась и орёт: «Откуда потом воняет?». Вот здрасьте вам, приплыли. Ну не скунс же я, а ты ползай с моё!

Альпинисты смеялись:

– О, нашей братве гидромассаж дают реки! Слышали байку о других спасателях, не конкурентах? Альпинист падает над расщелиной, на лету цепляется за сухую веточку и вопит: «На помощь!». – Тишина. И вдруг тоненький голос шепчет: «Ничего не бойся. Я твой ангел и тебя спасу». Мужик: «А что, рядом больше никого нет?!».

Алла отозвалась:

– Он смело мог падать, хотя... некоторые вмёрзли. Под лавиной погиб и молодой Сергей Бодров.

– Они верили лишь в себя и покорили цели ценой жизни, – встал с рюмкой Костя. – Я видел на Эвересте точки отсчёта идущим за пять тысяч – это ледяная Спящая красавица и Зелёные ботинки. Вечная память...

«Люди как жертвоприношение: ведь «стылым громадам... теплей от горячих сердец», – подумал Егор Ильич строчкой из где-то слышанных стихов. Он дружил со многими известными людьми и поэтами, уважал Бориса Укачина. Тут же постаравшись изгнать леденящую мысль, отозвался:

– Пора вам, ребята, бросать эту игру в рулетку со смертью.

И услышал с двух сторон:

– А куда бежать от своих и глобальных проблем? Теперь ещё цифра достаёт, вроде полезная вещь, но от негатива не скрыться. Серость, мелкота надоели. Спасение – в свободе и силе идущих. Горы – свежесть мысли, вдохновение, кайф просто быть, дышать тишиной, тайной ущелий. Никто из наших, и оставив там обмороженные пальцы ног и рук, не в силах жить без скал. Это дар божий, и нам не постичь его замысла.

Да, молча согласился Егор Ильич, он и это понял, причастился величию.

Через год дорожная авария унесла Женю, который наконец женился и ехал к семье в Бийск. Егор Ильич давно перестал разгадывать причины трагедий. Простил зов и отчуждённость горам. Их гордый вид тоже не вечен, и может ли человек равняться с ними в гневе? Или в целительной воздушной красоте пейзажных видов? Твёрдое и мягкое чуть взаимодействуют, перетекая. Время вело к восприятию иных событий в огромном мире – при полной невозможности хоть что-то понять до конца. Кроме любви – к земле предков, людям, поиску знаний и делу, – дающей жизни силу, свет и смысл.

На прогулках, в доме племянницы, Егор Ильич наблюдал игры, шалости и опасные забавы малышей и подростков. Склонный к грустному философствованию, он видел, что жизнь не становилась лучше той, поры его детства и юности. Смущало и внушало опасение равнодушие к проявлениям жестокости, бездумное бытие большинства людей, неумение и нежелание молодых развивать свою духовную силу. Вещизм и рост благополучия, уход в интернет опасны. Внук Никита иной, пусть далеко, – радуется: успешно учился, занялся танцами, в чём дед с радостью помогает. Лизавета привозила мальчика к горам, затем дед добирался к ним в туманный Питер.

Теперь парень на фото в чёрном, так похож на молодого отца! Мужает юный орёл, ирбис! Звонит, обещал навестить деда перед отправкой на учёбу в институт хореографии. Далек собрался внук – в Чехию, и это беспокоит, но пусть его жизнь будет творческой, успешной, продлит благородный род.

Однажды в квартиру поступил звонок из Управления МЧС:

– Егор Ильич? Приглашаем вас или кого-то от семьи лететь в альпинистский лагерь.

– Позвольте узнать, зачем? – подняв трубку, мгновенно вспомнив трагедию и её тяжкое преодоление, осторожно удивился он.

– Вы слышали о недавнем землетрясении в районе Катунского хребта? – вежливо поинтересовался мужской голос с той стороны. – Там от стены отошла часть ледопадной площадки. Обнажились останки погибших спортсменов. Есть список. Для опознания сына Алексея необходимо ваше присутствие. Сможете?

Мысли взметнулись: боги! Мужской амулет кин-эне – отпавшая на третий день после рождения крохотная пуповина сына, бережно зашитая старой бабушкой в кусочек тонкой кожи, вместе с зерном свинца и наконечника стрелы, с рождения висел над колыбелью. Это – энергетический центр человека, равный славянскому пониманию *живот – жизнь – жито*, тот же пуп Земли. Он дома – парень не взял, к несчастью, свой оберег на службу. При похоронах узелок зашивают в пояс усопшего.

Егор Ильич решил сообщить весть Никите и друзьям, что теперь сын будет похоронен по-человечески. Ведь на Земле нет важнее соблюдения традиций – с праздника по поводу появления нового человека до предания земле и печальной тризны, с восхвалением его душевных качеств и деяний на предначертанном звёздами пути.

И он сказал:

– Наконец-то! Однако прошло почти двадцать лет. Узнаю ли?

– Время не столь властно в ледовом саркофаге, под крышей мира.

Наталья БУКОВСКАЯ

А НЕБО ПРОСИТ КАПЕЛЬКУ ДУШИ

* * *

Здесь – ночь ещё,
в оконной раме – утро.
Распахнутая на балкончик дверь
Задумчиво застыла,
помня смутно
Звук голосов и чью-то тень.
В проёме кресло дремлет... и покуда –
Наполовину там и здесь.
И потревожить жалко это чудо:
Ни отодвинуть, ни присесть.
За ним – реальности границы.
Там, на балконе, в утренней тиши
Уже две чайки ждут кусочек пиццы,
А небо просит капельку души.

* * *

Здесь скоро опадёт листва
И небо будет без конца –
Просторно...
И будут мокрые стволы,
Как продолжение земли,
Чернеть неровно.
Им не подняться никогда,
В какую бездну облака
Упали!
И, может быть, они с собой
Все опустевшие слова
Забрали.
А я отправлюсь тоже в путь,
Не обернусь, не обессудь...
Всё так условно!
Я с этим справлюсь как-нибудь,
А ты возьми и всё забудь...
Дословно.

* * *

Полынь ещё не подросла,
В ней горечь не созрела,
И никому не хочет зла,
И льнёт к ладоням смело.
С щемящей юной теплотой
Ласкают нежно кожу
Листочки бархатной каймой,
И я их не тревожу.
Боюсь нечаянно измять
Иль повредить до срока.
С лекарством горьким
Мне, как знать,
Не будет одиноко.
От сладкой жизни ль, от тоски
И от иной напасти
Полынь избавит. Что ж грустить,
Доверюсь её власти.

Синий Утёс

* * *

На террасе веет бризом,
И, молчание храня,
Здесь с изысканным сервизом
Ожидаю кофе я.
Ни звонков, ни разговоров –
Только чайки и волна,
Никаких ненужных споров –
Только морем жизнь полна.
Боже мой, какое счастье (!) –
В сердце пусто... Так легко
Все приливы и отливы
Вдруг оставили его.

КОРОЛЕВА АЛЬБАТРОСОВ

У огромных альбатросов
Словно из стекла глаза,
И они летят с откосов
За рыбёшкой, как гроза.
И вокруг меня кружатся,
Вопрошающе глядят.
Привлекает их ужасно
Мой сверкающий наряд.
Восседая в белом кресле
И восторгов не тая,
Под мелодию от Пресли
В это утро стала я
Королевой альбатросов,
Королевой всех времён,
И, конечно, без вопросов –
Всех народов и племён.

* * *

Амуры отдыхают на облаках.
Какая им разница, в чьих мы руках.
Они нас оставили, сердце разбито,
На пляже тоскует одна Афродита.
Забывшие стрелы остыли без дела.
Нам так не хватает их сладкого плена.
Мы ждём с нетерпением первой волны.
Одно лишь мгновенье – и все влюблены.

Галина ОКСЁНОВА

ОТЧЕГО НЕ СИДИТСЯ МНЕ ДОМА?

* * *

Отчего не сидится мне дома?
Что покоя душе не даёт?
Город добрый старинный над Томью,
Постоянно волнуя, зовёт.

В милый край вновь хочу устремиться,
Где багряная осень поёт,
Чтоб увидеть любимые лица,
Я стремглав отправляюсь в полёт.

Томск родной с деревянной резьбою!
У церковей – золотых куполов
Обнимусь тёплым взглядом с тобою,
Всяк красой любоваться готов.

Двадцать лет прожила с вами рядом,
Из «Экспромта» вам скажет любой,
Что общение с вами – награда!
Дар тепла увезу я с собой.

Добру открыты творческие души!
Первым после матери, отца,
Благодарность сердца за урок ваш лучший
Пронесу по жизни до конца!

* * *

Невозможно забыть нашу встречу
В день осенний над Томью-рекой,
Тот счастливый, волнующий вечер,
Подаривший тепло и покой.
И глаза томичей мне лучили
Столько света, добра и тепла!
Ключ от Томска поэты вручили,
Чтоб судьба сюда вновь привела.

Вам поклон за грибы и калину,
За стихи и коробки конфет,
Дар турецкого палантина,
А за книги – особый привет!
Вдохновенно-сердечные речи,
Что с душевным теплом изрекли...
До конца буду помнить о встрече
Я с поэтами томской земли.

* * *

Годами чудный клад в шкафах пылится,
Но есть ещё дерзающие лица...
И чьё-то сердце каждый стих зажжёт
И зёрнышком на «почву» упадёт.

Он светом озаряет, как с экрана,
Без шума и без стука барабана.
Ярчайшей искрой покоряет сердце,
И слышится волшебных пташек скерцо.

Не только хлебом полным закрома,
Как воздух, нам поэзия нужна.
У жизни стих – важнейший атрибут.
И множество дорог к нему ведут.

Поэзия мудра, могуча, широка,
Ручьями родины наполнена река –
Ручьями света, единения, любви...
В огранке слово, к добродетели зови.

Поэзия! Ты небом рождена,
И у народа в сердце ты одна,
И кто с тобою, легче тем идти
По сложному, тернистому пути.

Алексей Назаров

Пародии

РАСПИЛ БАБЛА

*Всё ж держи в кармане нож,
как с дружками начнёшь
вдругорядь бабло пилить –
честь по чести делить.*

*Наталья Ахпашева
Журнал «Сибирские огни»,
№ 07 – июль 2015*

У тебя в кармане нож,
у меня в стихах найдёшь
если даже не бухло,
обязательно бабло.

А вдругорядь не найдёшь –
вдругорядь зато... Ну что ж,
накосячила слегка,
не смогла наверняка.

Знаешь, пилится бабло
офигенно тяжело:
полбумажкой башлять
как-то стрёмно, вашу мать!

Ни финты себе делёж!
Что посеешь, то пожнёшь.
Вот теперь наверняка
обалденная строка!

Я свои стихи отдам
в «Сибогни», поскольку там
поэтический кумар,
не фильтруется базар.

СТЕСНИТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ

*Живу и надеюсь на чудо,
Блаженным и сирым под стать.
Не мучаюсь творческим зудом,
Стесняюсь с утра выпивать.*

*Константин Гришин
Журнал «Сибирские огни»,
№ 11 – ноябрь 2021*

Уж так получилось: родился
Не в меру застенчивым я.
Со временем пить научился,
Освоив процесс питания.

Как ясно из умной цитаты,
Шампанское пьют по утрам
Всегда или аристократы,
Иль дегенераты. Стыд-срам.

А я, находящийся между,
Пью вечером, ночью, в обед,
На чудо хранящий надежду
Стеснительный скромный поэт.

Степан Климов

Рассказы

БАНЯ

Эх, надо ли разъяснять, чем является баня для русского человека! Можно сказать, она главное подспорье его нелёгкого существования – источник здоровья, радости и душевного умирения во все времена, начиная с дней игровых до неустройства нынешнего.

Неспособный охватить весь простор русской банной темы, огляжу только её малую составную, кою часть наблюдал в Сибири, в славном Каргаске, админцентре одного из многочисленных мест, куда народная власть ссылала своих граждан, подозреваемых в крамоле, вольнодумстве или в сомнении о правильности советских порядков.

Для ссыльного банька жизненно необходима, и потому комендатурский спецпереселенец себе её непременно строил в углу, на задках выделенного ему приусадебного участка, по своим силам и способностям, скромно, чаще всего по-чёрному. Строил низеньким срубом с дерновой крышей, кирпичной каменкой, соединённой отрезком где-то добытой железной трубки с ёмкостью, чтобы, kloкоча и стреляя паром, она нагревала в ней воду. Полок, керосиновая коптилка вместе с черпаком, шайкой и кадкой для холодной воды дополняли обстановку. Воду брали сразу за пряслами в бочаге соседствующего болота, на гриве которого обычно лежало поселение.

Холодная, тёмная и сырая обыкновенно, истопленная она становилась уютно-родной, сухой, свежей, пахнувшей терпким ладаном смолы. Когда же моющийся поддавал пара шайкой настоем от замоченного в нём веника весенней вязки, то всё в баньке обдавалось жарким духом весны в самые лютые морозы.

Смыв соль лесных, дорстроевских и иных повинностей, попарившись, согнав с себя семь потов, оздоровев и помолодев, пробежав в чистом белом исподнем босиком по снежку до избы и бухнувшись потом в свою кровать, спец вкушал высшее блаженство, единственную отраду в его подневольном существовании...

В нарымском комендатурском ссыльном районе с самых начальных времён население его делилось на две неравные части: большую – невольных и меньшую – вольных. Последние, в свою очередь, делились на беспартийных и партийных. Партийные – это было начальство, безоговорочные исполнители приказов свыше.

Нарымское начальство – среди местных красное дворянство в подозрительной идеологической среде – запрещало себе общение накоротке с прочим людом, и уже никак со ссыльными – *ибо противник коварен*.

Но вот поди при существовавших первоначальных обстоятельствах приходилось начальству баниться в баньке спеца кулацкого прошлого, то есть находиться беззащитно-голым в логове скрытого классового врага!

Вот потому из соответственных отделов Каргаска слались чередой заявления, постановления, решения в обком и даже в Москву, оканчивающиеся просьбой о строительстве в райцентре культурной коммунальной бани.

Через время, наконец, дело услышалось, было принято во внимание в самой столице и двинулось. В некоем московском НИИ под руководством некоего Крылова для Каргаска был выработан проект наисовременнейшей общественной бани. Затем, как положено, проект вместе со сметой был спущен для исполнения в область, где для её возведения в Каргаске открыли финансирование и всю связанную с тем пухлую документацию выслали Каргасокскому райисполкому, а тот её передал отделу районного коммунального хозяйства.

Получив деньги, разнарядки и материалы, район в мобилизационном порядке, одним порывом, уже к осени возвёл своё банное чудо с паровым котлом, манометрами, термометрами, насосами и клапанами, с общей мыльней и отдельными номерами для партийной знати!

Таким счастливым разрешением банно-политической проблемы в селе Каргасок можно бы это повествование окончить, если бы только упомянутая баня с наступлением зимних холодов не стала предъявлять к своей службе требований оранжерейного цветка.

Совсем печально сделалось в наступившую военную пору, когда ядро банных специалистов Каргаска было призвано в армию и этим техническое обслуживание сего цеха общественной гигиены пошатнулось совершенно... Теперь частенько даже в небольшие морозы её паровое оборудование – манометры, термометры, насосы и клапана – выходило из строя, а начальству приходилось, до конца не домывшись, возвращаться домой в застывшей мыльной пене...

Выходило, что коммунальная баня как бы есть, но одновременно и не существует – хождение в баню стало лотереей на удачу, которую определял счастливый случай. Народ-острослов это заведение стал называть Басней Крылова, тем намекая, что она просто миф, а не существующая реальность.

Делу не помогали грозные выговоры, смещения банного руководства, и под конец даже снятие с должности директора коммунхоза.

Трудно себе представить дальнейшее течение дел, если бы из глубин Васюганья какими-то судьбами не появился на картофельном поле коммунхоза некий отощавший ссыльный бессараб – сторожем. К зиме бедолагу перевели в баню дровоколом, и сие стало началом его головокружительной карьеры, благодаря необычному таланту, небесами дарованному ему. Бессарабец сей имел божественное призвание банщика, в нём таился каргасокский Сандунов. Он в начале своего скромного банного поста исправно колол дрова, не препятствуя своим соплеменникам по вечерам уносить домой по вязаночке дров, он заколотил дружбу со слесарями соседствующей МРС, бесплатно пропуская их в общую баню помыться, а те, в свою очередь, безвозмездно ремонтировали всю банную механику. Так он спас то, на что высокое районное руководство уже помышляло рукой махнуть.

И стала Баня Крылова всамделишной, работая по расписанию даже в самые крепчайшие сибирские морозы того года, паря и дымя своей железной

трубой наподобие арктического ледокола «Седов» из славной северной эпопеи освоения Северного Морского Пути.

Старания бессарабца были замечены, и он справедливо возведён в ранг заведующего баней, получив при ней даже кабинет, куда поспешил перебраться из своей земляной сторожки картофельного поля.

Правда, кабинет этот скорее напоминал дно колодца. Натасканный ногами снег на полу не таял тут даже при докрасна раскалённой железной печурке, тепло которой возносилось без пользы к несуразно высокому потолку каморки.

Но несколькими досками и горстью гвоздей новоиспечённый заведующий соорудил себе под потолком нары, и вечером по прислонённой к ним лестнице взбирался в это поднебесье, чтобы в тепле почивать до следующего утра.

Так жил он, пока однажды, подбросив в печку последнее полено, поднялся в своё верхотурье и не привиделся ему чудный сон. Будто он снова в Молдавии, где стоит на скамейке, обрезая спелые грозди винограда в своём винограднике... И столь это всё явственно ему видится, что даже слышится, как мать гремит посудой в кухне, откуда вкусно пахнет, и слышится, как мать его кличет к обеду, а он по её зову прыгивает со скамейки... только не в Молдавии, но в тутошнюю банную явь. Полетев с нар, оказывается он на полу своего колодца с переломом бедра... На этом его оставим...

Баня, лишившись бессарабской движущей пружины, стала спотыкаться на своём ходу, механизмы её всё чаще давали сбои, пока внезапно, неожиданно наставший мартовский мороз не подсёк её окончательно. Её манометры, термометры, клапана и насосы промёрзли, а котёл звонко треснул, и из его раскрытого бока вырос ледяной перст, указующий в сторону МРС.

Последующая затем цепочка событий проявила неустойчивость и слабость дисциплины в партийных рядах Каргасокской организации ВКП(б). Как было некогда, снова тёмными вечерами возобновились тайные посещения ответственными работниками спецовских бань, куда в своих портфелях несли они вместе со сменой белья мыло парфюмерной фабрики «Свобода» и флакон тройного одеколona.

Открывшаяся конъюнктура родила Баню Казанова, мигом срубившего на берегу Оби из плавника баньку по-белому, отвечая так на банный дефицит и обслуживая своих посетителей по высшему разряду.

Долго такое первый секретарь Угрюмов, конечно, терпеть не стал, но и сам не мог ходить невымытым. Однако вот беда: в СССР всё хозяйство учтено так, что каждая вещь имеет свой срок службы! Начиная с канцелярского пера и кончая Днепрогэсом! Новую баню Каргаска нельзя было строить до тех пор, пока срок службы Бани Крылова не вышел! Срок же службы её, чтоб она сгорела, был ещё в далёком будущем.

И что вы думали? Ведь сгорела родимая!

Сгорела она весной, после того, как основательно просохла. Занявшись рано утром, горела споро и весело, так что прибывшим пожарникам тушить было уже нечего. Да и то сказать: пожарники с приездом особо не спешили, а местный пожинспектор не ломал голову, устанавливая причину возгорания, отнеся её то ли к шаровой молнии, то ли самовозгоранию, приравняв

случай к неоспоримой категории форс-мажора, сиречь – непреодолимых природных сил.

После происшествия дело постройки новой бани получило сразу борзый ход. Тому споспешествовал новый вал ссыльных из Прибалтики, вынесший среди прочих на обской берег рижского архитектора Никитина.

Соображаясь с местными климатическими условиями и наличными средствами, он поставил баню без котлов, манометров, насосов и клапанов, без номеров, но с одной большой общей светлой мыльней смежной с парной и совместной раздевальней. Все тепловые нужды бани покрывала огромная печь, составляя часть парной, согревая при этом огромный чан для горячей воды рядом с таким же чаном холодной. В оба воду, поднятую журавлём из колодца, подавали прямо по жёлобу.

Ладненькая такая получилась банька, хоть женскому и мужескому полу надо было в ней мыться в разные дни недели.

Баню же Казанцева начальнику райотдела стало приказано растащить по брёвнышку. Время частного предпринимательства тогда даже не мерещилось.

УХАБЫ СЛУЧАЙНОСТЕЙ

Цепь случайностей привела Наполеона к катастрофе Ватерлоо...

Последовательности меньшего значения были и продолжают быть наблюдаемы повсеместно, а посему существовали и тогда, когда Сидоров, после работы на Кирпичном, пешком, отмерив порядочный путь до Каргасокского Райпромкомбината в надежде там получить аванс, – впустую, без денег, возвращался домой, в разочарованных настроениях, соответствующих такому «подарку» злой обманщицы – судьбы. Пройдя в сгущающихся сумерках сентябрьского дня деревянный мост, возле районной больницы Сидоров стал подниматься по взлобку к Старому Каргаску, как вдруг!

(Случаи всегда начинаются ВДРУГ!)

Как вдруг зрение его уловило что-то серое, лежащее на краю езжей дороги. В то время каргасокский житель мимо беспризорного не проходил, не полюбопытствовав, что оно такое и если это даже такая мелочь, как гвоздь, то ведь гвоздь тоже может к делу пригодиться.

Сидорову хватило пары шагов, дабы узреть вещь сказочную: серую кошёлку инкассатора банка, запертую металлической застёжкой! Такой фарт! Но опасный...

Скорее наитием, чем осознанием, Сидоров воровато огляделся и, убедившись, что в округе, уже тонущей в полумгле, его никто не видит, поспешно сунул кошёлку под полу фуфайки, да припустил задами, минуя навесы для сушки кирпича-сырца кирпичного завода, к своему обиталищу. Одначе в нём росло понимание им совершённого проступка, наказуемого уголовно, а может быть, даже по универсальной статье 58-й!

Временами Сидоров потому замедлял ход в сомнениях, но, ощущая сквозь материю кошёлки тугую пачку денег, эти приступы честности исчезали, а ноги снова обретали прежнюю прыть.

У придворья коммунального жилища, в котором Сидоров бытовал одиноким холостяком, занимая отдельный закуток, он остановился, не решаясь нести казну домой... Мало ли что! Вдруг милиция нагрянет с повальными обысками квартир! Сидоров потому сунул кошёлку в летнюю печурку, как по заказу сложенную соседями у самого прясла изгороди...

Скудно поужинав, Сидоров лёг на кровать, долго ворочался, думая всякие тревожные мысли, пока наконец провалился в омут страшных снов...

Усталость и пережитая его организмом тревога сковали Сидорова до позднего утра. Когда он, наконец размежив очи, вышел до ветру, то увидел в летней печурке яркий пламень и соседку Марфу, греющую на печурке ведро, полное воды! Такой неожиданный момент существования ударил Сидорова, как оглоблей!

– Ты пошто это печку затопила! – яростно вырвалось у него. Но тут же он сообразил, что крики ему запрещены и даже наоборот, надо казаться безразличным, не вызывая подозрений, и главным ему теперь станет незаметно извлечь проклятую металлическую застёжку инкассаторской кошёлки из прогоревшей печурки! Вот так внезапно прикачнувшееся к Сидорову счастье тут исчезло, превратившись для него в дым и пепел.

На этом бы мне поставить точку, но цепочка связующих обстоятельства случайностей, приведённых выше, не окончилась.

Марфа, уборщица одного незначительного учреждения Каргаска, два дня подряд замещала свою напарницу. Так Марфа обрела два свободных дня, решив их использовать хозяйственно-разумно, чтобы к зиме побелить заново свои две комнатки.

Ранним утром она, мелко наколов дрова, поднесла их к летней печурке потому, что жарко натопленная вечером дома русская печь ещё за ночь не остыла и хранила в своём тепле чугунок щей к обеду.

Итак, спозаранку Марфа начала свой день с придворовой печурки, собравшись зарядить её дровами, но оказалось, что в ней уже что-то есть и, возможно, такое, что не горит вовсе. Пошарив в топочке рукой, она извлекла оттуда КОШЁЛКУ, напоминающую ту, которую ей ненароком пришлось видеть у местного инкассатора.

Извлекла, и смертельно испугалась!

Однако кошёлка не была пустой! А если в ней деньги? От такого факта Марфа пришла в дребезжащее состояние без способности унять обуявший её хоровод мыслей, и с кошёлкой в руке кинулась к своему мужу в комнату.

– Ой, Саня, что содеялось-то! Гля, что в печурке улишней нашей нашла!

Тот, увидев положенную перед ним находку жены, сразу смекнув, спросил:

– Видал ли тебя кто с ней?

– Никто не видал!

– Точно?

– Господи! Да никто! Говорят тебе!

Тогда Александр взял кошёлку, открыл металлическую защёлку и вынул её содержимое – пачку денег, перехваченную ниткой. При виде такого Саня только смог выдохнуть растянутое:

– Та-ак!

Но муж Марфы был человеком обстоятельным и умудрённым суровым опытом советской жизни, способным быстро соображать и решать.

– Ты вот что! – велел он Марфе, передавая ей пустую кошёлку, – мигом отправляйся назад и засунь сумку обратно в печурку, да стереги, покель стгорит! О случившемся ни гу-гу никому! Поняла!

Поняла, поняла Марфа всё! Как не понять? И совершила всё так, как её надоумил муж.

Тем временем Саня обул бахилы, одел фуфайку, сунул пачку денег в карман, вышел во двор, внимательно кругом осмотрелся, потом перелез через жердяную городьбу и по прямикам дунул в ближний лес, где разыскал старую осину, одетую густой моховой порослью ствола, в котором нашлось дупло, куда он засунул внезапно привалившее сокровище...

Прошло время, прошла и рассеялась молва о потере инкассатором денежной суммы, выпал снег и, хотя теперь вроде бы можно отправиться за деньгами к заветной осине, да опасно это казалось из-за остающихся на снегу предательских следов. Саня с Марфой начали ждать метель, но погода только временами подсыпала малость снега, недостаточную, чтобы разом скрыть всякие оставленные в лесу наводки. Наконец завертело-забуранило так, что ни зги не видать: самое то, чтобы Александру пимы обувать, фуфайку одевать, да, напялив ушанку, обвернувшись марфиным платком, броситься в белую круговерть к заветной осине. Найти её оказалось делом не лёгким. Александр даже взмок, бродя по изменившемуся зимой лесу, пока наконец нашёл свою осину, одетую теперь в моховую шубу, пышно отороченную снегом.

Привстав на корневище, он запустил руку в дупло, но сколько ни шарил, денег, завёрнутых в тряпицу, не нашёл, а вытащил только изгаженные обрывки того, что им в дупле было упрятано. Птица его счастья улетела, над ним посмеявшись!

...Лесопилка, перевезённая новым директором Каргасокского райпромкомбината Ворониным прямо в лес за Старым Каргаском, пилила в две смены, покрывая прежнюю задолженность комбината районному бюджету. Кабинет директора ныне украшало Переходное Красное Знамя Победителя Социалистического Соревнования, а самому Воронину выпала некая премиальная сумма. Труженики же лесопилки от тех успехов ничего не имели, разве что зарплату им стали выплачивать своевременно, однако теперь ежедневно приходилось мерить путь на работу и обратно длиной в несколько километров.

Антига возвращалась с первой утренней смены усталой. Лесные работы лёгкими не назовёшь. С места лесоповала до лесопилки была проложена деревянная колея наподобие паровозной, по которой уложенные на деревянные же вагонетки хлысты свозились в штабеля у распиловочного станка. Дорога получилась несовершенной, вагонетка часто сходила с «рельс», и тогда приходилось «вагой», коротким шестом-рычагом, поднимать вагонетку снова на колею. Антига работала возницей, погоняя почтенной старости кобылу, впряжённую в вагонетку, не отзывавшуюся на обычное для лошади «НУ!», но только на окрик похлеще. Труд этот был совсем не женским, всё же только так становилось возможным заработать до 250 сталинских «рэ» в месяц.

(Больше, хоть разорвись, в комбинате простому рабочему не было поло-

жено. В стране социалистического хозяйствования, где всё вплоть до чиха устанавливалось заранее планом, большее не полагалось.)

Админссылная Антига возвращалась домой в думах об оставленном дома малолетнем ребёнке, и как ей его прокормить, согреть да одеть, ибо долгая сибирская морозная зима не солнечный Азербайджан... Сибирь ей чужая, и всё ей в ней чуждо... Тайгу она не любила, хмурость тайги угнетала. Выйдя сквозь тёмное густолесье прямохожей тропинкой на светлый простор опушки, откуда открывалась даль раскинувшейся внизу приобской поймы, в которой виднелись белые дымы Каргаска, столбами подпиравшие небо, Антига остановилась. Зрелище было такой красоты, что на душе посветлело. Полюбовавшись видом, Антига хотела продолжить свой путь, но тут ВДРУГ увидела почти рядом с собой в снежной пороше край цветной бумажки. Удивлённая таким тут совершенно посторонним предметом, она нагнулась, сняла рукавицу, отгребла снег и подняла дензнак достоинством в пять червонцев...

Аллах оглянулся на сирость её!

Олег Кислицкий

Пародии

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ

*Оглянись среди ночи и дня,
Оглянись и увидишь меня.
Это я. Это я. Это я.
Любовь твоя.*

Михаил Танич

Растерялся я – вот тебе на!
Понял, случай подобный не част.
– Да она. Да она. Да она...
В голове застучало тотчас.

Но спросил с прямою тупой,
Чтобы уж без обмана и лжи:
– Паспорт, я извиняюсь, с собой?
Покажи. Покажи. Покажи.

ОБОЗНАЛСЯ

*В глухую полночь манит этот свет.
Кто был со мною, все меня покиньте.
Я заблудился, выхода мне нет.
В тебе брожу я, словно в лабиринте.*

Карен Кавалерян

В тебе я помню каждый уголок.
На ощупь и с закрытыми глазами.
Тебя я знаю вдоль и поперёк,
А тут от удивления вдруг замер.

Всё вроде мне знакомые места.
Всё та же ты и спереди, и сзади.
Всё та же ты...

нет, кажется, не та!

– Пардон, мадам. Простите, Бога ради.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

*Как ты очутилась
Там, где я живу?*

Игорь Шаферан

Ну скажи на милость,
Почему и как
К нам ты заявила
В гости без звонка?
Всё пришлось мне сразу
Объяснять жене,
Так что правым глазом
Вижу не вполне.

К СТЕНКЕ

*На стене в твоём подъезде
Я пишу тебе письмо.
Начинаю на десятом,
А закончу на восьмом.*

Алексей Воробьев

Я иду. Вдруг двое сзади.
Трое, вижу, впереди.
– Ты не Пушкин ли, писатель? –
Говорит из них один.

Окружили. Смотрят хмуро.
В глаз ведь могут дать, ей-ей!
Говорят: «Мы – штукатуры,
Ловим тут писателей.

Так что дрожь уйми в коленках,
Не пытайся слёзы лить,
Кисть бери, ведро... и к стенке.
Начинай подъезд белить.

Чтобы разным пороссятам
Впредь всегда дружить с умом,
Начинай-ка на десятом,
А закончишь на восьмом».

ПРООСВЕЩЕНИЕ

*Она вернётся,
Она вернется,
Она мне ночью заменяет солнце.*

Константин Меладзе, Артём Пиндюра

Она вернулась.
Она вернулась.
На стульчик влезла и в патрон ввернулась.
– Я, – говорит, – пришла к тебе с вещами,
И жизнь твою теперь поосвещаю.

И вся как включится,
Вся как засветится,
И только счётчик в прихожей вертится.
И счастье хлынуло,
И не кончается.
Теперь как вечер, так она включается.

И знаю я – уже не выгоню,
Ведь с нею мне светло и выгодно.

БАЛЛАДА О ЕРУНДЕ

*Ты ещё молодой.
Ты ещё страдаешь ерундой.
Ты же называешься звездой
Только из лести.*

Марина Хлебникова

Паренёк, обделённый судьбою,
Явно в жизни хлебнувший беды,
Постоянно страдал ерундою.
И не мог излечить ерунды.

Тьму лекарств он испробовал разных,
Кубок горечи выпив до дна.
Ерунда оказалась заразна
И для печени, сволочь, вредна.

Он не спал уж ночами.
Он плакал.

О пути не мечтал уж звезды.
И погиб ни за что бедолага
От хронической той ерунды.

Так что каждый проверься два раза,
К ерунде той опаску тая.
А ещё опасайся
 маразма,
 тифа,
 коклюша
 и лишая!

КАМУШЕК

*Не ходи к нему на встречу, не ходи,
У него гранитный камушек в груди.*

Андрей Громов

– До тебя, – сказал он, – быстро не дойдёшь.
Далеко, – сказал он, – слишком ты живёшь.
Не приду.
 Не стой, не жди меня в тоске...
У меня гранитный камушек в носке.

ШЁЛКОВЫЕ СТРАСТИ

*Ночь ему дарила
Нежней, чем розовый шёлк.
Я его любила, а он меня не нашёл.*

Константин Меладзе

Я стояла, расстроившись жутко.
Мне печаль омрачила лицо.
– Отойду, – он сказал, – на минутку.
И в шелках затерялся с концом.

Я ругалась словами плохими.
Я себя проклинала в душе,
Ведь в кровати с шелками такими
Потерялся четвёртый уже.

**Наталья Васильевна
БУКОВСКАЯ**

Родилась в Томске. Окончила исторический факультет Томского государственного университета. Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии философского факультета Томского государственного университета. Дипломант (первое место) областного литературного конкурса «Слово-2017» в номинации «Поэзия». Публикации в журнале «Начало века» №1/2018, №4/2020. Автор книги стихов «Время пройдет сквозь меня» (Томск, 2018).

**Олег Петрович
КИСЛИЦКИЙ**

Родился в 1954 году в с. Александровское Томского района Томской области. Скульптор и поэт.

Окончил Томский политехнический институт. Работал мастером на инструментальном заводе, инженером в политехническом институте, вёл уроки труда в средней школе. Председатель правления Томской организации творческого Союза художников.

Автор многих прикольных памятников на улицах Томска. Автор книг пародий и подражаний «Сильных не жаль», «Полковнику никто не спишет», «Море волнуется раз», «Море волнуется два», «Избранные насмешины».

**Елена Викторовна
КЛИМЕНКО**

Родилась в 1962 году в селе Первомайском (Пышкино-Троицком) Томской области в семье учителей. В 1982 г. окончила Томский приборостроительный техникум. Училась на факультете прикладной математики ТГУ. В 2021 году окончила факультет психологии ТГПУ. Сотрудник НОЦ теории образования ТГПУ. Награждена медалью ТГПУ «За заслуги в области образования».

Публиковалась в литературных изда-

ниях Томска, Кемерово, Новосибирска, Красноярска, Мельбурна, Парижа, Москвы, Санкт-Петербурга, Магнитогорска, Омска, Ставрополя, Самары и др. Автор шести поэтических книг: «Неуместные письма», «В подстрочнике мая», «Время вить гнездо», «Времена и города», «Круговорот стихов в природе», «Вечнозелёное время». Член Союза писателей России. Член творческого совета журнала «После 12».

Живёт в Томске.

**Галина Ивановна
КЛИМОВСКАЯ**

Родилась в Сталинске (ныне Новокузнецк). Окончила историко-филологический факультет Томского государственного университета. Доктор филологических наук. Труды по социолингвистике, стилистике художественной речи, синлексике русского языка. Автор учебных пособий по старославянскому языку и современной русской орфографии.

Автор многих поэтических книг и сборника избранных стихотворений «На том берегу» (2019). Автор повестей «Синий дым Китая», «Онка», «На всесторонней», «Согра», «Уфо», «Петербургские этюды» и других.

**Степан Михайлович
КЛИМОВ**

Родился в Латвии в 1926 году. В 1941 году депортирован в Нарымский край. Автор замечательно написанных воспоминаний о годах ссылки. Их фрагменты неоднократно печатались в журнале «Начало века».

Сейчас житель города Тарту (Эстония).

**Иван Алексеевич
КРИСКЕВИЧ**

Родился в 1940 году в Белоруссии. Во время войны потерял родителей, воспитывался в детском доме. Окончил Том-

ский медицинский институт в 1966 году, жил и работал в Кемеровской области, в Бурятии. Работал врачом-невропатологом в различных лечебных учреждениях Томской области. Пенсионер. Живёт в Томском районе.

**Надежда Ивановна
МИТЯГИНА**

Родилась в Брянской области, в учительской семье. Окончила исторический факультет Московского Областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Успешно работала в просвещении Алтайского края. Её воспитанники – среди лауреатов Международных детских литературных конкурсов. Стихи и рассказы печатала в журналах Германии и Болгарии, Новосибирска, Томска, Барнаула, Бийска, Горно-Алтайска и Кош-Агача. Автор шести книг стихов и прозы, в том числе первого художественно-исторического романа о судьбе народного Сопrotивления Алтайского края и Горного Алтая.

Лауреат Международных литературных конкурсов в Москве: «Одарённые дети» и «Гренадеры, вперёд!». Член Союза писателей России с 2016 года. Живёт в Барнауле.

**Алексей Николаевич
НАЗАРОВ**

Родился 15 октября 1965 года в селе Томилово Мошковского района Новосибирской области. После службы в армии окончил Алтайский государственный институт культуры (1987–1992). В настоящее время работает преподавателем ДШИ по классу баяна. В 2015 году вышел сборник стихов и пародий «Облако над рощей». Живёт в посёлке Мошково Новосибирской области. Публиковался в журнале «Начало века» и других изданиях.

**Галина Сергеевна
ОКСЁНОВА**

Родилась в Анжеро-Судженске Кеме-

ровской области. Окончила Томский медицинский институт. Работала сельским участковым врачом в Колпашевском районе, затем врачом-дерматологом в Колпашеве и Новокузнецке.

Выпустила 6 сборников стихотворений, последний по времени «Продолжаю полёт» (2012). Руководитель поэтического клуба «Экспромт».

В Томске жила с 1994 года. Сейчас живёт в Новокузнецке.

**Надежда Петровна
ПОЧУЕВА**

Родилась в 1962 году в Башкирии. Окончила среднюю школу рабочей молодёжи. Инвалид с детства по зрению. Работала в учебно-производственном предприятии ВОС в Стерлитамаке. Замужем, взрослый сын. «Почётный ветеран ВОС», награждена знаком «За заслуги перед Всероссийским обществом слепых». Пишет и читает по системе Л. Брайля. Лауреат премии мэра города Стрежевого в номинации «Преодоление». Автор сборников стихов «Я размышляю о судьбе» и «Смотрю глазами сердца».

Публиковалась в литературно-художественном альманахе «Стрежевой», а также в поэтических сборниках, журнале «Мы вместе» и других.

С 1981 года проживает в Стрежевом.

**Александр Дмитриевич
РАЕВСКИЙ**

Родился в 1951 году в селе Алабуга Кургатского района Новосибирской области. После службы в армии работал директором сельского Дома культуры, учителем рисования, частным охранником. Окончил Новокузнецкий педагогический институт, Иркутское пожарно-техническое училище. 20 лет прослужил в пожарной охране МВД, капитан в отставке. Печатался в региональных, центральных журналах и газетах, в коллективных сборниках. Автор семи поэтических сборни-

ков. Лауреат премии журнала «Наш современник». Член Союза писателей России. Живёт в Новокузнецке.

**Светлана Геннадьевна
РОДИКОВА**

Родилась на севере Томской области, посёлок Пырчино Александровского района. Национальность: ханты из рода Антоусовы. Закончила школу и сразу вышла замуж. Жила, используя навыки, привитые традиционной культурой своей национальности. Добывали дикоросы, рыбу, держали скотину. Сейчас на пенсии. Вырастила троих детей и семерых внуков. Автор книги «История хантйской девочки».

**Геннадий Кузьмич
СКАРЛЫГИН**

Родился в Кемеровской области. Окончил Томский государственный университет.

Стихи публикуются в журналах «Наш современник», «Московский вестник», «Сибирские огни», «Российский колокол», «День и Ночь», «Огни Кузбасса», «Барнаул», «Начало века», в альманахе Академии поэзии и других изданиях. Стихи вошли в «Антологию русской сибирской поэзии. XX век». Книги – «Всё унесёт река», «Утренний человек», «У заветного камня» и другие.

Секретарь правления Союза писателей России. Председатель Томской областной писательской организации.

**Станислав Петрович
ФЕДОТОВ**

Родился в 1938 году в селе Соколово Зонального района Алтайского края. Поэт, драматург. Окончил радиофизический факультет Томского университета. Работал инженером на заводе, учился в аспирантуре, был редактором Томского отделения Западно-Сибирского книжного издательства. Член Союза писателей с 1973 года. С 1986 жил в Благовещенске.

Публиковался в журналах «Сибирские огни», альманахе «Приамурье». Автор книг «Старт» (1965), «Гамма-излучение» (1968) «Плюс-минус единица» (1969), «Оглянись в любви» (1977), «Только любовь» (1988) и других. Автор нескольких пьес. Работал журналистом в газетах Благовещенска. Инициатор многих культурных мероприятий.

**Леонид Николаевич
ШЕЛУДЬКО**

Родился в 1952 году в Чите. Окончил Томский политехнический институт. Член Союза писателей России. Публиковал свои произведения в журналах «Простор», «День и ночь», «Сибирские Афины», «Начало века» и других. Стихи вошли в ряд коллективных сборников и антологию русской сибирской поэзии XX века. Автор книг стихов «Дорога через осень», «Бумажный голубь», «Рыжий» и других.

НАЧАЛО ВЕКА

Литературный и краеведческий журнал

Издание томских писателей

Главные редакторы

Г. Скарлыгин

О. Чайковская

Технический редактор

О. Карташов

Корректор

И. Киселёва

Редакция журнала принимает к рассмотрению авторские работы в электронном виде, набранные на компьютере на страницах формата А4, размер шрифта 12–14 кегль, гарнитура Times New Roman или Cambria.

Расширение файла doc, docx или rtf. Материалы, представленные в других форматах (txt, pdf, tif, jpg и т. д.), редакция не рассматривает.

Редакция знакомится с письмами читателей,
не вступая в переписку.

Адрес редакции: г. Томск, ул. Шишкова, 10.

E-mail: ya.oxana69@yandex.ru

© Составление и оформление: «Начало века», 2022 г.

Формат 70x108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 18,2. Тираж 100 экз.

Дата выхода журнала 14.02.2022 г. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Томская полиграфическая компания»,
г. Томск, ул. Пушкина, 40/1